РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРАВИТЕЛЬСТВА КБР И КБНЦ РАН

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

1
ВЫПУСК

НАЛЬЧИК • 2012

УДК – 902(470.6)+39(470.6)
ББК – 63.48(235.7)+63.529(235.7)
А – 87

Редакторы:

Бгажноков Барасби Хачимович
доктор исторических наук

Фоменко Владимир Александрович
кандидат исторических наук, доцент

Археология и этнология Северного Кавказа. Сборник научных трудов. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. – Выпуск 1. – 178 с.

Тематический сборник включает в себя статьи, разрабатывающие актуальные вопросы археологии и этнологии Северного Кавказа. В сборнике публикуются материалы древних и средневековых памятников Северного Кавказа, а также региональные этнологические исследования. Рассматриваются проблемы средневековой истории народов Кабардино-Балкарии и сопредельных регионов.

Сборник предназначен для специалистов-археологов и этнологов, историков других специальностей, музейных работников, преподавателей вузов и школ, краеведов, студентов, для широкой аудитории читателей.

На обложке изображение серебряной рельефной пластины от горита с золотыми накладками (Семибратний курган № 2. Раскопки В.Г. Тизенгаузена, 1875–1876. Эрмитаж) и на титуле серебряный позолоченый фалар (Курган у г. Кореновска, 1968. Краснодарский музей).

© КБИГИ, 2012

От редакторов

Последние десятилетия ознаменовались заметным повышением интереса к древней истории и этнографии Кавказа. Наблюдается многократное увеличение посвященных этой тематике монографических работ, сборников статей, конференций. Возрастают масштабы Крупновских чтений, получивших всемирное признание, как авторитетный форум, объединяющий ученых, ведущих повседневную работу по выявлению, анализу и сохранению древностей и культурного наследия юга России.

Публикуемый сборник восстанавливает утраченную в постсоветский период традицию издания в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований тематических сборников по археологии, этнологии, по другим смежным научным дисциплинам. В первый выпуск «Археологии и этнологии Кавказа» вошли труды ученых Кабардино-Балкарии, коллег из Москвы, Карачаево-Черкесии, Ставропольского края, Ингушетии, Украины. Надеемся, что такое сотрудничество продолжится и станет хорошей традицией. Поэтому просим всех специалистов принять активное участие в следующих выпусках сборника.

Тематический сборник открывается статьей *И.М. Чеченова.* Она представляет собой краткий очерк археологии каменного века и энеолита Северо-Западного и Центрального Кавказа. Работа носит обобщающий и отчасти популяризирующий характер*. Работа *Б.Х. Бгажнокова* продолжает серию публикаций этого автора по проблематике дольменной культуры Кавказа. В данной статье рассматриваются универсальные свойства и локальные традиции строительства дольменов. В статье *Ю.А. Прокопенко* рассматриваются орнаменты и плоскостные антропоморфные и зооморфные изображения в художественной культуре населения Центрального Предкавказья второй половины I тыс. до н.э. Дается сводка археологического материала. Не лишены интереса предположения автора по поводу семантики ряда изображений.

В работе *В.Е. Маслова, К.И. Красильникова и Г.Г. Пятых* вводится в научный оборот комплекс погребения с мечом из могильника Львовский–VII (Республика Дагестан). Публикуется новый материал воинского захоронения сарматского времени, обнаруженного и интерпретированного авторами. Историографический характер носит публикация *С.Б. Буркова.* В ней подводятся итоги изучения бытовых памятников эпохи раннего железного века на территории Чеченской республики. Работа *С.Б. Буркова* способствует возрождению интереса современных ученых к археологическим памятникам Чечни. *У.Б. Гадиев* в своем исследовании подробно характеризует христианский храм Тхаба-Ерды (Республика Ингушетия). Автор излагает свои данные о датировке этого уникального историко-архитектурного памятника, относит время его строительства к VIII–IX вв. *В.А. Кузнецов* представил историко-археологическую версию интерпретаций фольклорных данных о происхождении дигорских Баделят, что позволяет по-новому взглянуть

* Иллюстрации к статье предоставлены И.М. Чеченовым.

на сложные вопросы этногенеза и этнической истории народов Центрального Кавказа. Исследование *И.А. Дружининой* посвящено эволюции погребального обряда адыгов XIV–XVIII вв. и влиянию на него религиозных представлений. В работе использованы формализованные методы анализа археологического материала. Высказаны предположения об относительной и абсолютной хронологии адыгских курганов Прикубанья, Пятигорья и Притеречья.

В статье *В.А. Фоменко* подводится итог современного состояния изучения адыгских памятников XIV–XVIII вв. на территории Карачаево-Черкесии. В публикации дается сводка объектов культурного наследия этого периода, а также краткое описание отдельных могильников и других памятников археологии.

В поле зрения *Ф.А. Озовой* находятся, в основном, письменные источники о населении Западного Кавказа. Опираясь на работы предшественников, прежде всего А.В. Гадло, автор предлагает собственную гипотезу происхождения княжеской династии Черкесии. Статья посвящена малоразработанной теме и несомненно представляет определенную ценность для этнологов и историков-адыговедов. В статье *Т.Р. Загазежева* рассмотрены старинные намогильные памятники (по-кабардински *сынысжь*) расположенные в селении Аушигер Черекского района КБР. Приводятся и анализируются надписи на памятниках и фольклорные данные, связанные с ними. Статья *Л.З. Кунижевой* посвящена отражению символики солнца и луны в земледельческой календарной обрядности абазин, проживающих в Карачаево-Черкесии. Как и всякая публикация этнографического материала, статья Л.З. Кунижевой, несомненно, будет полезна для этнологов, историков, археологов, искусствоведов.

Чеченов И.М. (г. Нальчик)

КРАТКИЙ ОЧЕРК ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРО–ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА (КАМЕННЫЙ ВЕК И ЭНЕОЛИТ)

Располагаясь между Черным и Каспийским морями и занимая весьма выгодное географическое положение, Кавказ издревле служил тем мостом, который связывал Юго-Восточную Европу с Северо-Западной Азией. К тому же он отличается весьма благоприятными природно-климатическими условиями: необычайным разнообразием фауны и флоры, сложностью рельефа, богатством недр всевозможными полезными ископаемыми и.т.п.[1]. Эти и некоторые иные факторы в значительной мере способствовали тому, что начиная с древнейших периодов истории и кончая нашим временем, Кавказ довольно плотно населяли более или менее многочисленные общности людей разного происхождения, разных форм хозяйствования и разных культур. Здесь открыты и исследованы тысячи археологических памятников, хронологически охватывающих в целом огромный период от древнекаменного века до позднего средневековья.

Сказанное почти в полной мере относится также к Северо-Западному и Центральному Кавказу – основной территории проживания и этнокультурного развития адыгов (адыгейцев и кабардино-черкесов) и балкаро-карачаевцев. Причем, среди бесчисленного множества разновидных и разновременных археологических памятников данной территории большого внимания заслуживают древности, относящиеся к каменному веку и энеолиту.

В изучении этих периодов в разных регионах Евразии в течении нескольких последних десятилетий произошли существенные позитивные сдвиги. Особенно впечатляющие, можно сказать, сенсационные научные открытия были сделаны в 1960 годы и позднее на территории Африки – в ущелье Олдувай в Танзании, на реке Омо в Эфиопии, в районе озера Рудольф в Кении и др. Археологические материалы, полученные при их исследовании, в синтезе с крупными достижениями в области ряда соответствующих естественных наук (в частности, палеогеографии и геологии, палеоклиматологии и гляциологии, палеоботаники, палеозоологии и.т.д.), позволили сделать принципиально новый вывод о том, что древнейшие люди, осознанно изготовившие первые примитивные орудия, появились на земле не 1 миллион лет тому назад, как считалось прежде, а около 2,5–3 миллиона лет т.н. На основании этих и других археологических открытий было определено и уточнено, что в целом в развитии каменного века, начавшегося в столь глубокой древности и завершившегося приблизительно 10–7 тыс. лет т.н., выделяются: *палеолит* – древнекаменный век (от 3–2,5 миллионов лет до 12–10 тыс. лет т.н.), *мезолит* – среднекаменный век (10–9 тыс. лет т.н.) и *неолит* – новокаменный век (8–7 тыс. лет т.н.). Далее следовал *энеолит* – переходный период от каменного века к бронзовому (меднокаменный век), который в основном развивался в пределах от 7 тыс. до 5,5 тыс. лет т.н. В свою очередь древнекаменный век подразделяется на ранний (нижний) палеолит (от 3–2,5 миллионов до 100–80 тыс. лет т.н.), средний палеолит – мустье – (от 80 тыс. до 40–35 тыс. лет т.н.) и поздний (верхний) палеолит (35–30 тыс. лет т.н.). При всем этом следует

особо отметить, что в развитии нижнего (раннего) палеолита выделяются периоды олдувай, шель и ашель[2].

Не трудно заметить, что каменный век является древнейшим и самым длительным в истории человечества: он почти в 250–300 раз превышает по продолжительности все последующие исторические периоды, сложенные вместе. Причем, явно подавляющая часть всего этого огромного времени относится к раннему палеолиту.

Каменный век явился основой для разностороннего развития человечества на протяжении всех последующих исторических периодов. Именно в каменном веке явно ускорился и в основном завершился процесс формирования людей современного физического типа и их расовых особенностей. В течении этого же времени они расселились на территории почти всех континентов, за исключением Антарктиды. Люди каменного века научились добывать и использовать огонь, изготовлять одежду, строить жилище. На поздних этапах той же эпохи они изобрели лук и стрелы, а также средства передвижения (сани, лыжи, лодки); тогда же у них появились навыки изготовления тканей, керамики и т.д. На протяжении всего каменного века постоянно совершенствовалась техника обработки камня, дерева, кости и других материалов, а вместе с тем повышалась эффективность изготовляемых из них различных орудий, которые использовались в быту, а также для охоты и рыболовства. Крупнейшим событием в истории человечества считается появление в течение последних периодов каменного века (конкретнее, в мезолите и особенно в неолите), производящих форм экономики, главным образом, земледелия и скотоводства. Это событие известно в археологии под названием «неолитическая революция». Следует отметить также, что на протяжении каменного века человечество прошло сложный путь развития от стадии первобытного стада до первобытно-общинного строя. И, наконец, в среднем палеолите (тоесть в период мустье), зародились ранние формы религиозных представлений и первобытного искусства, получившего дальнейшее развитие в последующие периоды каменного века – в позднем палеолите, мезолите, неолите[3]. Обильные и разнообразные археологические материалы, накопленные к настоящему времени, дают достаточные основания утверждать, что изложенные выше сведения об историческом развитии в каменном веке относятся в определенной мере и к территории Центрального и Северо-Западного Кавказа.

ОХОТНИКИ И СОБИРАТЕЛИ ДРЕВНЕКАМЕННОГО ВЕКА – ПАЛЕОЛИТА

Напомним, что особенности развития человечества, на протяжении всех эпох, особенно в древние периоды его истории, существенно зависели от окружающих природно-географических условий. Причем в палеолите, когда еще не появились производящие формы экономики, такая зависимость была абсолютно полной. В этой связи определенного внимания заслуживает тот факт, что в глубочайшей древности, соответствующей одному из ранних периодов геологической истории земли, «Большой Кавказ представлял собой обширный остров, имеющий равнинный или слабо расчлененный рельеф»[4]. Со временем, приблизительно около 10 миллионов лет тому назад, началось формирование современного рельефа Кавказа, продолжавшегося почти до конца палеолита. Этот процесс сопровождался поднятием гор и погружением прогибов между ними, а также грандиозными, часто повторяющимися вулканическими извержениями и землетрясениями. Глубокий отпечаток на формирование современного рельефа Кавказа, включая и его северную часть, накладывали мощные горные оледенения с периодическими наступлениями и отступлениями

ледников. Особенно сильным оледенениям подвергались центральные районы северокавказского региона, которые являлись ядром древнего оледенения всей горной системы. К тому же природно-географическая обстановка существенно менялась и осложнялась в связи неоднократными повышениями (трансгрессией) и понижениями (регрессией) уровня воды на огромных пространствах. Так, амплитуда колебании уровней Черного и Каспийского морей временами достигала 100–200 м и в периоды трансгрессии Маныч превращался в пролив, а Азовское море – в проточный бассейн. В результате образовывалась единое, необычайно обширное водное пространство[5].

В тесной связи с такими изменениями природно-географической среды основательно менялся окружающий животный и растительный мир; соответственно менялись и совершенствовались технические приемы обработки и формы, разных орудий, необходимых для эффективной охоты, рыболовства, собирательства. Вместе с тем в палеолите первобытные люди расселялись почти по всей пригодной для проживания территорий Кавказа, включая центральные и западные районы северокавказского региона[6].

Вслед за упомянутыми выше местонахождениями стоянками *начала каменного века*, обнаруженными в Африке, к числу самых древних памятников первобытных людей ряд исследователей относят также стоянку близ г. Дманиси в Грузии (Западное Закавказье); возраст стоянки достигает 1,7–1,8 миллионов лет и она включена в круг древностей олдувайского (доашельского) периода[7]. К этому же периоду относятся материалы из самых нижних (ранних) слоев пещеры Азых в Азербайджане. Одни исследователи считают, что Азыхскую пещеру первобытные люди начали заселять 1 миллион лет т.н., другие – 1,5 миллиона лет т.н., а третьи – около 2 миллионов лет т.н. Эти и другие соответствующие данные указывают на вероятность появления в Закавказье первобытного «человека прямоходящего» – Гомо эректус, или «человека умелого» – Гомо сапиенс в самом начальном этапе раннего палеолита[8]. Правда, датировка возраста Дманисской стоянки и особенно Азыхской пещеры столь древним временем представляется определенной части исследователей недостаточно аргументированной, но вместе с тем, они считают вполне допустимым относить эти памятники к числу древностей одного из *ранних периодов нижнего палеолита* – к ашелю[9]. При всем этом особого внимания заслуживает открытие недавно на территории Дагестана нескольких нижнепалиолитических местонахождений, в том числе стоянок Айникаб I, Мухкай I и Дарвагчай I, которые, по мнению отдельных, достаточно опытных специалистов по каменному веку, явно сближаются хронологически с Дманисской и Азыхской стоянками и наглядно указывают на продвижение в тот период первобытных людей вдоль Западного Прикаспия с юга на север, в пределы Восточной Европы[10].

Следовательно, на основании указанных выше данных можно надеяться, что такие же древнейшие памятники начального периода истории человечества будут открыты также в рассматриваемых нами центральных и западных районах Северного Кавказа. А пока лишь можно сказать, что первобытные люди *периода раннего палеолита* появились на указанной территории региона не позднее 600–550 тысяч лет т.н. Именно к этому времени относятся примитивные каменные изделия, обнаруженные при исследовании интереснейшего археологического памятника – так называемой «Треугольной пещеры», расположенной в 7,5 км к северо-востоку от станицы Преградной в Карачаево-Черкесии[11]. Почти 400–300 тыс. лет насчитывает возраст каменных орудий, обнаруженных близ станицы Саратовская (у р. Псекупс) и на полуострове Тамань[12]. Более широкое расселение первобытных людей на территории северо-кавказского региона происходит в течение последующего (позднеашельского) этапа палеолита (150–180 тыс. лет). Так, в Адыгее и других районах Северо-Западного Кавказа следы

проживания людей этого времени выявлены близ станицы Абадзехская, городов Майкоп и Туапсе, рек Фортепьянки, Марта, Курджипс, на берегах Ходзь, Белая, Псоу и др. В Прикубанье открыты десятки пунктов, где содержались раннепалеолитические предметы[13]. Отдельные местонахождения того же периода известны также на Центральном Кавказе (например, у хутора Попов в Северной Осетии, на горе Кинжал в районе Пятигорья и др.)[14].

Люди раннего палеолита в отмеченных районах Северного Кавказа, как и в определенных местах Европы, в периоды похолодания климата жили в основном в пещерах, а во времена потепления – в открытых стоянках. В ту же эпоху они научились пользоваться огнем. Наибольшее распространение у них получили разнотипные, грубо обработанные каменные скребки, остроконечники, примитивные рубящие орудия (чопперы), а также массивные, более усовершенствованные ручные рубила длиной до 12–20 см. Такими орудиями, имевшими универсальное назначение, можно было наносить удары, резать и т.п. Одним из главных источников жизнеобеспечения людей раннего палеолита являлась охота на крупных животных; в основном охотились на благородного оленя, пещерного медведя, бизона и др. Помимо того, пищевые запасы дополнялись сбором различных съедобных растений, моллюсков и т.п.[15]

В эпоху среднего палеолита (80–35 тыс. лет т.н.) продолжалось освоение человеком почти всех географических (ландшафтных) зон Северного Кавказа. В настоящее время в регионе известно более 90 среднепалеолитических (мустьерских) пещер, открытых стоянок и местонахождения отдельных предметов. Преобладающая часть памятников данного периода, как и предшествующего нижнего (раннего) палеолита, сосредоточена в Адыгее и других районах Прикубанья (Курджипское, Ильская стоянка, Губский навес № 1, Хадыженская, Монашеская, Баракаевкая, Мезмайская и др.)[16]. Несколько местонахождений среднего палеолита открыто и на остальной территории северокавказского региона, в частности, в Северной Осетии – близ города Орджоникидзе, у сел. Карджин, Заманкул, Старый Батакаюрт, а также в Ингушетии – у сел. Плиево и в пяти пунктах района Большая Назрань (в Насыр – корте, близ Назрановской крепости, в Альтиево и в других местах района Гальмурзиево)[17]. Определенный интерес представляют также отдельные скопления орудий этой эпохи, обнаруженные около с. Заюково в Кабардино-Балкарии; они изготовлены в основном из местного обсидиана – вулканического стекла[18]. Общее количество каменных предметов среднего палеолита, найденных на сегодня в Северо-Западном и Центральном Кавказе, исчисляется многими тысячами.

Значительного внимания заслуживают находки фрагмента черепа, зубов и нижней челюсти в Баракаевской пещере и остатков погребения младенца – в Мезомайской пещере[19]. Такие открытия явно способствуют восполнению наших знаний о неандертальце – человеке нового физического типа, сформировавшегося в период среднего палеолита – в мустье. Как известно, неандертальцы были гораздо развитее своих предков – питекантропов и синантропов раннего (нижнего) палеолита. Теперь они не только умели пользоваться огнем, полученным, например, при возгорании лесов от ударов молнии, но и сами научились добывать его искусственно. И далее напомним, что в период межледниковых потеплений значительная часть людей среднего палеолита оставались жить в пещерах. Но вместе с тем многие из них переселялись в равнинные места, образуя стоянки открытого типа. Здесь они строили простые жилища в виде хижин или шалашей, сооруженных из жердей, веток, костей и шкур крупных животных. Так, на знаменитой Ильской стоянке в Прикубанье, площадь которой занимала около 10 тыс. кв. м, обнаружены остатки округлого в плане сооружения – шалаша с очагом, а также несколько тысяч костей диких

животных (мамонты, бизоны, лошади и др.) и сотни изделий из различных пород камня – яшмы, доломита, кремня и роговика[20].

О значительных позитивных сдвигах в физическом развитии людей, в частности, о возросшейся гибкости руки мустьерского человека, свидетельствует относительно высокий уровень техники изготовления всевозможных орудий: ручных рубил, разнотипных ножей, наконечников копий и дротиков, скребков, остроконечников и прочих предметов, сделанных из различных пород камня и, реже, из кости. Для охоты использовались деревянные дубины, рогатины, копья. Основными объектами коллективной охоты для северокавказских неандертальцев являлись мамонты, бизоны, дикие лошади, гигантские и благородные олени, пещерные медведи, кабаны, горные козлы, сайгаки, косули, туры. Большое значение имело и собирательство, которым, вероятно, занимались главным образом женщины и дети. Существенные изменения произошли в общественном развитии людей среднего палеолита: как известно, от первобытного стада они перешли к начальной стадии общинно-родового строя. В этот же период появились зачатки религиозных верований и искусства[21].

В эпоху позднего палеолита (от 35–30 до 12–10 тыс. лет т.н.) рельеф Северного Кавказа уже имел почти современный вид. Эта эпоха совпадает с заключительным этапом последнего оледенения, в течение которого на смены сильных похолоданий, как отмечалось выше, приходили периоды относительных потеплений[22]. На Центральном Кавказе разнообразные предметы, относящиеся к позднему палеолиту, обнаружены в двух гротах у сел. Лашкута и в нескольких местах близ сел. Жанхотеко в Кабардино-Балкарии[23], а также на стоянке Явора недалеко от сел. Маруха в Карачаево-Черкесии[24], в гроте Шау-Легет около сел. Дзивгис в Северной Осетии и др.[25]. Как и другие памятники предшествующих периодов каменного века, памятники позднего палеолита гораздо чаще встречаются на Северо-Западном Кавказе, где природно-климатические условия были более благоприятными (стоянки близ пос. Каменномостское и Шпалорез у станицы Баракаевской в верьховьях р. Пшыш, Русланова пещера, находки в местности Тугупс и др.). Примечательна необычная многочисленность позднепалеолитических находок в Прикубанье. Например, в Губском навесе № 7 (Сатаней) обнаружено боле 15,5 тысяч каменных и костяных предметов. Эти и другие археологические материалы свидетельствуют о том, что на данной территории сформировались довольно развитые черты своеобразной археологической культуры, названной Губской, которая стала зарождаться еще в предшествующую эпоху. Причем Губская культура проявляет определенные признаки сходства с позднепалеолитическими культурами Закавказья и Передней Азии[26].

В период позднего палеолита довольно ускоренно развивалась техника обработки камня, усовершенствовались прежние виды орудии, появились новые предметы – разные ножи, резцы, наконечники копий и прочие изделия ранее неизвестных форм. Более широкое распространение получили каменные орудия с деревянными ручками. Тогда же начали изготовлять составные орудия с деревянной или костяной основой, в пазы которых вставлялись ножевидные пластины – вкладыши. В результате всех этих достижений явно повысилась эффективность охоты на разных животных – бизонов, благородных оленей, первобытных быков и горных козлов. В районе Губских навесов (Сатаней) охотились преимущественно на диких лошадей. Вместе с тем обитатели Северного Кавказа этой эпохи в большей мере, чем прежде, стали заниматься сбором различных растений, употреблявшихся в пищу[27]. Особого внимания заслуживает тот факт, что в позднем палеолите в основном завершался процесс формирования человека современного типа – неоантропа. Остатки скелета мужчины – представителя такого физического типа, обнаружены в гроте Сатаней. Следует

предполагать также, что в течении верхнего (позднего) палеолита на Северном Кавказе утвердился родовой строй, и возросла роль женщины в коллективе[28].

ОХОТНИКИ И СОБИРАТЕЛИ СРЕДНЕКАМЕННОГО ВЕКА – МЕЗОЛИТА

В конце позднего палеолита завершился период древних оледенений. Следующая эпоха – мезолит (среднекаменный век, 10–9 тыс. л. т.н.), характеризируется значительным потеплением климата и сильным сокращением в горах Северного Кавказа границ ледников. Немногочисленные пока археологические памятники этой эпохи открыты здесь не только в предгорьях, но и в высокогорных районах (пещера Медовая на р. Пшыш в Адыгее, находки у станицы Усть-Джегутинской в Карачаево-Черкесии, грот Шау-Легет в Северной Осетии, поселение Чох в Дагестане и др.)[29]. Среди прочих мезолитических памятников Центрального Кавказа весьма интересны пещерные стоянки Кабардино-Балкарии: грот Кала-Тюбю в районе сел. Верхний Чегем и особенно упоминавшийся выше грот Сосруко у сел. Лашкута, а также несколько местонахождений предметов этого времени близ сел. Жанхотеко[30].

Потепление климата в эпоху мезолита привело к существенному изменению животного и растительного мира на Кавказе: во многом он уже стал сходным с фауной и флорой нашего времени. Исчезли наиболее крупные животные. Зато здесь обитало бесчисленное множество мелких животных разного вида. Так, в Лашкутинском гроте Сосруко найдены кости благородного оленя, дикого козла, кабана, серны, косули, зайца, лисицы, барсука, суслика, а также птиц – серой куропатки, белого сипа. В связи с такими изменениями в окружающей среде, широкое распространение получает изготовление каменных предметов малых форм (микролитов) и составных орудий. В частности, среди находок в мезолитических гротах Кабардино-Балкарии особенно интересны костяной нож с пазом для вставки острых каменных пластинок, который использовался как серп в сборе дикорастущих злаков, а также каменный наконечник стрелы (или дротика), различные вкладыши, острия, ножевидные пластины из кремня и обсидиана[31].

Большое значение имело распространение в мезолите дальнобойного оружия – лука, возможно изобретенного еще в предшествующий (позднепалеолитический) период; тогда же люди приручили собаку. В связи с этим резко возросла результативность охоты на мелких животных и дичь, которую теперь человек успешно проводит в одиночку. Вместе с тем, в обеспечении продуктами питания необычайно возросло значение собирательства, о чем, например, наглядно свидетельствуют любопытный факт обнаружения в гроте Сосруко у с. Лашкута нескольких тысяч раковин улток, употреблявшихся в пищу. По всей вероятности, в среднекаменном веке – мезолите продолжалось дальнейшее развитие родового строя, при котором значительно возросло влияние женщины в обществе[32].

ДРЕВНЕЙШИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И СКОТОВОДЫ ЭПОХИ НЕОЛИТА И МЕДНОКАМЕННОГО ВЕКА – ЭНЕОЛИТА

Как отмечалось, одним из главных достижений в развитии человечества считается переход к земледелию и скотоводству. В историко-археологической науке этот процесс назван «неолитической революцией», хотя на Ближнем Востоке и некоторых других регионах такие формы производящей экономики зародились еще в мезолите[33]. В Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе скотоводство и земледелие появились в *неолите* (новокаменный век, VI – начало V тыс. до н.э.). В ценральной части региона

они стали распространятся несколько позднее, в конце неолита или, вероятнее, в *энеолите* (меднокаменный век; V – первая половина IV тыс. до н.э.), то есть в период, переходный от эпохи камня в бронзовый век[34].

Об историческом развитии Ценрального и Северо-Западного Кавказа в неолите и начале энеолита определенное представление дают археологические памятники Северной Осетии («мастерские» по обработке камня на горе Атдорт и в местности Уорскена на р. Урух), Кабардино-Балкарии (местонахождение на р. Кенже и грот Кала-Тюбю близ с. Верхний Чегем), Карачаево-Черкесии (находки на р. Овечка у г. Черкесска), Адыгеи (верхний слой Баракаевской и средний слой Каменномостской пещер) и др. Следует особо отметить, что часть костей из Каменномостской пещеры принадлежала домашним животным (в основном кости козы, свиньи, собаки)[35].

В числе других памятников рассматриваемого времени наиболее широко известно Агубековское поселение, располагавшееся в 1,5 км к западу от г. Нальчика. Поселение занимало у берега речки Кенже невысокую холмообразную возвышенность, ограниченную оврагом. Определенная часть материалов, выявленных при его раскопках, имеет довольно отчетливые черты, характерные для неолита. Но все же поселение относится к меднокаменному веку – энеолиту[36].

Отдельные группы людей в неолите и энеолите продолжали жить в пещерах. Вместе с тем в предгорьях и на равнине центральной части Северного Кавказа они заселяли в основном открытые места на берегах рек, образуя неукрепленные поселения типа Агубековского. По всем данным, жилища на этом и других подобных же поселениях данной территории представляли собой легкие постройки, стены которых состояли из плетенных прутьев, обмазанных с обеих сторон глиной (турлучные жилища).

В неолите и энеолите продолжалось совершенствование некоторых старых методов изготовления каменных орудий. Но наряду с этим массовое распространение получили технические приемы обработки камня – шлифование, сверление, заточка. В хозяйстве широко использовались каменные топоры, долота, тесла, крупные ножевидные пластины, а также, мотыжки, терочники, песты, проколки, вкладыши для составных орудии, наконечники стрел, и т.д., изготовленные из различных пород камня и обсидиана. Более разнообразными стали изделия из кости и дерева. Интересна небольшая глиняная женская статуэтка из Агубековского поселения, которая указывает на существование в религиозных верованиях людей культа плодородия. Несмотря на появление земледелия и скотоводства, в жизни людей значительной оставалась также роль охоты. Важное значение имело и дальнейшее развитие в неолите и энеолите керамического производства и ткачества. Об их раннем появлении в Центральном Кавказе свидетельствуют находки на Агубековском поселении обломков керамических сосудов грубой выделки, а также отпечатки плетенки на некоторых глиняных черепках[37].

Еще одним замечательным археологическим памятником, при раскопках которого получены ценные материалы для освещения истории племен Северного Кавказа в период энеолита, считается крупный могильник, обнаруженный в центре г. Нальчика, на территории современной городской больницы № 1. Внешне могильник представлял собой низкую курганнообразную возвышенность, едва выделявшуюся над окружающей местностью. Не исключено, что могильник появился на месте раннее возведенного здесь же древнейшего кургана. При раскопках могильника выявлено 147 захоронений, подразделяющихся на две хронологические группы; одна из них (более ранняя) относится к энеолиту, другая – к эпохе бронзы. Результаты изучения первой группы захоронений, с учетом данных о других хронологически близких памятниках Северного Кавказа способствуют относительно полному и четкому освещению ряда вопросов этнокультурного развития племен региона в энеолите.

Так, в соответствии с религиозными представлениями того времени, умерших хоронили на боку или на спине с подогнутыми в коленях ногами, т.е. в положении временно уснувшего сородича, а не как навсегда ушедшего в потусторонний мир покойника. К тому же их посыпали красной краской (охрой), которая олицетворяла очистительную силу огня или символизировала живую кровь и веру в загробную жизнь. В могилы, рядом с погребенными, клали разные вещи, которыми они будто бы, пользовались при жизни: кремневые и обсидиановые скребки, проколки, ножевидные пластины, наконечники стрел; глиняные сосуды; каменные браслеты, статуэтки, булавы, терки, костяные кольца, пластинки из клыков с изображением змей, подвески и бусы из раковин, пасты, яшмы, мрамора, сердолика[38].

Как видно, многие из этих находок имеют близкие аналогии в материалах Агубековского поселения и других хронологических сопоставимых памятников региона. Вместе с тем особо следует отметить, что в одном из захоронений Нальчикского могильника было обнаружено медное колечко, которое относится к числу наиболее древних металлических изделий на Северном Кавказе, наглядно свидетельствующих о приближении новой эпохи – бронзового века[39].

Среди прочих данных, способствующих освещению идеологических представлений и других особенностей этнокультурного развития жителей центральной части северокавказского региона в энеолите, весьма интересен тот факт, что они в данный период (а, возможно и раньше), владели техникой искусственной трепанации черепа человека. В частности, погребения с отчетливыми признаками таких хирургических операций обнаружены близ станции Суворовской на юге Ставрополья и у сел. Комарово в Северной Осетии[40]. На основании исследований в разных регионах следует полагать, что при проведении трепанации использовались в основном кремневые и обсидиановые пилки, ножи, наконечники, скрепки. По всем данным, подобные хирургические операции делались, скорее всего, для излечения от определенных болезней или являлись проявлением одной из форм какого-то погребально-культового обряда. Впрочем тем самым не исключается, что трепанация с целью излечения сопровождалось ритуально-обрядовой церемонией, проводимой жрецами[41].

И далее, значительного внимания заслуживает тот факт, что наряду с некоторыми признаками сходства, частично отмеченными выше, между определенными группами памятников энеолита Центрального Кавказа, с одной стороны, и Северо-Западного Кавказа, с другой, прослеживаются более или менее отчетливые локальные различия[42]. Такие локальные особенности этих двух групп энеолитических древностей региона, которые несколько условно можно назвать, соответственно, Терекской и Прикубанской, сохранялись и позднее, то-есть, на раннем этапе массового распространения цветных металлов в ареале бытования майкопской культуры[43].

В связи с такими сведениями кстати будет еще раз напомнить, о том, что в предгорно-плоскостных районах Центрального Кавказа (конкретнее, в ареале Терекской локальной группы памятников), поселения энеолита и ранней бронзы располагались на открытом, легкодоступном месте, удобном для земледелия. Они не имели каких-либо оборонительных сооружений и к тому же не были защищены от внешних нападений соответствующим сложным характером рельефа данной местности или иными естественно-географическими факторами[44]. По сравнению с ними, в особенностях топографии и планировки прикубанской локальной группы бытовых памятников Северо-Западного Кавказа отчетливо проявляется ряд существенных отличительных признаков. В частности, имеются в виду поселения Мешоко, Ясенова Поляна, пещера Каменомостская, навесы Хаджох и грот Гуамский в Прикубанье, а также поселение «Замок» близ Кисловодска и др.[45] В основном они относятся ко времени широкого распространения ранних

цветных металлов в ареале майкопской культуры. Но вместе с тем в нижних (ранних) и средних слоях определенной части поселении обнаружены многочисленные и разнообразные предметы периода энеолита. Причем, наряду с некоторыми различиями, в материалах энеолита и ранне-бронзового века эпохи майкопской культуры Прикубанья прослеживаются более или менее значительная хронологическая близость и очевидные черты культурно-преемственной связи.

Одним из своеобразных признаков в топогафии рассматриваемой группы бытовых памятников Прикубанья, можно считать то, что они, за редким исключением, находятся «на возвышенностях, на мысах и скальных уступах плато» предгорной зоны Северо-Западного Кавказа, и тем самым были защищены в определенной мере от внешних нападении особенностями рельефа окружающей их территории[46]. К тому же важно отметить, что на некоторых из таких поселении были возведены с наиболее легкодоступных сторон оборонительные стены (Мешоко, хут. Веселый, Хаджох, Свободное и др.)[47].

Среди этих памятников необычайный интерес представляет поселение-крепость Мешоко, расположенное на плоской возвышенности, в 1 км к югу от сел. Мешоко, у края глубокого оврага (глуб. от 60–70 м до 120 м); по дну оврага течет ручей Мешоко. Со стороны оврага, имеющего крутые обрывистые берега, поселение почти недоступно. С напольной стороны, довольно уязвимой при осаде, оно было защищено каменной стеной, остатки которой сохранились до нашего времени[48]. По данным радиоуглеродного датирования, Мешоко относится к концу V – началу IV тыс. до н.э.[49] Жилища на Мешоко были в основном турлучными. Примечательно, что они, как и на некоторых других поселениях той же прикубанской группы, располагались по периметру поселения; как предполагается, в его надежно защищенной центральной части содержались стада домашних животных, куда они, вероятно, загонялись в случаях внешней угрозы или по иным причинам[50]. На Мешоко выявлен огромный остеологический материал. Причем любопытно отметить, что в числе 16000 костей разных животных, поддающихся при анализе видовому определению, преобладающая часть принадлежала особям свиньи. Костей крупного рогатого скота на Мешоко обнаружено сравнительно меньше, но все же, по мнению ряда исследователей, этот вид животных играл в экономике жителей поселения доминирующую роль. Кроме того, население Мешоко занималось разведением мелкого рогатого скота, а также охотой на диких животных, о чем наряду с результатами остеологических материалов свидетельствуют находки многочисленных каменных наконечников стрел и дротиков. Здесь же обнаружены разнообразные каменные вкладыши от составных жатвенных орудий, указывающие на вероятность развития у населения Мешоко достаточно интенсивных форм земледелия[51].

Среди прочих находок из нижних и средних слоев поселения Мешоко значительного внимания заслуживает весьма высокое качество небольших тонкостенных красноглиняных сосудиков и более крупных сосудов с так называемым «жемчужным» орнаментом, а также своеобразие отдельных глиняных статуэток и необычайная многочисленность каменных (мергелевых) браслетов. Напомним, что эти и некоторые другие предметы, упоминавшиеся выше, были обнаружены и в ряде других поселений прикубанской группы, но в них они встречаются в гораздо меньшем количестве, чем в Мешоко[52]. Сравнительный анализ указанных выше материалов и некоторые иные данные позволяют сказать, что в период энеолита жители Мешоко и других поселений этой же группы Прикубанья достигли относительно высокого уровня этнокультурного развития. В этой связи можно предполагать, что интенсивное развитие животноводства повысило роль мужчины в коллективах и способствовало утверждению патриархального

родового строя. Вместе с тем, в руках отдельных представителей родовой верхушки накопились, вероятно, значительные богатства, главным образом в виде поголовий крупного рогатого скота[53]. Естественно, все это приводило к появлению определенных признаков социально-имущественного неравенства.

Несколько иная картина сложилась к тому периоду на Центральном Кавказе: здесь, как указывалось выше, занимались в основном примитивным земледелием, а скотоводство не получило столь интенсивного развития, как это имело место в Прикубанье. Судя по материалам Агубековского поселения, Нальчикского могильника и других энеолитических памятников, основу социального развития в центральной части Северного Кавказа составляла родовая община во главе со старейшиной, которая состояла из парных брачных семей и в которой женщина, как и в неолите, продолжала занимать, вероятно, высокое общественное положение. Признаки социально-имущественной дифференциации среди населения той же центральной части региона, по данным археологии, прослеживаются очень слабо[54]. Что касается религиозных представлений населения центральных и западных районов Северного Кавказа в целом, то можно сказать, что в период энеолита здесь упрочилась вера в существование загробной жизни, получил развитие культ плодородия и, возможно, сформировались некоторые представления об умирающем и воскресающем божестве[55]. И, наконец, необходимо обратить внимание, что на особенности хозяйственного и этнокультурного развития жителей Северо-Западного и Центрального Кавказа в энеолите ощутимый отпечаток накладывали более или менее активные связи с населением сопредельных и отдаленных областей Передней Азии, Закавказья, Юга Европы и др.[56]

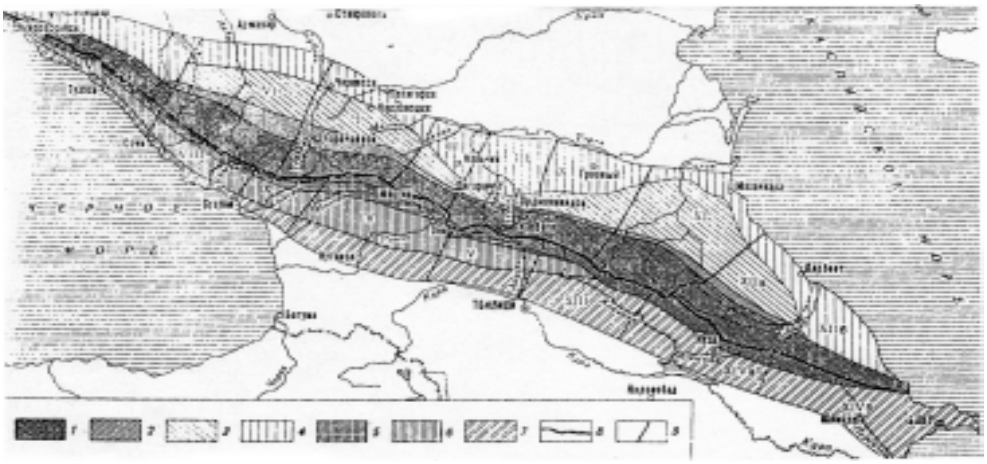


Рис. 1. Картосхема геоморфологических зон и районов древнего оледенения (по Е.М. Щербаковой. 1973): 1 – осевая зона высокогорий; 2 – зона юрской депрессии северного склона; 3 – зона куэст северного склона; 4 – зона предгорий и подножий северного склона; 5 – зона высокогорных депрессий южного склона; 6 – зона передовых хребтов южного склона; 7 – зона предгорий и подножий южного склона; 8 – главный водораздел; 9 – границы между зонами и районами.

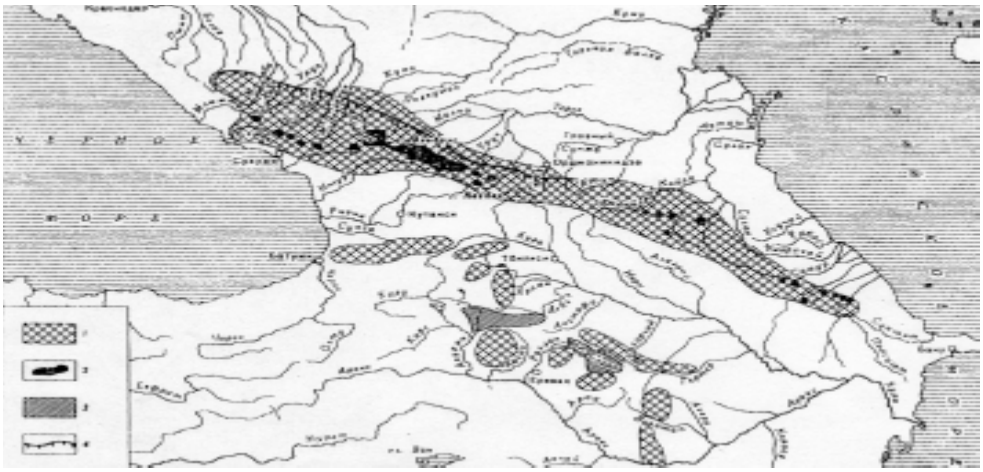


Рис. 2. Палеографическая схема плейстоценового оледенения Кавказа (по Н. В. Думитрашко. 1977): 1 – области развития горно-долинных плейстоценовых оледенений с максимальным распространением в позднем плейстоцене; 2 – современное оледенение; 3 – крупные озерные бассейны; 4 – эскарп скалистого хребта.

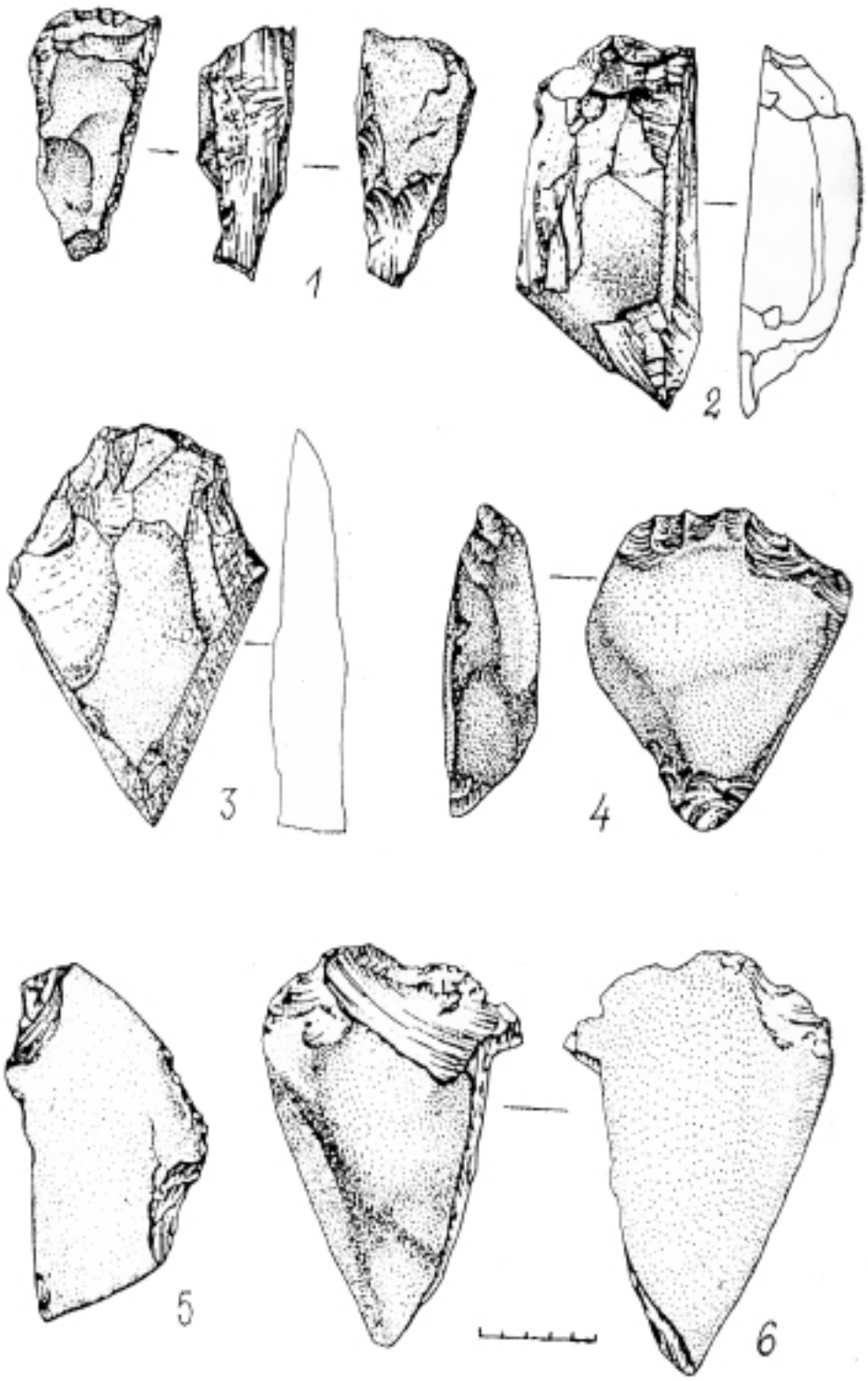


Рис. 3. Треугольная пещера близ станицы Преградная в Карачаево-Черкесии. Каменные изделия ашельской эпохи (по Д.В. Дороничеву. 1992).

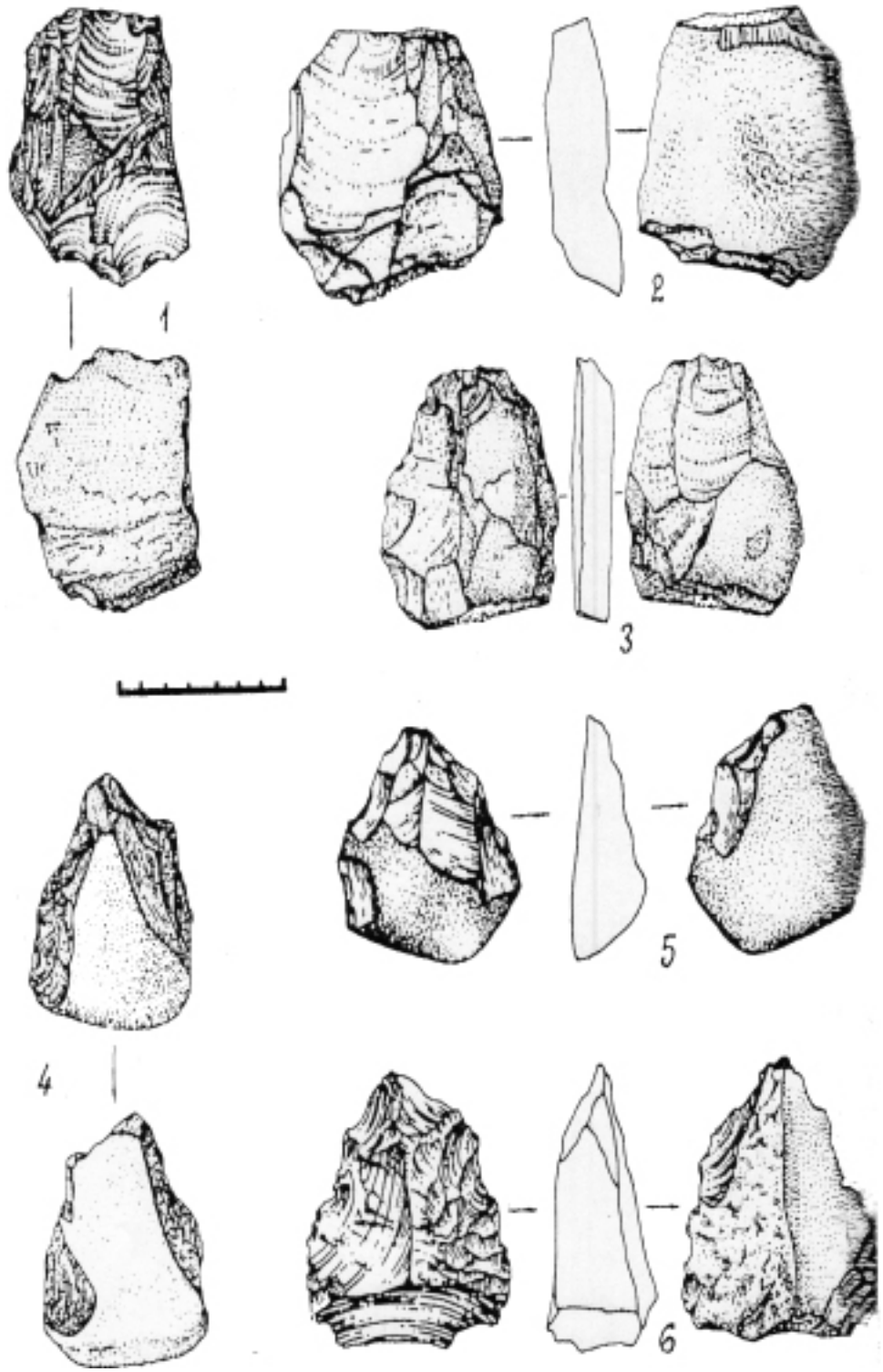


Рис. 4. Треугольная пещера. Каменные изделия ашельской эпохи (по Д. В. Дороничеву. 1992).

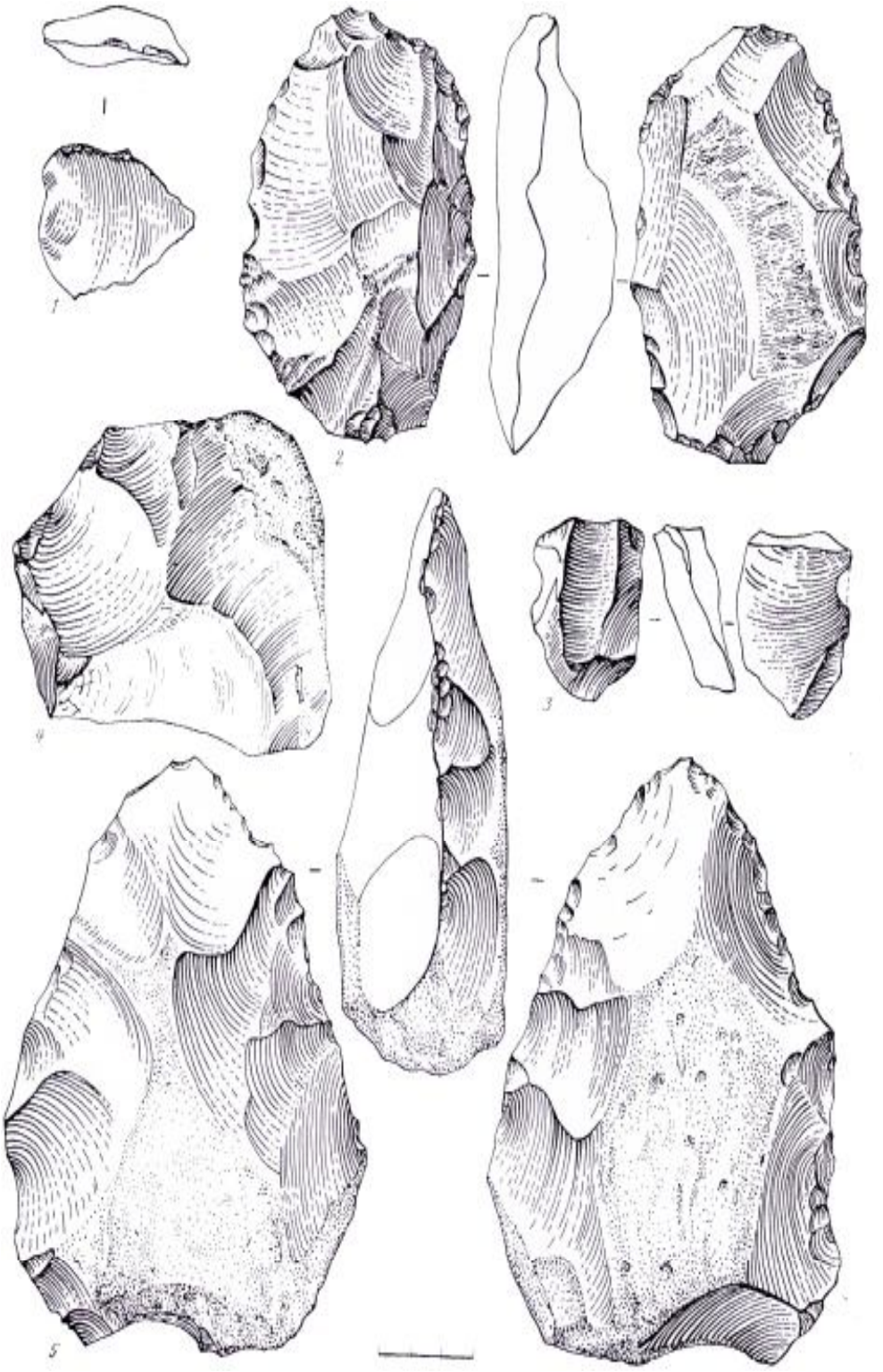


Рис. 5. Ашельское местонахождение Игнатенков куток в Прикубанье. Образцы каменных орудий (по С.Н. Замятнину).

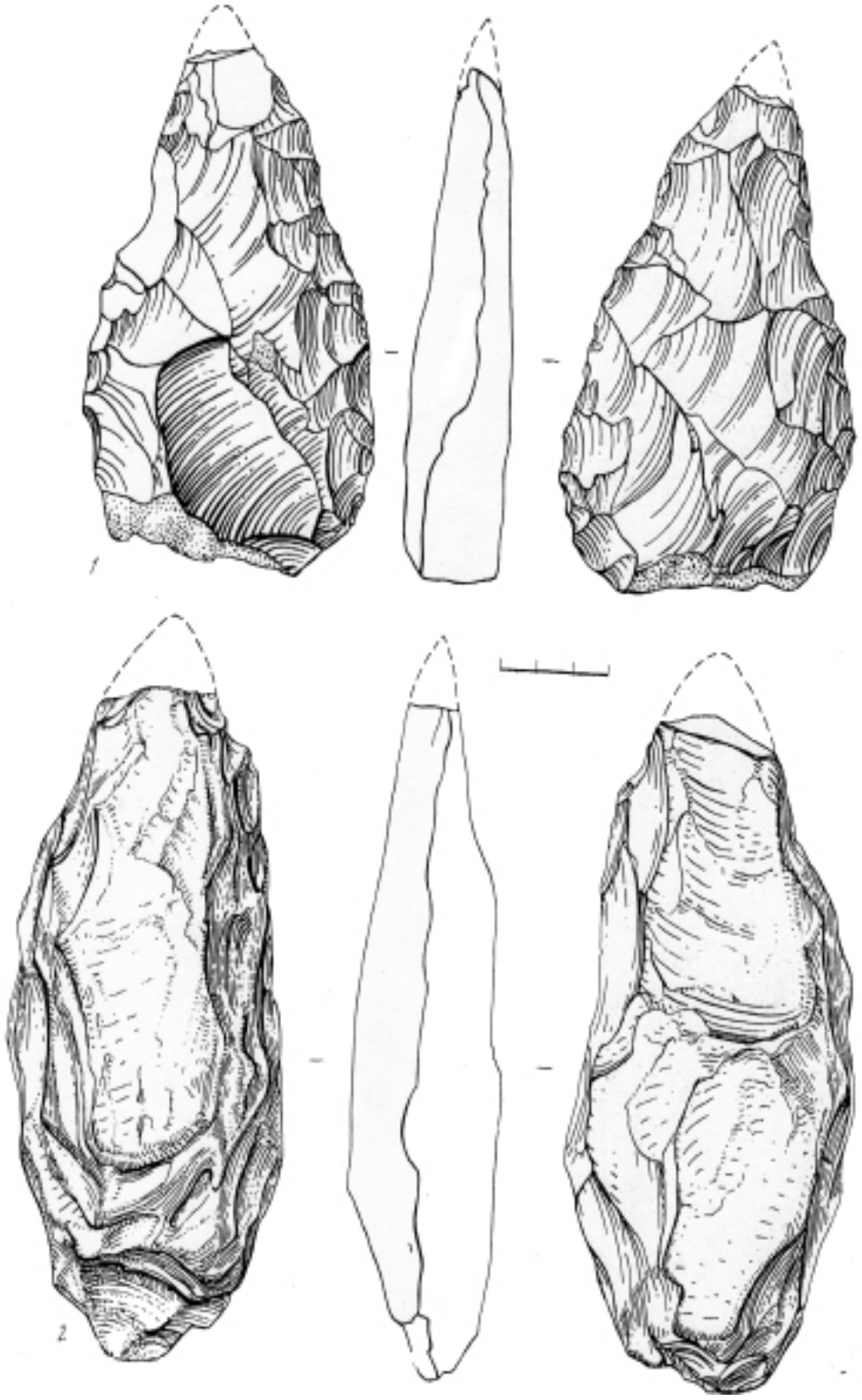


Рис. 6. Ашельское местонахождение Абадзехское в Прикубанье. Бифасы (по П.У. Аутлеву).

Рис. 7. Губская мустьерская (среднепалеолитическая) культура в Прикубанье. Образцы каменных орудий (по П.У. Аутлеву и В.П. Любину).

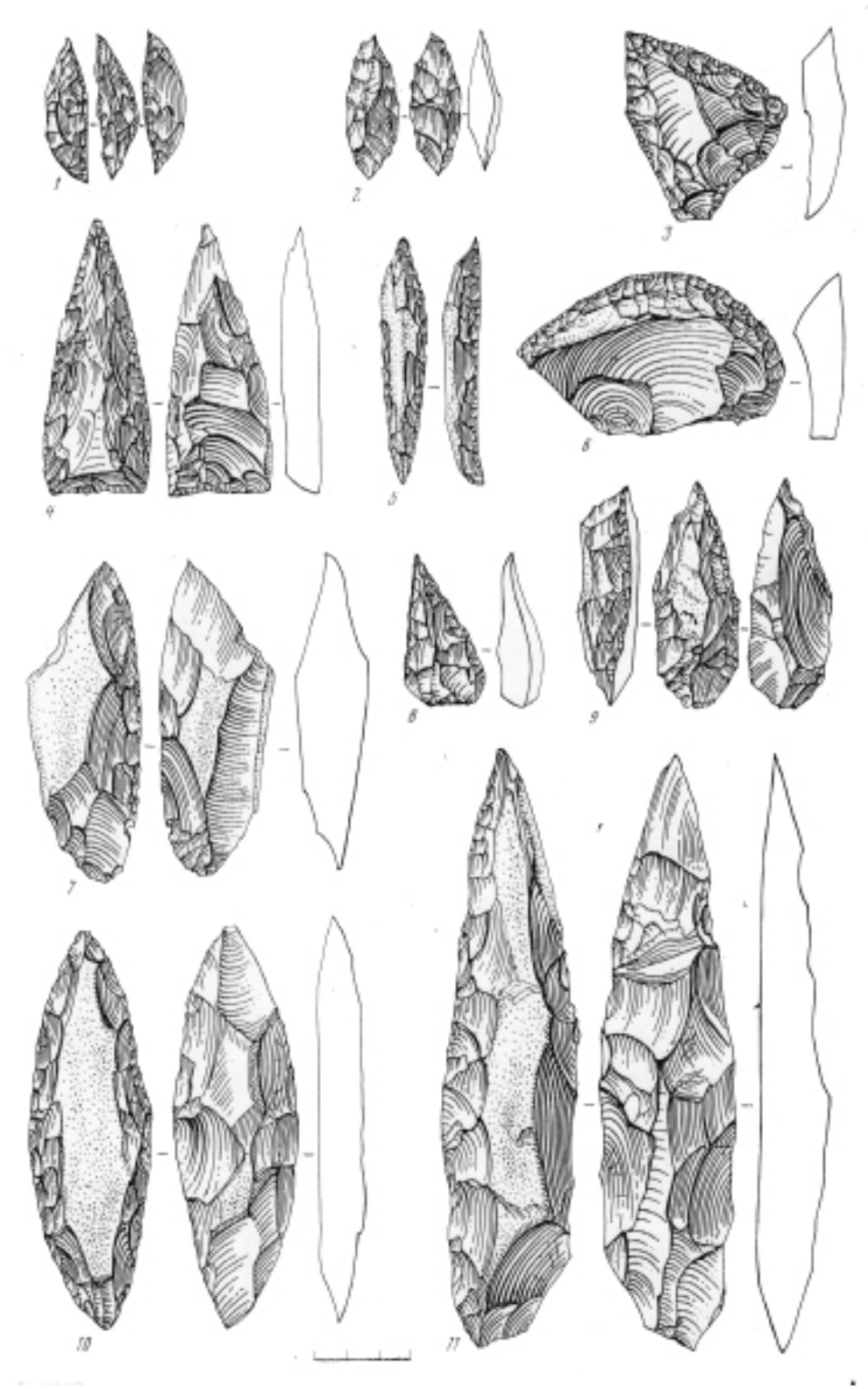


Рис. 8. Ильская мустьерская стоянка (Прикубанье). Образцы каменных орудий (по С.Н. Замятнину).

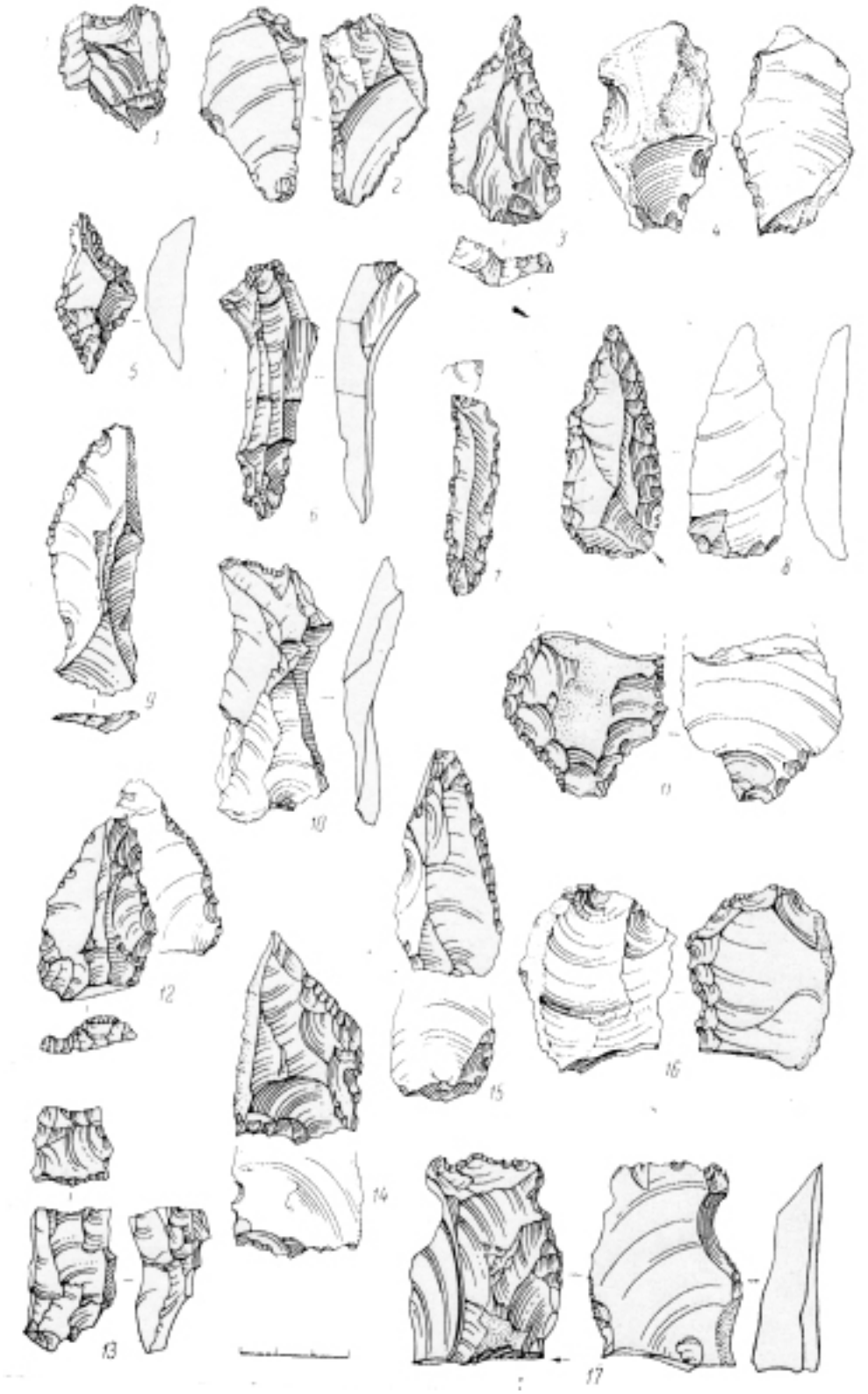


Рис. 9. Монашеская пещера и Губский навес (Прикубанье). Каменные изделия мустьерской культуры (по В.П. Любину).

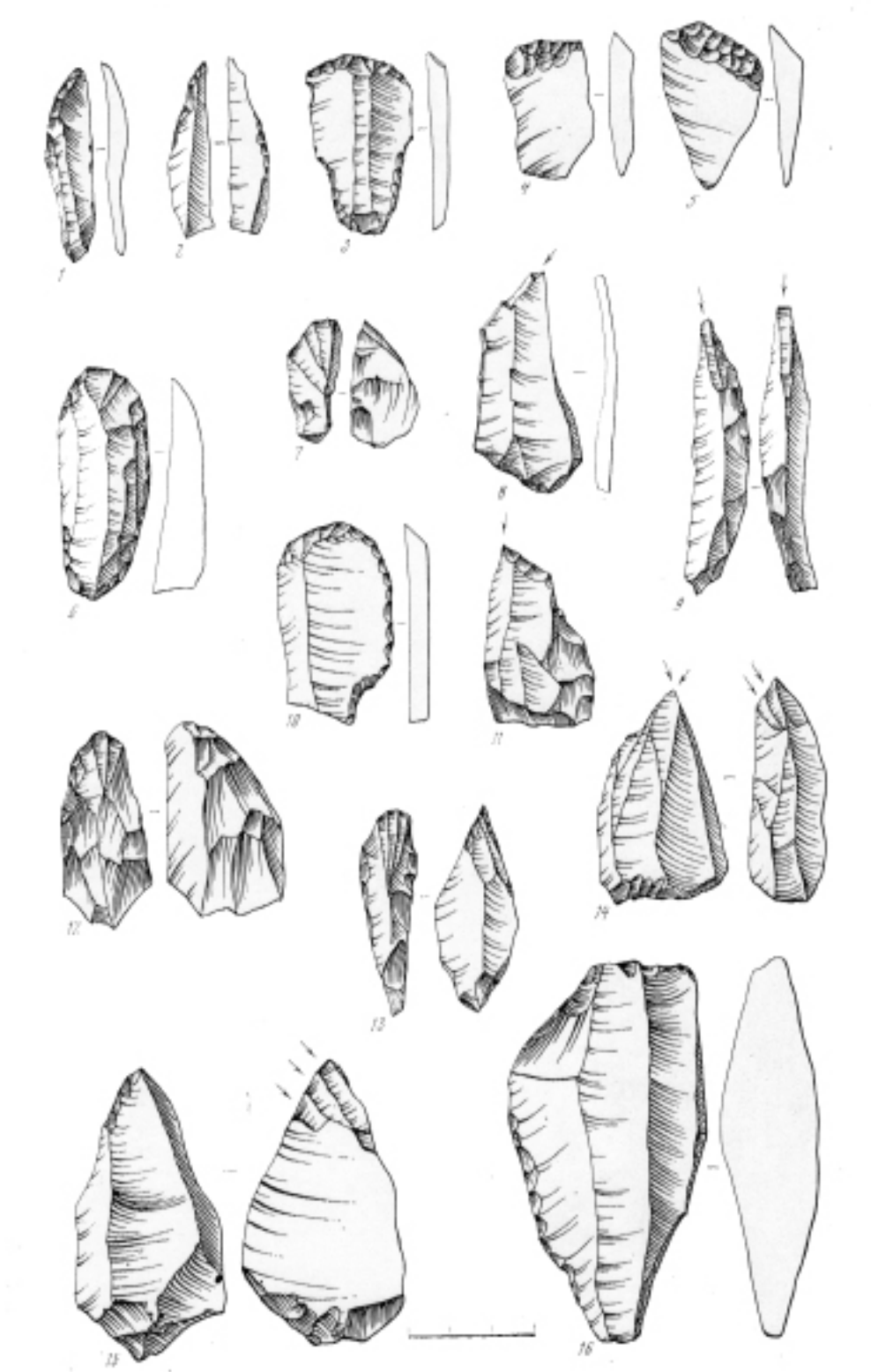


Рис. 10. Губский навес I (Прикубанье). Поздний (верхний) палеолит. Характерные формы каменных орудий. Раскопки П.У. Аутлева (по О.Н. Бадеру. 1984).

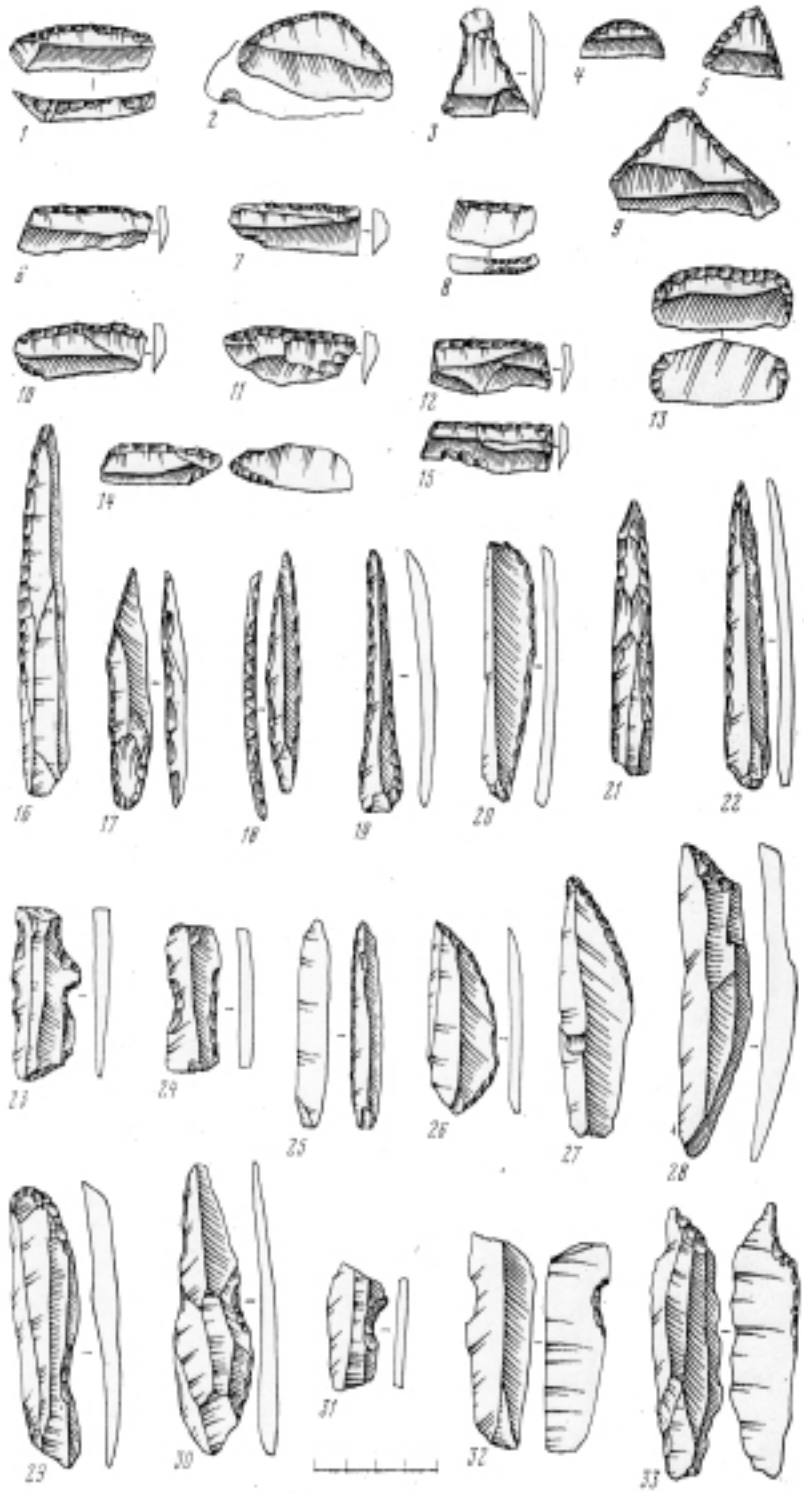


Рис. 11. Навес Сатанай (Прикубанье). Характерные формы каменных орудий позднего палеолита. Раскопки А.А. Формозова и П.У. Аутлева (по Н.О. Бадеру. 1984).

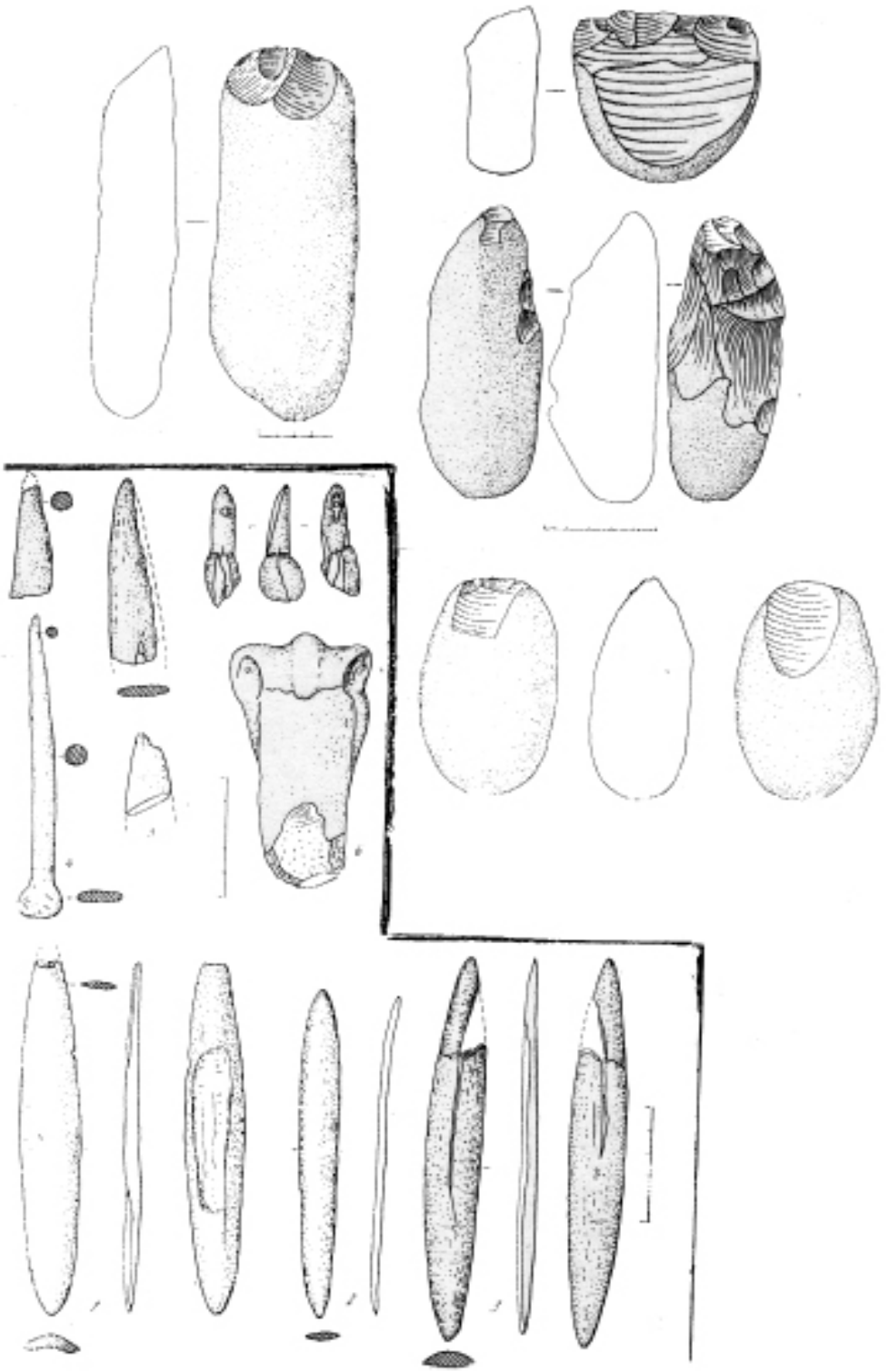


Рис. 12. Навес Сатаней. Галечные орудия. Поздний палеолит (по Х.А. Амирханову. 1986).
Рис. 13. Навес Сатаней. Костяные подвески, острия, наконечники и др. Поздний палеолит (по Х.А. Амирханову. 1986).

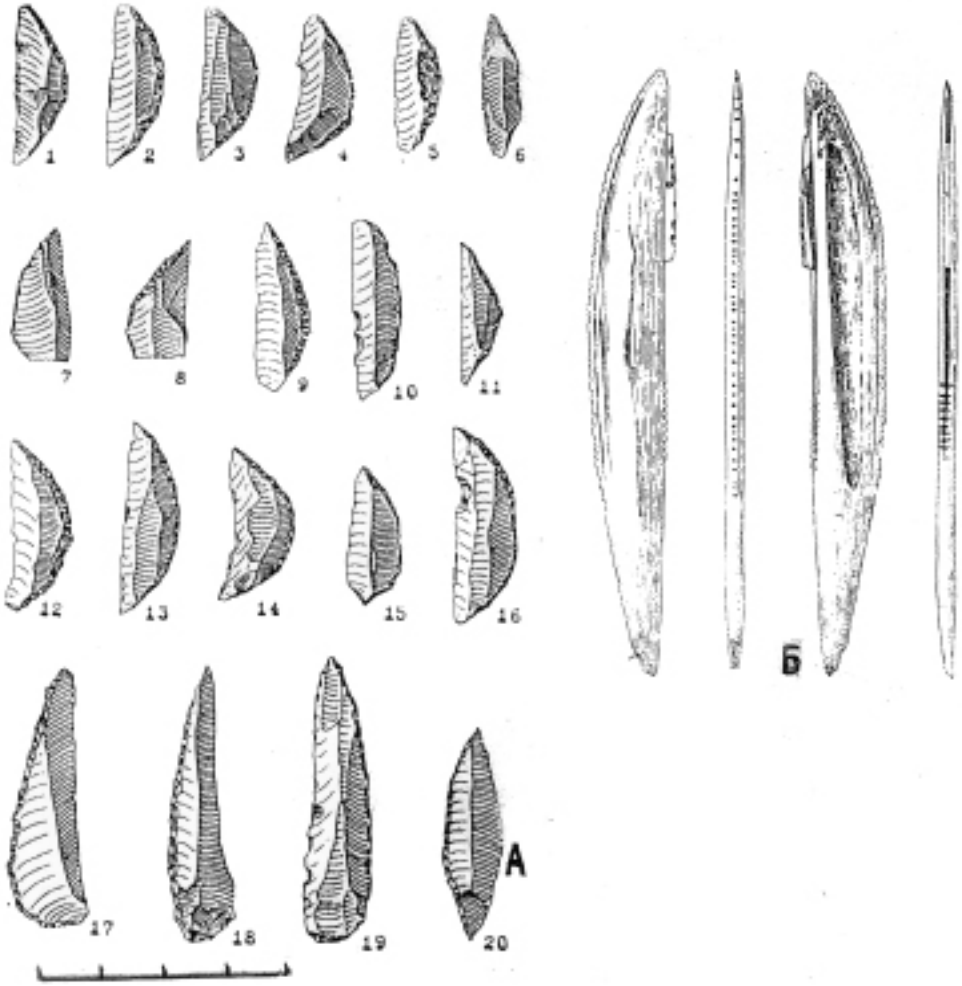


Рис. 14. Грот I у сел. Лашкута в Кабардино-Балкарии. Находки в мезолитическом слое грота: А) Геометрические микролиты (1–16), острия со скошенным краем (17–19) и листовидный наконечник стрелы (20); Б) костяной нож с продольным пазом для вставки каменных пластинок. Раскопки С.Н. Замятина и П.Г. Акритаса. 1954–1957 гг.

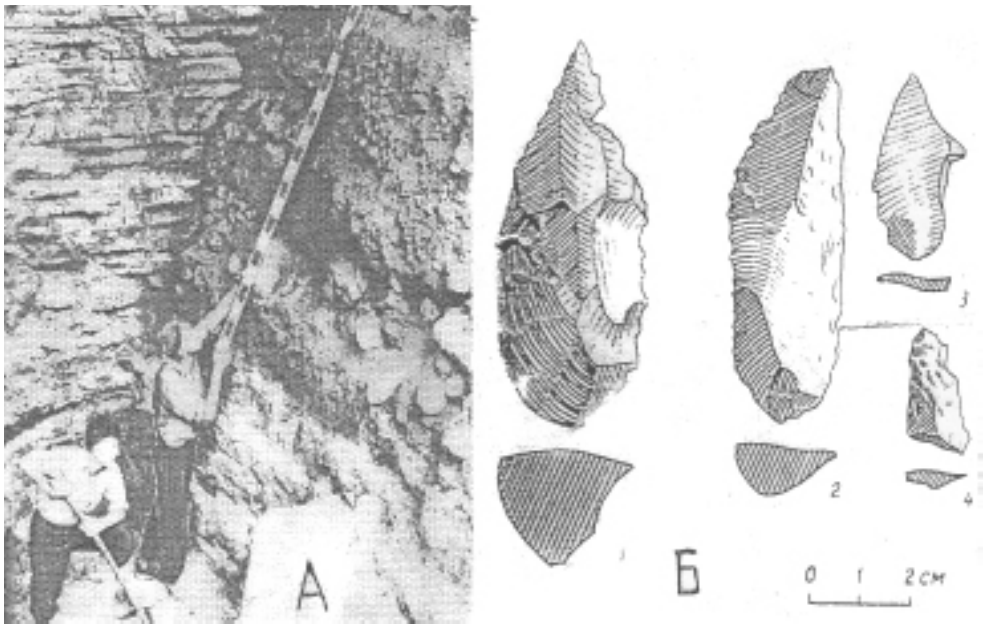


Рис. 15. Грот «Кала-тюбю» близ сел. Верхний Чегем в Кабардино-Балкарии: А) культурные напластования грота; Б) находки каменных предметов в мезолитическом слое грота. Раскопки П.Г. Акритаса и Г.П. Поне. 1959–1960 гг.

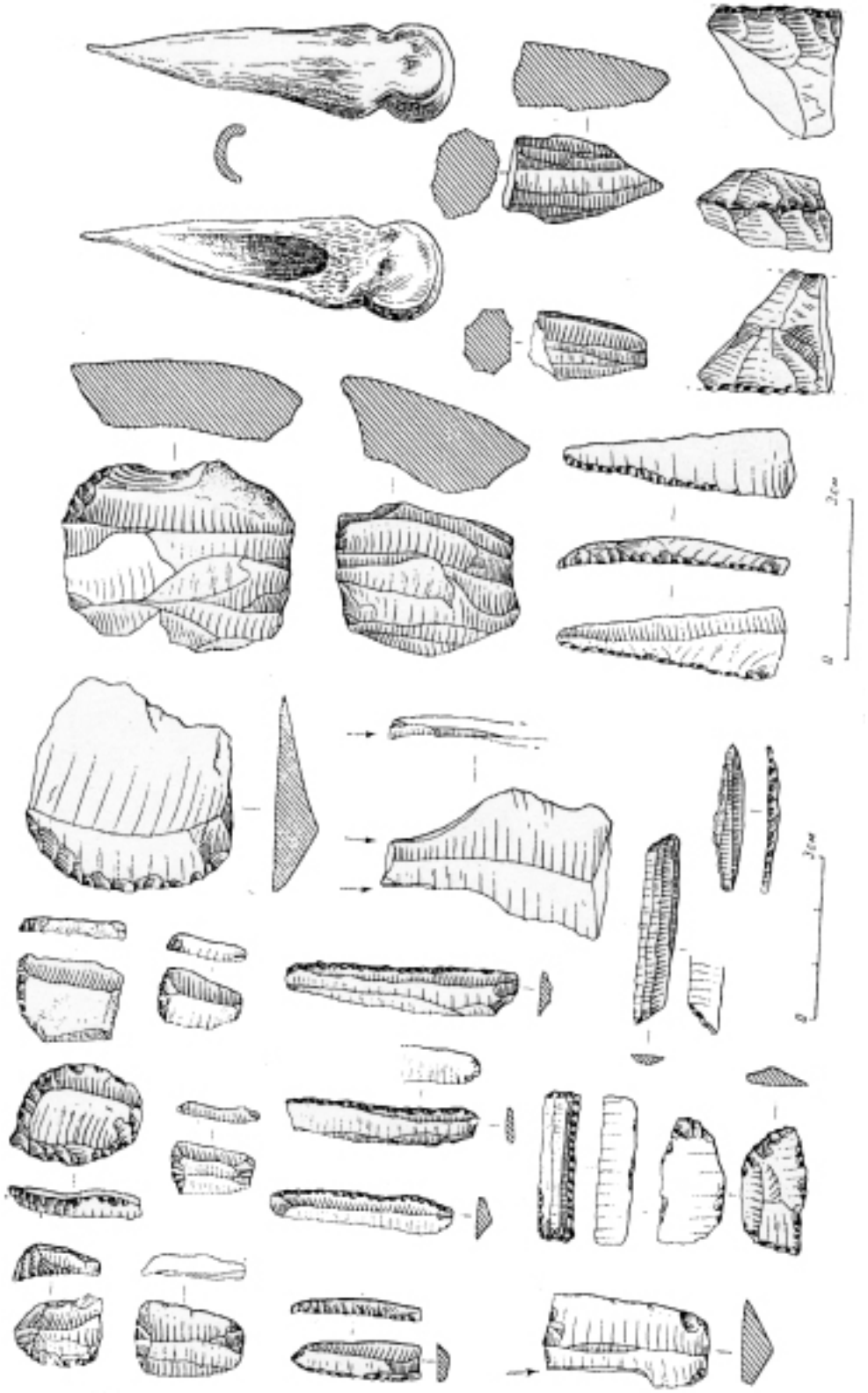


Рис. 16. Каменномостская пещера в Прикубанье: находки каменных изделий и костяной проколки в неолитическом слое пещеры (по А.А. Формозову. 1965).

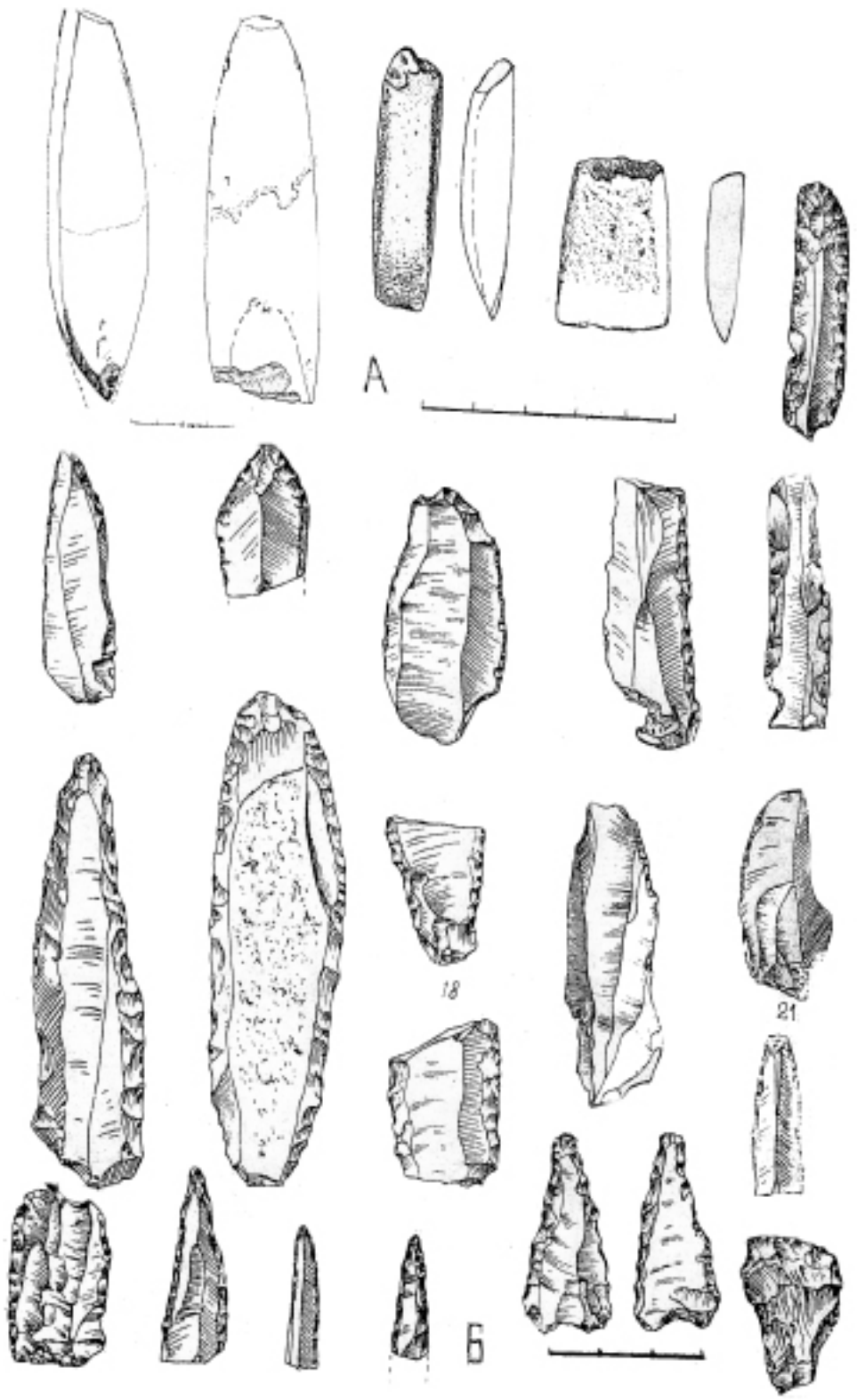


Рис. 17. Агубековское энеолитическое поселение у г. Нальчика. Находки: А) каменные топоры; Б) кремневые и обсидиановые орудия. Исследователи поселения Е.Ю. Кричевский и А.П. Круглов. 1941 г.

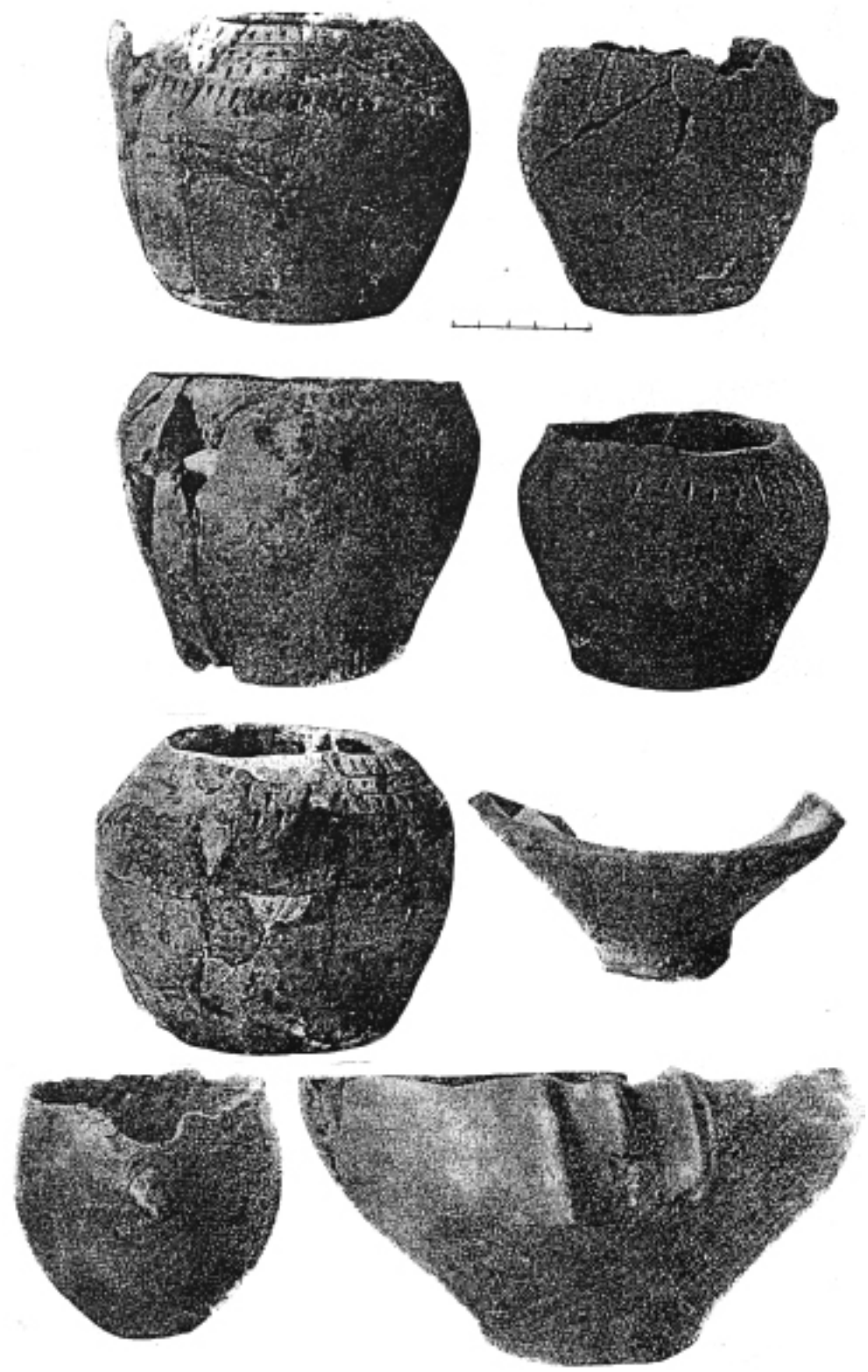


Рис. 18. Энеолитический могильник в г. Нальчике. Глиняные сосуды из могильника. Исследователи могильника А.П. Круглов, Б.Б. Пиотровский и Г.В. Подгаецкий. 1941 г.

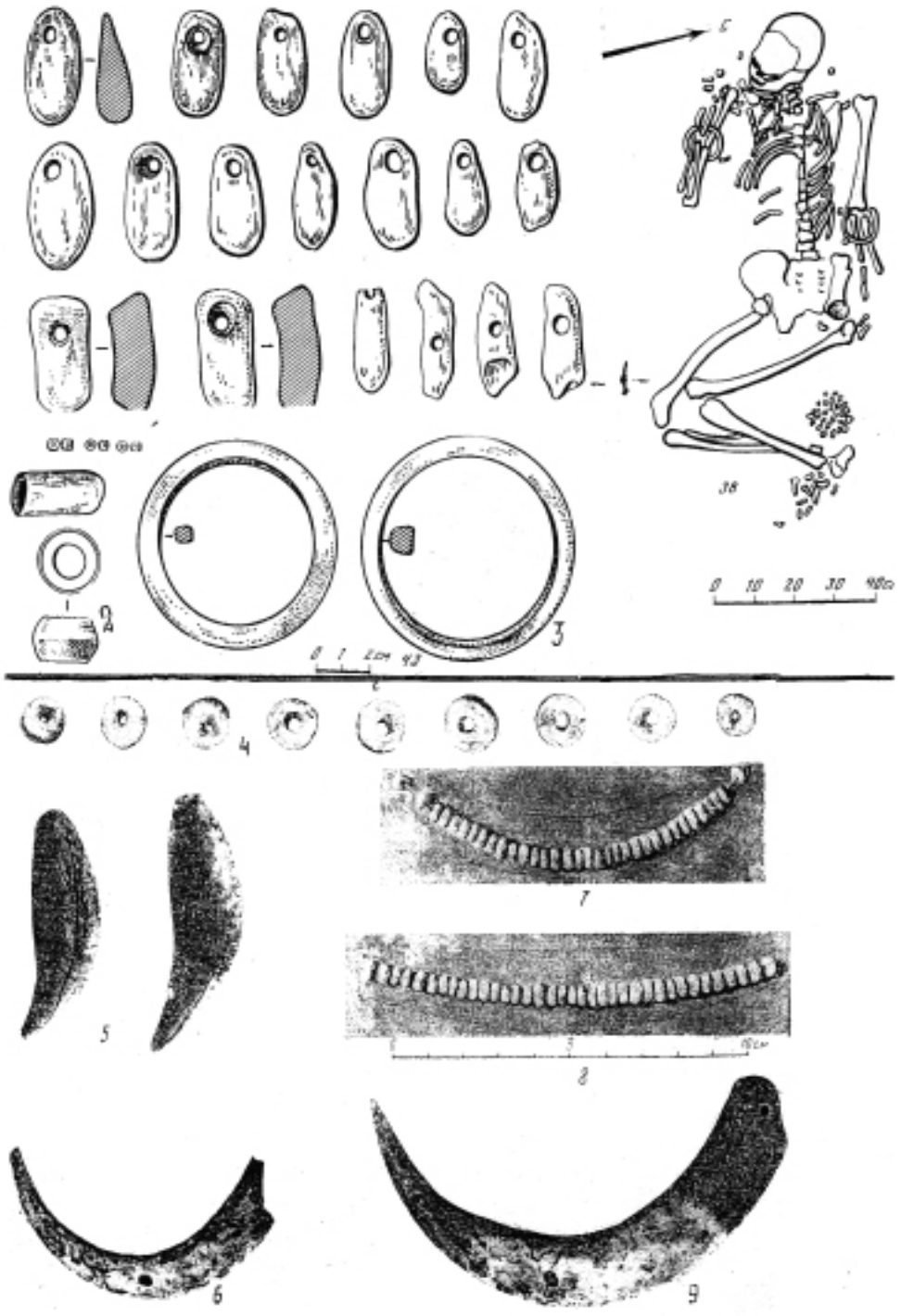


Рис. 19. Нальчикский энеолитический могильник; погребение № 86 и его погребальный инвентарь: подвески из зубов животных, каменные бусы и браслеты (1, 2, 3); предметы из других погребений могильника: костяные бусы (4), клык кабана (5), пластинки из клыка кабана (6, 9), пастовые бусы (7, 8).

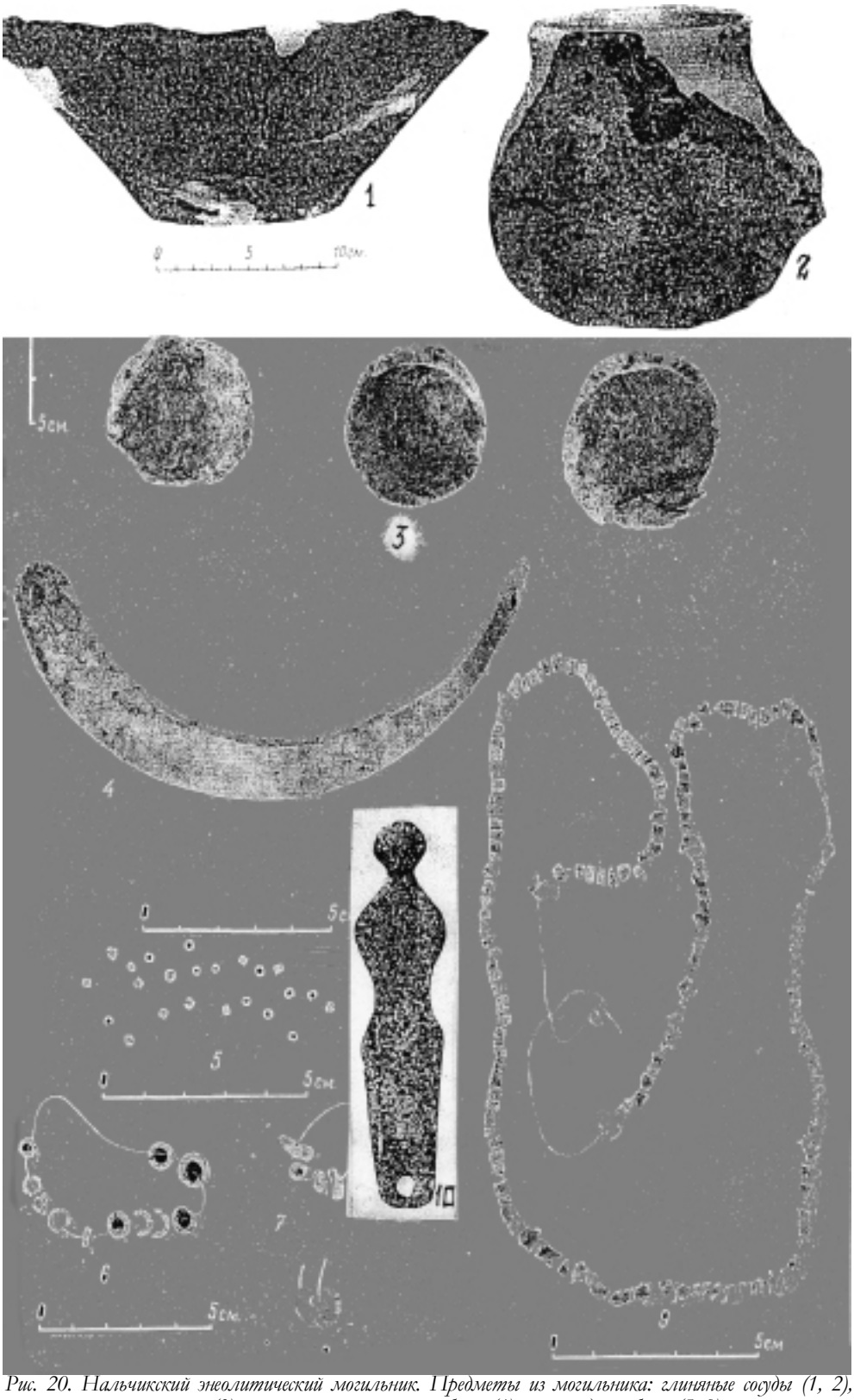


Рис. 20. Нальчикский энеолитический могильник. Предметы из могильника: глиняные сосуды (1, 2), просверленные раковины (3), пластинка из клыка кабана (4), разновидные бусы (5–9), каменная статуэтка (10).

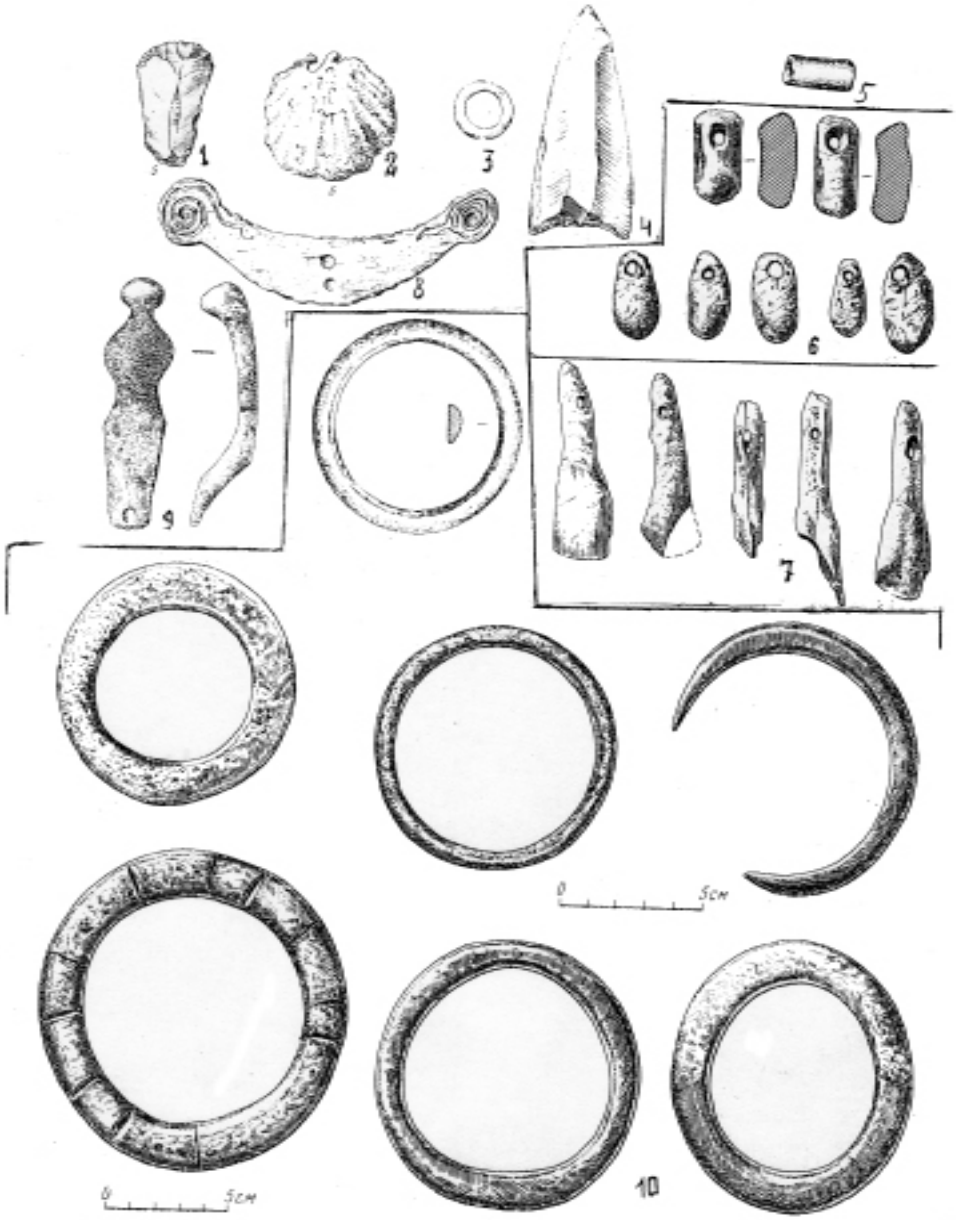


Рис. 21. Нальчикский энеолитический могильник. Предметы из могильника: кремневые скребок и наконечник стрелы (1, 4), просверленная раковина (2), костяное кольцо (3), костяной пронизь (5), подвески из просверленных зубов животных (6, 7), пластинка из клыка кабана (8), изображение каменной статуэтки в двух проекциях (9), каменные браслеты (10).

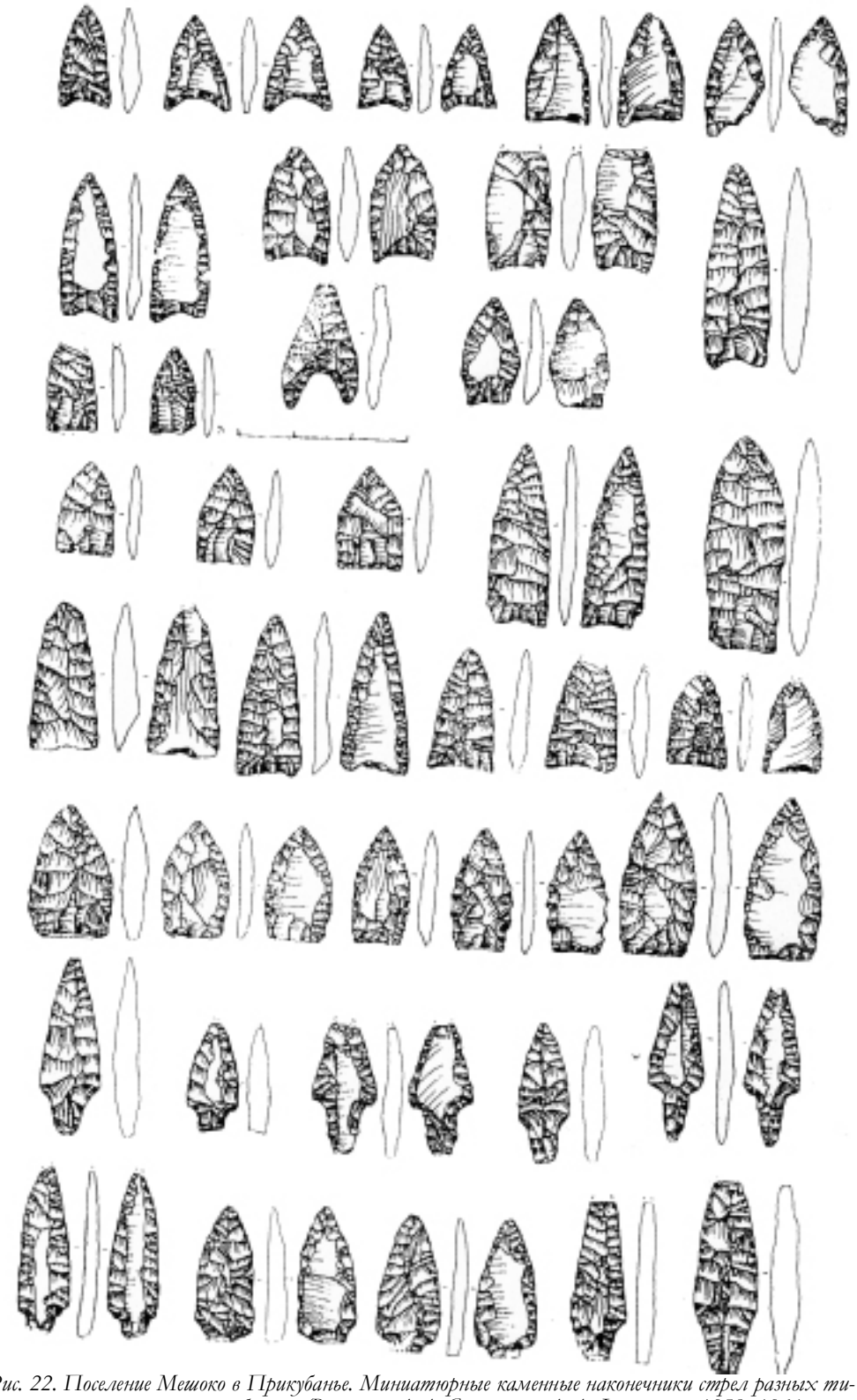


Рис. 22. Поселение Мешоко в Прикубанье. Миниатюрные каменные наконечники стрел разных типов эпохи энеолита и ранней бронзы (Раскопки А.Д. Столяра и А.А. Формозова. 1958–1964 гг.; по С.М. Остащинскому. 2004).

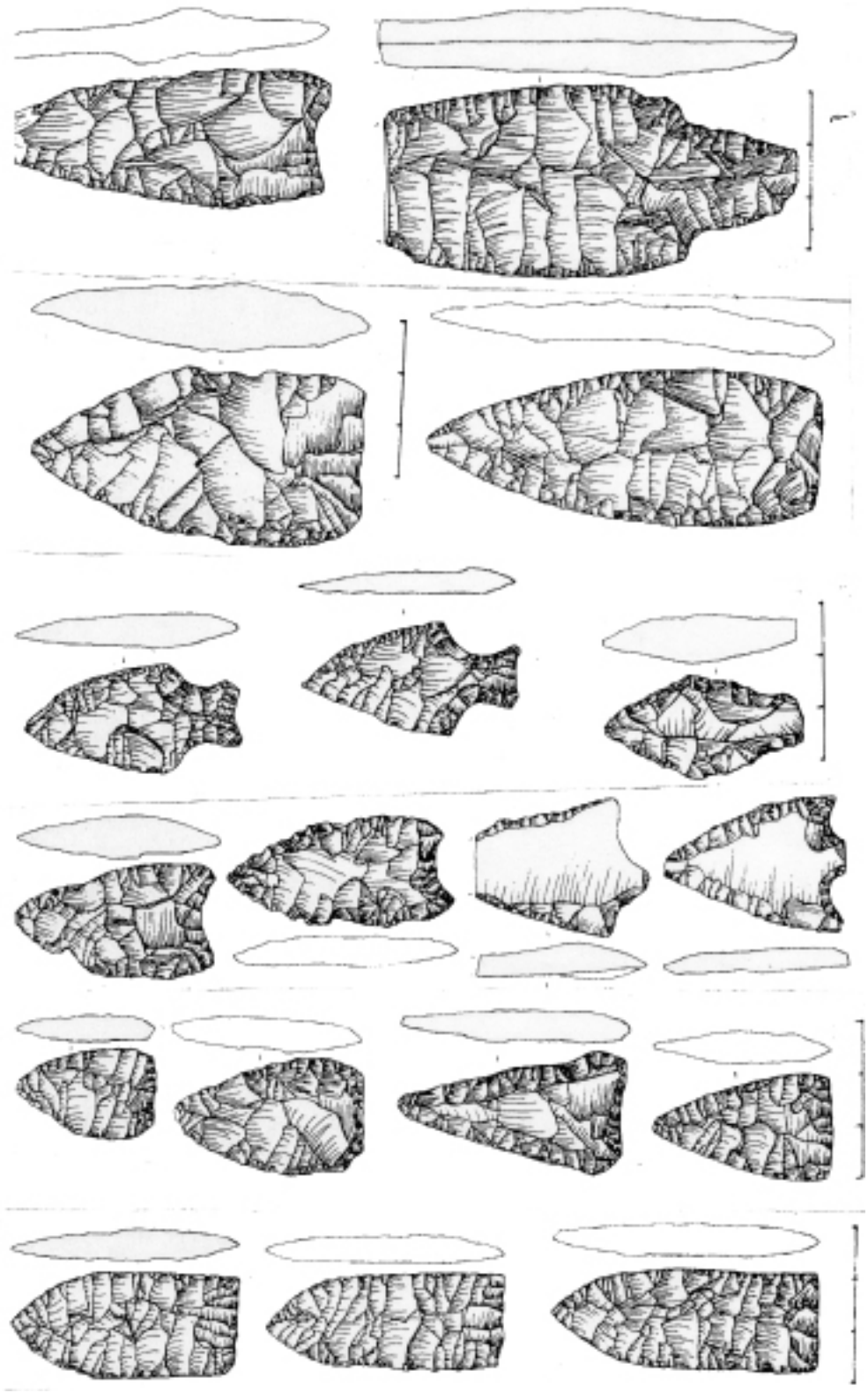


Рис. 23. Поселение Мешоко. Крупные каменные наконечники стрел и дротиков эпохи энеолита и ранней бронзы; по С.М. Остащинскому. 2004 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Проссгейм А.А.* Растительный покров Кавказа. М., 1948; *Гвоздецкий Н.А.* Физическая география Кавказа. М., 1954. Том I; М., 1958. Том I; *Он же.* Кавказ. Очерк природы. М., 1963; Геология и полезные ископаемые срединной части Северного Кавказа. М., 1956; *Любин В.П.* Ашельская эпоха на Кавказе. СПб., 1998. С. 11–16.

2. *Кларк Дж.Д.* Доисторическая Африка. М., 1977. С. 13–15; *Долуханов П.М.* География каменного века. М., 1979. С. 19–45; *Любин В.П., Амирханов Х.А., Аутлев П.У.* Палеолитические охотники и собиратели // История народов Северного Кавказа. М., 1988. Т. I. С. 27–34; *Мартынов А.И.* Археология. М., 2002. С. 123–137.

3. См., например: *Кларк Дж.Д.* Там же; *Формозов А.А.* Каменый век и энеолит. Прикубанье. М, 1956. С. 9–63; *Авдусин Д.А.* Археология СССР. М., 1967. С. 23–72; *Мартынов А.И.* Указ. соч. С. 23–109.

4. *Любин В.П., Амирханов Х.А., Аутлев П.У.* Указ. соч. С. 27.

5. *Любин В.П., Амирханов Х.А., Аутлев П.У.* Там же; *Прасолов Н.Д.* Геологические и палеографические рамки палеолита // Палеолит СССР. Часть I. Серия «Археология СССР». М., 1984. С. 18–22; *Он же.* Развитие природной среды на территории СССР в антропогене и проблемы периодизации палеолита. *Там же.* С. 23–40; *Любин В.П.* Ранний палеолит Кавказа. Там же. Часть II. С. 45–57; *Он же.* Ашельская эпоха … С. 12–16.

6. *Формозов А.А.* Указ. соч. С. 9–63; *Прасолов Н.Д.* Время и пути древнейшего заселения территории СССР человеком // Палеолит СССР. Часть II. С. 42–45; *Любин В.П.* Ранний палеолит Кавказа. *Там же.* С. 57–93; *Он же.* Хроностратиграфия Кавказа // РА. 1993. № 2. С. 5–13; *Он же.* Проблема первоначального заселения Северного Кавказа // XIX КЧАСК. ТД. М., 1996. С. 105–108; *Любин В.П., Куликов О.А.* О возрасте древнейших палеолитических памятников Кавказа // СА. 1991. № 4. С. 5–8; *Они же.* Евразия изначальная (последние открытия на Кавказе) // ВДИ. 1993. С. 173–174; *Бадер Н.О.* Поздний палеолит Кавказа. Палеолит СССР. Часть III. С. 272–301.

7. *Габуния Л.К., Векуа А.К., Буганишвили Т.В.* Среда обитания древнейших ископаемых людей Кавказа // Известия АН ГССР / Серия биологическая. Тбилиси, 1988. Т. 14. № 5. С. 343–344; *Ниорадзе М., Юстус А.* Каменные орудия древнепалеолитической стоянки в Дманиси. Дманиси, 1998. Вып. I. С. 140–159; *Дороничев В.Б.* Ранний палеолит Кавказа // ТД XXIV КЧАСК. Нальчик, 2006. С. 77–79.

8. *Гусейнов М.М.* Исследования в Азыхской пещере // АО 1979 года. М., 1980. С. 420–421; *Он же.* Пещера Азых. Баку, 1981; *Он же.* Древний палеолит Азербайджана. Баку, 1984; *Харитонов В.М.* Ашельские гоминиды на территории СССР // Особенности морфофункциональных характеристик в норме развитии в экстремальных условиях. Доклады Московского общества испытателей природы. Общая биология. М., 1989. С. 21–24; *Велиев С.С., Тагиева Е.Н.* Палеография и палеолит Кавказа // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа // ТД XXVI КЧАСК. Магас, 2010. С. 82–85.

9. *Любин В.П., Куликов О.А.* Указ. соч. С. 7; *Любин В.П.* Ашельская эпоха … С. 17–44; *Он же.* Проблема первоначального заселения … С. 105–108; *Дороничев В.Б.* Ранний палеолит Кавказа: между Европой и Азией // Невский археолого-историяграфический сборник. К 75-летию канд. ист. наук А.А. Формозова. СПб., 2004. С. 237, 240–241. Табл. 1.

10. *Амирханов Х.А., Магомедов Р.Г., Ханчишиев Г.К.* Открытие стратифицированного памятника раннеплейстоценового времени в Центральном Дагестане // АО. 2005. М., 2007; *Амирханов Х.А.* Памятники олдована в Ценральном Дагестане // Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Материалы научной конференции. Махачкала, 2007; *Он же.* Сравнительная типолого-статистическая характеристика инвентаря стоянки Мухкай-I в Центральном Дагестане (по материалам раскопок 2007 года) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия, материалы международной научной конференции (сост. в г. Краснодар – Темрюк 1–6 сентября 2008 г.). Ростов-на-Дону, 2008. Надо особо отметить, что, по мнению Х.А. Амирханова (2007 г.), результаты исследования стоянок Айникаб I и Мухкай I, возраст которых варьирует в пределах 1,2–1,8 миллионов лет т.н., служит «надежным подтверждением концепции каспийского пути, как одном из направлении первоначального заселения Евразии, и прежде всего, юго-востока Европы со стороны Западной Азии». С

таким выводом вполне согласуется утверждение А.П. Деревянко и В.Н. Зенина (2008 г.) о том, что факт обнаружения материалов доашельского времени на стоянке Дарвагчай I «является убедительным свидетельством существования вдоль побережья Каспийского моря одного из древнейших миграционных маршрутов гоминид из Африки в Евразию». Цит. по: *Велиев С.С. , Тагиева Е.Н.* Указ. соч. С. 83; См. также: *Таймазов А.П.* Раннепалеолитическая индустрия стоянки Айникаб I (Центральный Дагестан) // ТД XXVI КЧАСК. С. 331–334.

11. *Дороничев В.Б.* Палеолит Карачаево-Черкессии // Автореф... дисс. ист. наук. СПб., 1995; *Он же.* Хронология раннего и среднего ашеля Северного Кавказа // XIX КЧАСК. ТД. М., 1996. С. 70–71; *Он же.* Ранний палеолит Кавказа: между Европой и Азией… С. 235–241, 255; *Голованова Л.В., Дороничев О.В.* Ашель Северного Кавказа // Вторая Кубанская археологическая конференция. Т.Д. Краснодар, 1993. С. 27–29; *Любин В.П.* Ашельская эпоха ... С. 116–135.

12. *Формозов А.А.* Каменный век… С. 10–11, 23–24; *Любин В.П., Амирханов Х.А., Аутлев П.У.* Указ. соч. С. 28–29.

13. *Формозов А.А.* Указ. соч. С. 9–27; *Он же.* Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья // КСИИМК. 1952. XIVI. С. 31–37. Рис. 1 (карта); *Любин В.П., Амирханов Х.А., Аутлев П.У.* Указ. соч. С. 9; *Любин В.П.* Ранний палеолит… С. 45–62. Рис. 11 б; *Он же.* Ашельская эпоха. С. 111–115.

14. *Любин В.П.* Палеолит Северной Осетии // МАДИСО. Орджоникидзе, 1969. Т. II. С. 9, 41–43; *Любин В.П., Беляева Е.В.* Первые находки среднего и нижнего палеолита на Ставрополье // ТД XXII КЧАСК. Ессентуки–Кисловодск, 2002. С. 79–81; *Любин В.П., Беляева Е.В., Годзевич Б.Л.* Первое ашельское местонахождение в Пятигорье // Древний Кавказ: ретроспекция культур ТД XXIII КЧАСК. М., 2004. С. 114–115.

15. *Ефименко П.П.* Первобытное общество. Киев, 1953. С. 105–167; *Формозов А.А.* Каменный век … С. 9–27; *Чеченов П.М.* Территория Северной Осетии в эпоху камня, ранней и средней бронзы // История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. Орджоникидзе, 1987. Т. I. С. 10–11; *Любин В.П.* Ранний палеолит … С. 50–62; *Он же.* Ашельская эпоха … С. 116–173; *Любин В.П., Беляева Е.В., Годзевич Б.Л.* Указ. соч. С. 114–115.

16. *Аутлев П.У.* Исследования каменного века Закубанья за годы Советской власти // ВАА. Майкоп, 1992. С. 12–14; *Он же.* Проблема перехода от раннего к среднему палеолиту на Северо-Западном Кавказе. СПб., 1994. С. 132. Рис. 1 (карта); *Формозов А.А.* Каменный век … С. 28–40; *Любин В.П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977. С. 143–189, 198–201.

17. *Гиджирати Н.П.* Новые данные о каменном веке Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 9, 19–26; *Любин В.П., Амирханов Х.А., Аутлев П.У.* Указ. соч. С. 29–31; *Любин В.П.* Ранний палеолит … С. 46, 62–70. Рис. 11 (97–99, 101–103); *Любин В.П., Беляева Е.В., Мальсагов Б.Ж.* Разведки палеолита на Сунженской равнине в Ингушетии // ТД XXIV КЧАСК. С. 113–114.

18. *Любин В.П.* Открытие мустьерской культуры в Кабардино-Балкарии // АО 1976 года в СССР. М., 1977; *Он же.* Находки археологов // Газ. «Кабардино-Балкарская правда». 30 июня, 1976 г.

19. *Зубов А.А., Романова Г.П., Харитонов В.М.* Антропологический анализ нижней челюсти ребенка-неандертальца из Баракаевской пещеры // Неандертальцы Губского ущелья. Майкоп, 1994. С. 83–98, 153–155; *Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф., Харитонов В.М., Романова Г.П.* Мезозойская пещера (результаты предварительного изучения в 1987–1995 гг.) // РА. 1998. № 3. С. 85–98.

20. *Городцов В.А.* Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки // МИА СССР. М.–Л., 1941. № 2. С. 7–25; *Алексеев В.П.* Возникновение и эволюция гоминид // История первобытного общества. Общие вопросы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 212–214; *Формозов А.А.* Каменный век … С. 28–40.

21. *Формозов А.А.* Там же. *Голованова Л.В.* Проблеме перехода от раннего к среднему палеолиту … С. 9–117; *Любин В.П.* Мустьерские культуры Кавказа. С. 5–9, 190–204; *Алексеев В.П.* Указ. соч. С. 212–214; *Семенов Ю.И.* Становление человеческого общества … С. 367–410.

22. «Общая характеристика и история рельефа Кавказа» (Сб. статей). М., 1977. С. 207–211; *Щербакова Г.М.* Древние оледенения Большого Кавказа. М., 1973. С. 17–18, 273 сл.; *Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Блажко А.В.* Радиоуглеродная хронология позднего палеолита Кавказа // ТД XXIV КЧАСК. С. 58–61.

23. *Замятнин С.Н., Акритас П.Г.* Исследование по каменному веку в 1954–1955 гг. // УЗ КБНИИ. Нальчик, 1957. Т. XIII. С. 471–475; *Чеченов И.М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 15, 101–102; *Бадер Н.О.* Поздний палеолит Кавказа // Археология СССР. Палеолит. М., 1984. С. 272–273, 287; *Зенин В.Н., Орлова А.А.* Каменный век Баксанского ущелья (хронологический аспект) // ТД XXIV КЧАСК. С. 85–86.

24. *Любин В.П.* Мезолитическая стоянка Явора // КСИА. 1961. Вып. 84. С. 45–48.

25. *Любин В.П.* Палеолит Северной Осетии… С. 13 и сл.

26. *Аутлев П.У.* Указ. соч. С. 10–14; *Формозов А.А.* Каменный век… С. 41–53; *Бадер О.Н.* Указ. соч. С. 272–273. Рис. 108 (карта); *Амирханов Х.А.* Верхний палеолит Прикубанья. М., 1986. С. 11–91.

27. *Амирханов Х.А.* Указ. соч.; *Формозов А.А.* Каменный век. С. 43–53; *Бадер Н.О.* Указ. соч. С. 284–288; *Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Блажко А.В.* Радиоуглеродная хронология … С. 58–61.

28. *Ефименко П.П.* Указ. соч. С. 259–455; *Алексеев В.П.* Завершение процесса антропогенеза и формирование человеческих рас // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 19–51; *Амирханов Х.А.* Указ. соч. С. 78–80.

29. Формозов каменный век … С. 51–53; *Любин В.П., Амирханов Х.А., Аутлев П.У.* Указ. соч. С. 33–34; *Амирханов Х.А.* Чохское поселение. М., 1987.

30. *Акритас П.Г.* Археологические исследования Чегемского ущелья в 1959 г. // ССИКБ. Нальчик, 1961. Вып. IX. С. 177–182. Табл. 1; *Поне Г.П.* Археологические раскопки 1960 года в районе сел. Верхний Чегем (Отчет об экспедиции) // Архив КБНИИ. Ед. хр. 1751. С. 2–15; *Замятнин С.Н., Акритас П.Г.* Исследование по каменному веку … С. 415–425; *Они же.* Раскопки грота Сосруко … С. 431–455; *Они же.* Археологические исследования 1957 года … С. 471–475; *Зенин В.Н., Орлова Л.А.* Указ. соч. С. 85–86.

31. *Любин В.П.* Первые сведения о мезолите горного Кавказа (Осетии) // МИА СССР. М.–Л., 1966. № 131. С. 155–163. *Замятин С.Н., Акритас П.Г.* Раскопки грота Сосруко … С. 431–453; *Они же.* Археологические исследования 1957 года…С. 471–475; *Формозов А.А.* Каменный век… С. 51–55 и сл.

32. *Ефименко П.П.* Указ. соч. С. 612, 628–639; *Формозов А.А.* Там же; *Замятнин С.Н., Акритас П.Г.* Раскопки грота Сосруко … С. 438–453; *Они же.* Археологические исследования … С. 471–475; *Любин В.П.* Палеолит Северной Осетии … С. 13–14.

33. *Чайльд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956; *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981; *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982. С. 21 и сл.

34. История Дагестана. Махачкала, 1967. Т. I. С. 32–34; *Амирханов Х.А.* Чохское поселение … С. 158–207; *Формозов А.А.* Каменный век … С. 55–63; *Чеченов И.М.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973. С. 51, примечания 1 и 2.

35. *Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Бжания В.В., Гаджиев М.Г.* Племена Северного Кавказа в эпоху неолита и энеолита // История народов Северного Кавказа. Т. I. С. 35–44; См. также: *Миллер А.А.* Краткий отчет о работе Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1925 гг. // ИГАИМК. Л., 1926. Т. I. С. 82; *Крупнов Е.И.* Первые находки неолита в Северной Осетии // КСИИ МК. 1952. Вып. 46. С. 42–47; *Акритас П.Г.* Археологические исследования … С. 181; *Любин В.П.* Неолитическая стоянка на р. Овечка // ТКЧНИИ. Ставрополь, 1966. Вып. V. С. 261–264; *Фромозов А.А.* Каменный век… С. 55–63.

36. *Кричевский Е.Ю., Круглов А.П.* Неолитическое поселение близ г. Нальчика // МИА СССР. М.–Л. № 3. С. 51–66: *Мунчаев Р.М.* Энеолит Кавказа // Археология СССР. Энеолит. М., 1982. С. 128–131.

37. *Кричевский Е.Ю., Круглов А.П.* Там же. *Фромозов А.А.* Каменный век … С. 55–63; *Любин В.П.* Неолитические кремневые мастерские в Дигории // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 43–46; *Мунчаев Р.М.* Указ. соч. С. 128–129; *Чеченов И.М.* Территория Северной Осетии в эпоху камня … С. 14–15.

38. *Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В.* Могильник в Нальчике // МИА СССР. № 3. С. 67–146; *Мунчаев Р.М.* Указ. соч. С. 129–131; *Чеченов И.М.* Территория Северной Осетии в эпоху камня … С. 15–16; *Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Бжания В.В., Гаджиев М.Г.* Указ. соч. С. 35–44.

39. *Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В.* Там же.

40. *Нечитайло А. А.* Искусственная трепанация в эпоху энеолита (По материалам погребении Северного Кавказа) // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (ТД XXIII КЧАСК). М., 2004. С. 136–138.

41. Там же. С. 137–138.

42. *Чеченов И.М.* О локальных различиях в памятнках майкопской культуры // ТД IV КЧАСК. Орджоникидзе, 1974. С. 60–61; *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 73–74; *Он же.* Энеолит Кавказа … С. 129 и сл.

43. *Чеченов И.М.* Там же.

44. Там же.

45. *Формозов А.А., Столяр А.Д.* Неолитические и энеолтические поселения в Краснодарском крае // СА. 1960. № 2. С. 103–114; *Формозов А.А.* Каменный век … С. 94–99; *Он же.* О периодизации энеолитических поселении Прикубанья // РА. 1994. № 4. С. 44–53; *Столяр А.Д.* Северокавказская экспедиция 1962–1964 годов // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1966. Вып. XXVII. С. 93–94.

46. *Формозов А.А.* Каменный век … С. 94–99.

47. *Формозов А.А.* Там же. *Он же.* О периодизации …С. 44–45.

48. *Столяр А.Д.* Мешоко – древнейшая энеолитическая крепость Кавказа // Невский археолого-историграфический сборник … С. 319–329.

49. *Там же.* С. 319; *Зайцева Г.И., Бурова Н.Д., Семенцов А.А.* Первые радиоуглеродные даты поселения Мешоко // Невский археолого-историографический сборник… С. 365–368. Следует заметить, что указанная датировка названных выше авторов значительно сближается с множеством радиокарбонных дат (в основном в пределах середины V – начало IV тыс. до н.э.), полученными в последнее время несколькими исследователями при изучении материалов Мешоко и других поселений той же группы Прикубанья – Ясеневой Поляны, Свободного, Гуамского грота, «Замка» близ. г. Кисловодска и т.п. Подробнее дискуссии по вопросам хронологии и культурной атрибуции этих и других памятников энеолита и ранней бронзы Северо-Западного и Центрального Кавказа см: *Нехаев А.А.* О периодизации домайкопской культуры Северо-Западного Кавказа // Майкопский феномен в древней истории Кавказа Восточной Европы. Л., 1991. С. 29–31; *Он же.* Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. СПб., 1992. Вып. I. С. 76–96; *Кореневский С.Н.* Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке. М., 1993; См. также краткое содержание выступлений С.Н. Кореневского по данному вопросу в публикациях: ТД VIII КЧАСК (Кисловодск, 1994. С. 18–20), ТД XIX КЧАСК (М., 1998. С. 90–92), : ТД XXI КЧАСК (Кисловодск, 2000. С. 59–64), ТД XXIV КЧАСК (Нальчик, 2006. С. 110–113), ТД XXV КЧАСК (Владикавказ, 2008. С. 214–219), ТД XXVI КЧАСК (Магас, 2010. С. 201–205); *Марковин В.И.* О некоторых новых тенденциях в археологическом изучении древностей Северного Кавказа // РА. 1994. № 4. С. 25–43; *Формозов А.А.* О периодизации… С. 44–53; *Трифонов В.А.* Дарквети-Мешоковская культура // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар–Анапа, 2001. С. 190–194; *Моргунова Н.Л.* О хронологическом соотношении и культурных связях майкопской и ямной культур. ТД XXVI КЧАСК. С. 253–255.

50. *Формозов А.А.* Каменный век… С. 85–93.

51. *Формозов А.А.* Там же. С. 85–93, 108–112; *Он же.* О периодизации … С. 50. *Столяр А.Д.* Мешоко – древнейшая энеолитическая крепость … С. 331–333; *Осташинский С.М.* Наконечники стрел и дротиков поселения Мешоко (вопросы классификации и стратиграфии) // Невский археолого-этнографический сборник … С. 334–335; *Каспаров А.К., Саблин М.В.* Исследование фаунистических остатков поселения Мешоко на Северном Кавказе. *Там же.* С. 356–363.

52. *Формозов А.А.* Каменный век… С. 75–93, 108–132; *Он же.* Периодизация … С. 47–50 и сл.

53. *Цалкин В.И.* Изменчивость метаподии и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // Бюллетень Московского общества изучение природы. Серия биологическая. М., 1960. № 1. С. 29–31; *Формозов А.А.* Каменный век… С. 90–95, 150; *Столяр А.Д.* Мешоко … С. 331–333; *Каспаров А.К., Саблин М.В.* Указ соч. С. 356–357 и сл.

54. *Кричевский Е.Ю., Круглов А.П.* Указ соч. С. 51–66; *Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В.* Могильник в г. Нальчике // МИА СССР. № 3. С. 67–146; *Мунчаев Р.М.* Энеолит … С. 129–131; *Чеченов И.М.* Территория Северной Осетии в

эпоху камня … С. 15–16; *Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Бжания В.В., Гаджиев М.Г.* Указ. соч. С. 39–43.

55. *Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В.* Указ. соч. С. 129–130; *Формозов А.А.* Каменный век … С. 125–132; *Чеченов И.М.* Территория Северной Осетии в эпоху камня … С. 15–16; *Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Бжания В.В.* Указ. соч. С. 39–40, 43 и сл.

56. *Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В. Там же.* С. 126–130; *Формозов А.А.* Каменный век … С. 133–143; *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре … С. 73–74, 77–78, 141–144; *Он же.* Энеолит … С. 129–131; *Осташинский С.М.* Указ. соч. С. 353–354.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН ГССР – Академия наук Грузинской ССР.

АО – Археологические открытия.

ВАА – Вопросы археологии Адыгеи.

ВДИ – Вестник древней истории.

ИГАИИМК – Известия Государственной академии Института истории материальной культуры.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.

МАДИСО – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии.

МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР.

РА – Российская археология.

СА – Советская археология.

ССИКБ – Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии.

ТД КЧАСК – Тезисы докладов «Крупновских чтений» по археологии Северного Кавказа.

ТКЧНИИ – Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института.

УЗ КБНИИ – Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.

Бгажноков Б.Х. (г. Нальчик)

КАВКАЗСКИЕ ДОЛЬМЕНЫ: ПЛАНЕТАРНЫЕ СВОЙСТВА И МЕСТНЫЕ ТРАДИЦИИ*

КУЛЬТУРА ИСПУНОВ

Возникновение дольменной культуры на Кавказе относят обычно к первой половине III тыс. до н.э. Она сформировалась на восточном побережье Черного моря и в Закубанье, а свое наименование получила по сохранившимся в большом количестве монументальным преимущественно надземным гробницам из камня – дольменам. Большинство из них расположено на склонах гор, примыкающих к восточному побережью Черного моря в 600 километровом пространстве между Таманским полуостровом в Краснодарском крае и городом Очамчире в республике Абхазия. В некотором отдалении от побережья Черного моря, главным образом в верховьях рек, впадающих в Кубань, находится значительно меньшая часть этих древних усыпальниц – около одной четверти от общего числа.

Внешне кавказские дольмены напоминают дома из четырех стен с перекрытием, с маленьким входом или лазом в передней стене. Отсюда местные обозначения таких сооружений. Абхазы называют их погребальными домами – *адамра*, *ахатгун,* мегрелы домами великанов – *одзвале*, кубанские казаки богатырскими (дидовыми, чертовыми) хатами. У черкесов дольмены известны под именем древних погребальных жилищ – *кхъзунэжь*, домов для жизни в загробном мире – *ахърэтун*.

Метафора дома, как мы видим, не заслоняет знание об истинном предназначении дольменов, черкесы, – писал в 1837 г. Дж. Белл, – считают эти «дома», состоящие из пяти огромных каменных плит, древними захоронениями[1].

Существует наряду с этим цикл сюжетов адыгского нартского эпоса, в котором каменные гробницы представлены как дома, в которых живут странные маленького роста люди под названием *испы/исп.* Широкое распространение имеет вследствие этого еще одно обозначение дольменов: *испун/испыгун* – «дома испов». Его используют часто археологи (В.А. Марковин, Н.Г. Ловпаче и др.), что позволяет нам, следуя уже сложившейся традиции, называть дольменную культуру Кавказа *культурой испунов*. Она возникла на Кавказе позже, чем майкопская культура, но длительное время развивалась синхронно и в тесном взаимодействии с ней. Например, В.А. Трифонов считает, что бытование культуры дольменов охватывает период от 3200 до 1800 гг. до н.э.[2], по данным В.А. Марковина – от 2700 до 1400 гг. до н.э. В то же время Майкопскую культуру датируют обычно 3500–2000 г. до н.э. (правда, в последние годы ее считают еще древней: в представлении С.Н. Кореневского она охватывает период с 3900 по 2800 гг. до н.э.[3]).

В любом случае невозможно отрицать, что эти культуры пересекались во времени и в пространстве, что в равной степени характеризует специфику каждой из них.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект «Древняя и средневековая культура адыгов».

Хоронили в дольменах, по всей видимости, не рядовых членов древних племен, а их вождей и старейшин, многие из которых были одновременно и жрецами. Некоторые исследователи прямо называют кавказские дольмены «домами жрецов-предков», то есть культовыми сооружениями[4]. Если быть еще точнее, это дома для вечной жизни душ, освободившихся от тела. Не зря абхазцы называют дольмены местом отдохновения (успокоения) души[5]. По древним абхазо-адыгским поверьям после смерти человека его душа продолжает свое существование. Но плоть безжизненна и она не может удовлетворить страстное желание вернуться к живым, вступить в контакт с близкими людьми, оплакивающими его. Поэтому душа мертвеца страдает, мечется, не находит себе места и покоя. Называя имя недавно умершего человека, черкесы не случайно добавляют к этому имени слово *мыгъуэ*, что означает в данном контексте: «страдающий, мучающийся в поисках своей плоти».

Рис. 1. Кавказские мегалиты

1 – дольмен с двориком. Поселок Джубга Туапсинского района; 2 – мегалит «Черкесский камень». Кудепста; 3 – дольмен «Возрождение» в низовье реки Жанэ; 4 – дольмен-монолит в долине реки Годлик у селения Волконка

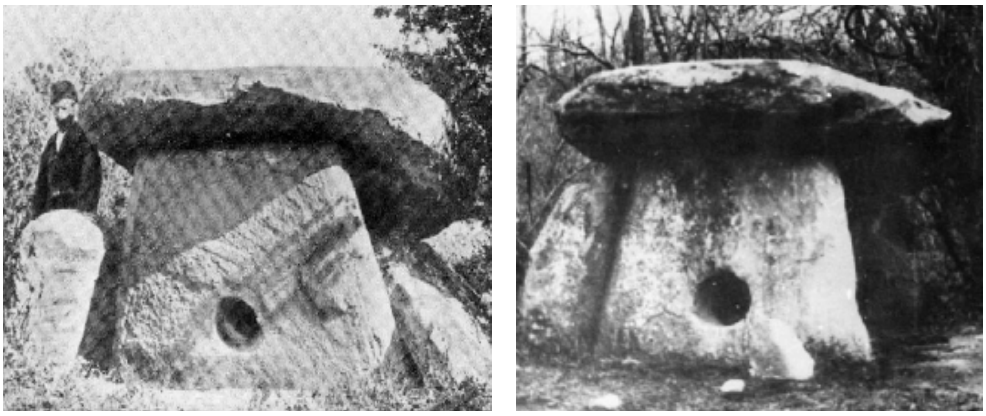
По всей видимости, дольменные сооружения были призваны уберечь «бедную душу» покойного от этих мучений, обеспечить ей покой и умиротворение. По понятиям древних кавказцев сама конструкция дольменов как нельзя лучше отвечала этим требованиям, о чем писал в свое время, Л.Н. Соловьев: «Их материал и размеры рассчитаны на вечность. Тщательная выработка пазов для пригонки стенок дольмена, притертые пробки, употребление для стенок цельных плит – все это обеспечивает герметичность сооружения. Едва ли можно сомневаться, что летучим, трудно уловимым содержанием дольменов, по понятиям их строителей, были души погребенных в них покойников»[6].

По оценке В.А. Трифонова в год сооружалось в среднем около 10–12 дольменов по числу умерших или погибших вождей. Таким образом, можно предположить, что в течение всего периода бытования дольменной культуры Кавказа построено около 15000 дольменов. Из них большая часть была разрушена и исчезла, особенно в последние полтораста лет и, прежде всего, в течение первых десятилетий после окончания Кавказской войны,

когда плиты дольменов стали в массовом порядке разбирать для строительных нужд. Согласно все еще неполным данным 1978 года общее число учтенных кавказских дольменов достигает 2308[7]. Но многие дольмены еще не обнаружены. В.И. Марковин писал в данной связи, что с каждым новым обследованием территории распространения дольменов встречаются все новые и новые памятники, скрытые от глаз лесной чащей или курганной насыпью. Действительно, в последние 20–30 лет выявлено множество неизвестных ранее дольменов, в том числе 9 – подкурганных, найденных в результате раскопок в окрестностях г. Сочи[8].

ДИНАМИКА ДОЛЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КАВКАЗА

Не исключено, что более обширной, чем видится и представляется сейчас, была и область распространения кавказских дольменов и особенно в северо-восточном направлении. В.И. Марковин ссылается в связи с этим на снимки 1902 г., на которых изображен дольмен, находившийся у горы Острой близ Железноводска[9]. Один из этих снимков, сделанных Г.И. Раевым, передал нам В.А. Фоменко (рис. 2,2). Как видим, у горы Острой заснято сооружение характерное для поздних плиточных дольменов, например, в бассейне реки Пшада (рис. 2,1). Еще раньше, в 1881 г. большой дольмен и остатки других плиточных сооружений этого типа обнаружил в Пятигорье археолог Д.Я. Самоквасов. Все находки располагались на возвышенности на правом берегу р. Горькой между горами Верблюд и Бештау. Обследованная Д.Я. Самоквасовым уцелевшая гробница, как будто не оставляет сомнений в ее принадлежности к памятникам дольменной культуры. Сооружение состояло из четырех плиточных стен, покрытых пятым, имевшим 4 аршина в квадрате (2,84 м), в одной из боковых стен имелось круглое отверстие семи вершков (30,8 см) в диаметре[10].



1 2

Рис. 2. Сравнение дольменов Причерноморья и Пятигорья

1 – поздний плиточный дольмен у сел. Береговое в бассейне реки Пшада. Фотография Е.Д. Фелицына;
2 – дольмен у горы Острой в окрестностях Железноводска. Фотография Г.И. Раева, 1902 г.

По мнению В.И. Марковина эти находки свидетельствуют о том, что под давлением дольменостроителей некоторая часть носителей майкопской культуры вынуждена была двинуться на восток и на север, далеко за пределы Прикубанья. Многим археологам такая постановка вопроса представляется не вполне оправданной. Но как бы он не ставился и не решался, невозможно отрицать, что уже во второй половине III тыс. до н.э. на обширном пространстве среднего и нижнего Прикубанья, там, где еще недавно возвышались только большие кубанские курганы, господствующее

положение заняли памятники бурно развивающейся дольменной культуры. Наряду с величественными майкопскими курганами внушительные мегалитические гробницы дольменного типа стали одной из самых примечательных особенностей культурного ландшафта Прикубанья. Наблюдалось вместе с тем обратное воздействие курганной майкопской культуры на дольменную. С одной стороны это выражалось в распространении подкурганных дольменных захоронений в горной местности – там, где до этого такой погребальный обряд не практиковался, а с другой – в присутствии типично майкопских изделий в инвентаре каменных гробниц, например, майкопской керамики с жемчужным орнаментом.

Некоторые авторы склонны включать в область распространения дольменной культуры все Центральное Предкавказье. Так, В.А. Сафронов, выдвигая идею общеевропейского «культурного фона», на котором должны рассматриваться дольмены Кавказа, утверждает: «Ареал дольменной культуры Северо-Западного Кавказа охватывает все восточное побережье Черного моря, Адыгею, Верхнее Прикубанье, степные районы Центрального Предкавказья, Пятигорья, Кабардино-Балкарии. К проявлениям дольменной культуры следует, вероятно, отнести Нальчикскую и Кишпекскую гробницы в Кабардино-Балкарии»[11].

Утверждают, что столь же активно перемещалась дольменная культура Кавказа в прямо противоположном направлении к западному и северному побережью Черного моря. На территории исторической Фракии в современной Западной Турции и Южной Болгарии расположены датируемые III–II тыс. до н.э. мегалитические сооружения, которые обнаруживают большое сходство с западно-кавказскими дольменами[12]. Во второй половине III тыс. до н.э. аналогичные гробницы, правда, гораздо меньших размеров и, как правило, без отверстия, появляются в Южном Крыму[13]. Обычно их относят к Кеми-обинской культуре, в формировании которой, как полагают, могли участвовать мигранты с Кавказа. Такое предположение подкрепляется раскопанным сравнительно недавно И.Н. Храпуновым погребением в каменном ящике у с. Вилино близ Бахчисарая[14]. Большими размерами (два метра в высоту и более двух метров в длину), а также окном, вырубленным в одной из боковых стен и закрытым снаружи каменной плитой, этот ящик напоминает кавказские испуны.

Движение кавказской дольменной культуры в пространстве сопровождалось еще более впечатляющим движением во времени, которое можно проследить, начиная с эпохи раннего железа вплоть до средневековья. Вспомним в этой связи, как часто в верхних слоях дольменов Абхазии и окрестностей Геленджика обнаруживают предметы, относящиеся ко времени перехода от эпохи бронзы к железному веку. Б.А. Куфтин рассматривал эти находки «как указывающие на несомненно тесную преемственную связь между строителями дольменов и тем населением, которое позднее развивало кобанскую культуру»[15].

Район Геленджика, вообще говоря, считается местом, где традиции погребения в дольменах сложились очень рано, а продлились дольше, чем в других областях Западного Кавказа. В середине прошлого века И.И. Аханов обнаружил здесь 28 подкурганных плиточных гробниц с характерным для дольменов отверстием в передней стене[16]. По его мнению, дольменный обряд захоронения практиковался в Геленджике и его окрестностях до IV в. н.э., а сама традиция захоронения в дольменах, заключенных в курган, сложилась в период, переходный от бронзы к железу. Предположения И.И. Аханова оказались неточными в смысле хронологии, но сами находки свидетельствуют о различных формах вторичного использования и обустройства дольменов. По всем данным, в предскифский и скифский период, который был и периодом раннего железа, дольмены активно

использовались для вторичных захоронений. Вполне возможно, что в отдельных случаях, чтобы придать этим захоронениям типичный для новой культуры облик, дольмены с впускными захоронениями засыпали землей и сооружали над ними курганы. Об этом свидетельствует и сравнительно большое число изделий из железа, найденных в подкурганных дольменах Геленджика: железные топоры-секиры, по форме напоминающие кобанские, серповидные ножи, наконечники копий и дротиков[17].

Все это наводит на мысль о том, что на Кавказе существует по крайней мере два вида подкурганных дольменов, каждый из которых имеет свою специфику: 1) ранние подкурганные дольмены майкопского периода, 2) поздние подкурганные дольмены предскифского и скифского периода. Типичными примерами первого из названных видов могут служить новосвободненские памятники (около 2600 г. до н.э.) и подкурганный дольмен Псынако (около 2500 г. до н.э.). Вторая, поздняя разновидность подкурганных дольменов ярко представлена Геленджикскими образцами исследованными И.И. Ахановым. Курганный облик они приобрели в эпоху перехода от бронзы к железу, скорее всего в первой трети I тыс. до н.э.

О силе традиций дольменной культуры свидетельствуют и факты возобновления страительства мегалитических сооружений этого типа уже в период средневековья в VIII–XII вв. в Верхнем Прикубанье[18]. К ним относят обнаруженные по берегу реки Кяфар (левый приток Кубани) постройки в виде наземных гробниц с передней стеной, имеющей округлое или чаще четырехугольное отверстие. По всем признакам это сооружения максимально приближенные к древним дольменам, но датируемые эпохой раннего средневековья.

По территории и времени их можно соотнести с культурой касогов, которые в верховьях Кубани граничили с аланами. «Местный этнос, создавший дольменообразные склепы должен быть признан адыгским», – писал в данной связи В.А. Кузнецов[19]. Поддерживается тем самым, выдвигавшаяся еще раньше Л.И. Лавровым идея непрерывной связи дольменной культуры с древним – абхазоадыгским населением Кавказа[20].

ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО И МЕСТНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЕВРАЗИЙСКИХ ДОЛЬМЕННЫХ КУЛЬТУР

Известно, что дольменные сооружения, относящиеся к энеолиту и к более поздним эпохам, имеются не только на Кавказе, но и во многих других частях евразийского континента, а само слово *дольмен* (tolmen), введенное в научный оборот Боденом, в переводе с кельтского языка означает «каменный стол». В настоящее время во всем мире так принято называть древние погребальные сооружения из каменных глыб и плит огромного размера, поставленных вертикально и перекрытых массивной плитой. Постройки такого типа сохранились в Британии, Дании, Швеции, в южных и центральных областях Франции, а также в Португалии, Испании, Италии, Северной Африке, Турции, Сирии, Иордании, Палестине, Болгарии, Индии, Корее, Японии.

Трудно поверить, что при такой обширной географии дольменная культура, сформировавшись впервые в одном конкретном месте, распространилась затем – путем заимствования – по всей Евразии. На самом деле, в этом процессе главенствующее место занимает типологическая составляющая, о чем писал Г. Чайлд[21]. Глубинные причины распространения дольменостроительства в различных концах мира следует искать в принципиальном единстве духовной и материальной культуры целого ряда приморских обществ. Несомненно, эти общества развивались в основном самостоятельно, независимо друг от друга. Но, однако, и процессы диффузии, в том числе и связанные с миграцией населения, также имели

место, являясь своего рода эпифеноменом типологической общности мегалитических культур. Например, очевидная и непрерывная связь западноевропейских мегалитических культур, как полагают, восходит к традициям, которые можно объяснить только распространением мегалитических сооружений (менгиров, кромлехов и дольменов) из одного центра, находящегося в Лос-Мильяресе, в провинции Альмерия (Испания)[22]. Действительно, очень древние дольмены, датируемые 4000–3500 г. до н.э. расположены на Пиренейском полуострове в Португалии[23], а также в Испании[24]. Радиоуглеродный анализ подкурганного дольмена Менга в Андалузии (рис. 3, 1) позволил установить, что он построен в 3790–3730 г. до н.э. Из Пиренеев дольмены распространились в Британию, что произошло, как предполагают, накануне III тыс. до н.э.[25] Между тем в южной Франции они появились главным образом под воздействием мегалитических традиций Сардинии и Корсики.

Не исключено, следовательно, что распространение дольменов шло сначала от островов Средиземного моря на Пиренейский полуостров. Так, мегалитическая культура Бону-Игину на острове Сардиния, представленная также и дольменами, охватывает период с 4600 до 3300 г. до н.э.; причем в орбите этой культуры находятся, как полагают, аналогичные мегалитические памятники Корсики[26]. Возраст культуры Бону-Игину позволяет думать, что возникновение аналогичных мегалитических памятников в юго-восточной Испании связано с появлением здесь в IV тыс. до н.э. новых поселенцев из восточного Средиземноморья, но не из Египта, Месопотамии или Анатолии, а из близлежащих островов в Средиземном море, в том числе из Корсики и Сардинии[27]. Называют также остров Крит, в частности, как область, из которой на Пиренеи проникла традиция купольных погребальных сооружений[28], хотя постройки с толосом, к которым ведут длинные коридоры, появились еще раньше около 4800 г. до н.э. в Северной Месопотамии[29].

1 2 3 4

Рис. 3. Дольмены Западной Европы

1 – дольмен Са-Ковеккада. Сардиния, Морес; 2 – дольмен Фонтанаккия на плато Каурия. Корсика; 3 – дольмен Тре-Шато. Южная Франция; 4 – дольмен в Западной Франции

С процессом трансляции мегалитических традиций из европейских центров связывают многие археологи и возникшую гораздо позже (почти на целое тысячелетие) дольменную культуру Западного Кавказа. Но жители Кавказа, как утверждают некоторые археологи, могли заимствовать не только и не столько ранние образцы дольменной культуры Европы, сколько сравнительно поздние, синхронные, вследствие этого, периоду первых памятников этого типа в Восточном Причерноморье. Так, А.Д. Резепкин полагает, что исходной формой для дольменов Кавказа явились купольные гробницы второго периода развития культуры Лос-Мильярес[30], который датируется серединой второй половины III тыс. до н.э.[31]

Во всех таких случаях следует учитывать также, не зависящую от внешних влияний и воздействий прицинпиальную идеологическую общность дольменной культуры. Идея дольменов как погребальных сооружений сравнительно проста. Она возникает в различных концах Евразии как естественное выражение и единство двух распространенных во всем мире культов. Первый из них – культ предков, второй – культ камня. Строили дольменные сооружения главным образом, в горных приморских районах, где сама природа способствовала мегалитическому выражению и воплощению указанных культов. Иными словами, есть некоторые общие черты и внутренние основания дольменных сооружений, позволяющие думать, что при наличии этих планетарных условий они могли возникнуть где угодно, независимо друг от друга, без каких-либо миграций и изменений в составе населения той или иной территории. Какого-либо единого центра «дольменной цивилизации», откуда она распространилась по всему миру, не существует, как не существует и «единого этнического творца» такой цивилизации. Во всяком случае и то, и другое трудно установить. С некоторой уверенностью можно говорить лишь о том, что Средиземноморье и черноморский бассейн стали катализаторами развития дольменной культуры Евразии.

О фундаментальной типологической составляющей свидетельствует также большой хронологический разброс строительства и особенно использования дольменных сооружений. Время, которое отделяет их друг от друга, исчисляется иногда двумя-тремя тысячелетиями. В самом деле, трудно представить, что, преодолевая расстояние в десятки тысяч километров и трех-четырехтысячелетний разрыв во времени идея дольмена из Западной Европы или Кавказа была перенесена в Японию, где такие сооружения строились в VII веке нашей эры[32]. Кстати, и на Кавказе уже в период средневековья в VIII–XII вв. практиковались, как уже было сказано, захоронения в каменных гробницах, максимально приближенных к древним дольменам. Традиции, лежащие в основе данного типа построек, были перенесены затем и на каменные гробницы позднего средневековья (кешаны) распространенные по всему Северному Кавказу. Прежде всего, это традиции почитания, одухотворения камня и столь же благоговейное отношение к предкам, к их душам. И так, соединение культа камня с культом предков, а также обилие природного материала для строительства мегалитических сооружений – вот, три главных условия возникновения кавказских дольменов. В этом отношении они стоят в одном ряду с аналогичными сооружениями Запада и Востока, находясь между ними как бы в центре – в центре Евразии. Но стоят все же особняком и от тех, и от других, так как имеют целый ряд отличительных признаков и черт, специфичных лишь для Кавказа.

Следует отметить в данной связи, что, несмотря на принципиальную общность идейного содержания, повсюду дольмены имеют специфические черты, позволяющие связать их с культурой местных племен и народов. К примеру, характерной чертой дольменов в окрестностях Парижа являются массивные, плохо обработанные глыбы перекрытия[33]. Также

выглядят во Франции менгиры, дополняющие дольменные сооружения. Чаще всего это громадные валуны, поставленные вертикально, тогда как кавказские менгиры тщательно обработаны и отделаны. Существеные различия наблюдаются и в конструкции подкурганных дольменов. В Западной Европе они перерастают в большие залы с высокими сводами и опорными колоннами, что несвойственно кавказским дольменам. Кроме того, западноевропейские дольмены, в отличие от кавказских не являются герметичными, а встречающиеся отверстия в передней стене никогда не закрываются. На Пиренеях, на острове Сардиния, на западном побережье Черного моря это неопределенной формы отверстия, небрежно выбитые в центре нижнего края передней стены. В дольменных памятниках Индии они сделаны более аккуратно, но расположены в ее верхней части, то есть прямо противоположно месту таких отверстий на передней плите кавказских дольменов. В то же время нет никаких материальных подтверждений герметичности индийских, а также палестинских и сирийских дольменов. Не обнаружены здесь и следы каменных пробок, которыми могли бы плотно закрываться входы в камеру.

Вообще каменная втулка это исключительно кавказское изобретение – факт, который заслуживает самого пристального внимания.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ (МАРКЕРЫ) КАВКАЗСКИХ ДОЛЬМЕНОВ

Допуская возможность перенесения традиций дольменостроительства на восточное побережье Черного моря из других областей Евразии и особенно из западной Европы следует обратить внимание на то, что в таком количестве, как на Кавказе такие сооружения нигде не встречаются. Кроме того, кавказские дольмены отличаются конструктивной сложностью, неожиданным для эпохи бронзы совершенством форм, великолепной обработкой плит и монолитов, плотной без всяких зазоров подгонкой отдельных камней друг к другу.

В отношении искусства обработки камня, архитектурного мастерства и разнообразия кавказские испуны не имеют аналогов и превосходят многие другие обычно грубоватые постройки данного типа. Задаваясь вопросом об отличиях кавказских дольменов от других построек этого типа С.В. Валганов пишет: «Прежде всего это качество. Такого качества обработки камня, подгонки блоков и точности сборки больше не встречается нигде среди культур, практиковавших сооружения дольменов. Другой фактор – это разнообразие конструкций. Фантастическое многообразие конструктивных решений, которые применяли таинственные дольменостроители Кавказа, не имеет аналогов больше нигде в мире. И при всем этом, кавказские мегалиты, являясь откровенной вершиной дольменостроения, остаются далеко не самыми поздними в мире[34].

Вопрос о том, почему именно на Кавказе дольменная культура получила такое развитие остается открытым. Некоторые ученые объясняют это влиянием, которое оказала на дольменостроителей высокая культура Майкопа, сформировавшаяся еще раньше в результате тесных сношений с древними цивилизациями Месопотамии и Малой Азии. Можно предположить, таким образом, что внешние импульсы и сигналы, способствовавшие возникновению дольменной культуры Кавказа и формированию ее специфических, отличительных черт поступали по двум каналам – западному и восточному.

Понятно, что строительство дольменов и кавказских в особенности требовало больших знаний, умений, колоссальных материальных затрат. Невольно возникают мысли о космических пришельцах или богах спускающихся с неба и организующих согласованные действия землян. Отсюда мифы Кавказа, в которых, помимо всего прочего, присутствует сюжет о

божьем сыне, который младенцем спущен к строителям мегалитов с небес в золотом коробе, а когда вырос покинул своих воспитателей и снова вознесся на небо[35].

Поражает и все еще остается загадкой, каким образом многотонные каменные плиты и валуны доставлялись к участкам строительства гробниц, расположенным очень часто на большом расстоянии (от 10 до 60 км) от мест, где эти плиты и валуны могли быть найдены и изготовлены. Некоторые плиты, особенно плиты перекрытия, весили часто более десяти тонн, а ведь их еще надо было поднять на высоту поставленных стен. Такова, например, плита, перекрывающая дольмен с двориком в поселке Джубга (рис. 1,1), перекрытие дольмена в Гузерипле в 60 км от Майкопа (рис. 4). При длине 4,6 м и ширине 4,47 м ее толщина составляет почти полметра[36]. Еще внушительней масштабы портального Гузерипльского дольмена 1. При высоте передней плиты 2,1 м он перекрыт двумя мощными плитами. Из них только передняя, опирающаяся на портальные выступы, длиной 5,1 м, шириной 3,90 м, толщиной 0,5 м[37]. Чтобы поднять и установить такие плиты необходимо было приложить усилия сотен человек. По расчетам Б.А. Куфтина верхнюю плиту эшерского дольмена поднимали мужчины, численность, которых была никак не ниже 150 человек.

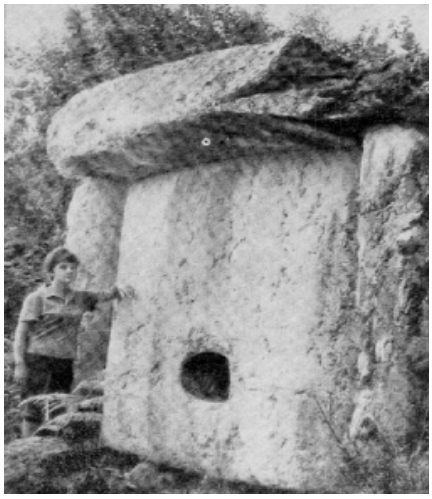


Рис. 4. Дольмены гиганты

1 – гузерипльский дольмен 1 близ Майкопа; 2 – плиточный дольмен близ сел. Азапта в Абхазии

Трудно представить возникновение таких гробниц без четко установленного порядка привлечения (принуждения) людей к строительным работам, без власти одних групп населения над другими. Организационный момент имел колоссальное значение, ведь для возведения лишь одного средних размеров дольмена требовался слаженный, многодневный труд десятков, сотен человек. Все это позволяет говорить о многочисленности, иерархичности, сравнительно высоком уровне социальной и культурной самоорганизации сообществ, возводивших кавказские дольмены. В.И. Марковин в своих работах постоянно подчеркивает, что эти сообщества представляли из себя значительную силу, способную соперничать с населением майкопской культуры в Прикубанье. По-видимому, только влиянием высокоразвитой майкопской культуры можно объяснить тщательность отделки дольменных сооружений Кавказа, великолепие их форм. Именно в этом смысле можно говорить о восточном канале воздействий на дольменостроительство, учитывая, что Кавказ IV–II тыс. до н.э. был важной составной частью ареала распространения культуры Передней и Малой Азии. Отсюда широко обсуждаемая в современной археологии

проблема специфических условий формирования дольменной культуры Кавказа, специфичности архитектурного замысла и конструктивных форм испунов.

Возникает вследствие сказанного необходимость выработать единое мнение по вопросу основных признаков кавказских дольменов. На наш взгляд, можно отнести к ним: *1) герметичность каменной гробницы, 2) аккуратно сделанное небольшое отверстие (30–40 см в диаметре) обычно в нижней части передней стены, 3) наличие столь же аккуратно сделанной иногда орнаментированной каменной пробки, плотно закрывающей отверстие, 4) усиление герметичности за счет строительства корытообразных дольменов и дольменов-монолитов.* В качестве еще одного отличительного признака можно было бы назвать небольшие по сравнению с аналогичными сооружениями в Западной Европе средние размеры погребальной камеры (площадь основания 4–8 м^2, общий объем – 10–20 м^3), но дольмены таких же размеров распространены в различных других областях Евразии: в Палестине, Сирии, Турции, Индии.

Итак, остается четыре признака, которые свойственны только кавказским дольменам и никаким другим. Это, если быть кратким: герметичность камеры, плотно закрывающееся каменной пробкой отверстие в передней стене, наличие монолитных и полумонолитных (корытообразных) дольменов, усиливающих эффект герметичности камеры.

Различные другие конструктивные варианты и дополнительные пристройки, характерные для данного типа сооружений, по нашему мнению, не имеют принципиального значения. Например, дольмен остается дольменом независимо от того, имеет он прямоугольную, трапециевидную или подковообразную форму, скрыт под курганом или нет, дополнен или нет каменными двориками, площадками, кромлехами, менгирами. К разряду кавказских дольменов следует отнести все, в том числе и самые сложные мегалитические комплексы, центральным звеном которых является гробница с указанными выше характеристиками. Самодовлеющего значения не имеют размеры, конструктивная сложность, даже инвентарь гробниц. Очевидно, что величина и сложность самой конструкции дольменов находились в прямой зависимости от социальной значимости погребенных. В наиболее крупных и хорошо отделанных гробницах хоронили наиболее прославленных родоплеменных вождей, менее значимых вождей и соплеменников помещали в дольменах попроще. Самых простых общинников, по мнению Л.Н. Соловьева и П.У. Аутлева, могли хоронить в пещерах, в простых грунтовых ямах, обложенных камнями[38].

Суммируя вышеизложенное можно сказать, что, основу, смысловую доминанту дольменной культуры образуют во всем мире сами гробницы, а их локальные характеристики являются маркерами специфики бытовых условий и верований местных племен. Для кавказских дольменов в качестве таких маркеров выступают, как мы убеждаемся, герметичность камеры и плотно закрытое втулкой отверстие в фасаде. Именно эти признаки отличают их от дольменов в других концах мира.

Но самобытность кавказских дольменов, как сказано, не исключает возможность внешних воздействий, как с Запада, так и с Востока. Идея дольменного воплощения религиозно-магических представлений могла развиться у местного населения в ходе взаимодействия с народами, у которых эта идея уже реализовалась. С этим согласна большая часть современных исследователей. И особенно часто указывают в этой связи на вероятность западно-европейских воздействий, так как на Пиренейском полуострове, на островах Средиземного моря, а также во Франции и Британии находятся древнейшие дольменные памятники, которые старше своих кавказских аналогов почти на одну тысячу лет. В отношении дольменных сооружений Ближнего Востока и Индии мы пока не можем этого сказать. Тем не менее, гипотеза ближневосточного влияния существует с XIX в. и поддерживается

некоторыми современными исследователями. Предполагается, что дольменная культура сформировалась в ходе миграции на Западный Кавказ больших масс ближневосточного населения. Обычно этот процесс рассматривается в контексте хатто-абхазо-адыгского языкового и культурного родства.

Существуют кроме того гипотезы самостоятельного развития дольменной культуры на основе местных культово-погребальных традиций, с использованием сложившихся еще раньше технологических приемов обработки камня. По мнению сторонников данной гипотезы дольменная культура явилась своеобразным продолжением и развитием домайкопской и майкопской культуры. Об этом, как полагают, свидетельствует большое число промежуточных памятников, в том числе памятников новосвободненского типа – подкурганных захоронений в гробницах дольменного типа. Наличие типично майкопских (особенно каменных и керамических) изделий в инвентаре дольменных сооружений также считается важным аргументом, подкрепляющим данную гипотезу. Существование этих гипотез, а также различных версий в рамках одной и той же гипотезы является свидетельством неослабевающего научного интереса к дольменной культуре Кавказа. Продолжаются дискуссии, в которых сторонники различных гипотез и версий приводят новые данные, доказывающие справедливость выдвигаемых концепций. При этом назрела необходимость выработать некоторые общие, не подлежащие сомнению положения, способные обеспечить плодотворность этих дискуссий.

Во-первых, очень важно сформулировать и принять как аксиому положение о неизменных отличительных признаках кавказских дольменов. В нашем понимании, такими признаками являются герметичность камеры погребального сооружения, а также наличие в нижней части передней стены небольшого аккуратно сделанного отверстия, плотно закрытого втулкой.

Во-вторых, при любом повороте дискуссий, необходимо учитывать, что неповторимые внешние черты испунов являются отражением местных обычаев и верований, связанных так или иначе с культом камня и культом предков, с характерным только для древних жителей Западного Кавказа ритуальным осмыслением и представлением этих культов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Bell J.S.* Journal of a Residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839. London, 1841. T. I. P. 175.

2. *Трифонов В.А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 79.

3. *Кореневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья (Майкопско-новосвободская общность. Проблемы внутренней типологии). М., 2004. С. 64.

4. *Валганов С.В.* Дольмены Кавказа. Реконструкция культа. М., 2004. С. 226.

5. *Инал-Ипа Ш.Д.* Страницы исторической этнографии абхазов (Материалы и исследования). Сухуми, 1971. С. 48.

6. *Соловьев Л.Н.* Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. «Труды» АбН ИЯЛИ. Сухуми, 1960. XXXI. С. 74.

7. *Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978. С. 54.

8. *Кондряков Н.В.* Тайны сочинских дольменов. Майкоп, 2010.

9. *Марковин В.И.* К полевому изучению дольменов // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2006. Вып. III. С. 636.

10. *Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А.* Археологические памятники у горы Верблюд. Пятигорск, 2005. С. 7–10.

11. *Сафронов В.А.* Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 218.

12. *Марковин В.И.* Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. С. 29–31, 40.
13. *Щепинский А.А.* Культуры энеолита и бронзы в Крыму // СА. 1966.
14. *Храпунов И.Н.* Кеми-обинский курган у с. Вилино // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
15. *Куфтин Б.А.* Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. 1. С. 295.
16. *Аханов И.И.* Геленджикские подкурганные дольмены // Советская археология. 1961. № 1.
17. *Аханов И.И.* Указ. соч. С. 144–145.
18. *Кузнецов В.А.* Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья // Краткие сообщения института археологии. 1961. С. 85; *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 81.
19. *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 116.
20. *Лавров А.И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды АИЯЛИ им. Д.И. Гулиа. Сухуми, 1960. Т. XXXI. С. 106; *Марковин В.И.* Курган Псынако. Памятник дольменной культуры Кавказа. Нальчик, 2011. С. 52.
21. *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952. С. 296.
22. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. От каменного века до элевсинских мистерий. М., 2009. С. 145.
23. *Bosch-Gimpera* P. Civilisation megalithigue Portugaise et civilisation Espagneles // Anthropologie. Paris, 1967. T. 71. N 1–2.
24. *Savory H.N.* Spain and Portugal. The prehistory of the Iberian peninsula. N.Y. – Washington, 1968. P. 85–114.
25. Ibid. P. 114–115.
26. *Lewthwalte J.* The neolitic of Corsica // Ancient France 6000–2000 bc. Edinburgh, 1986. P. 164–165.
27. *Savory H.N.* Spain and Portugal. The prehistory of the Iberian peninsula. P. 89.
28. *Daniel G.E.* The Dual Nature of the Megalithic colonization of Prehistoric Europe // Proceedings of the Prehistoric Society. London, 1941. T. 8. P. 7–8.
29. *Пендлбери Дж.* Археология Крита. М., 1950. С. 71–72.
30. *Резепкин А.Д.* Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988. С. 160.
31. *Georg und Vera Leisner.* Die Megalithgräber der Iberischen Halbinsel. Der Westen. Berlin, 1956. Band 1. S. 34–35.
32. *Kidder J.E.* Early Buddhist Japan. N.Y. – Washington, 1972. P. 129.
33. *Daniel G.* The prehistoric chamber tombs of France. A geographical, morphological and chronological survey. London, 1960; *Bar H.* Les pierres sacres, dolmens et menhirs uest france. Paris, 1979. P. 24.
34. *Валганов С.В.* Указ. соч. С. 21.
35. *Инал-Ипа Ш.Д.* Ацаны (Абхазский миф о карликах и их горных постройках) // Инал-Ипа Ш.Д. Труды. Материалы и исследования по вопросам исторической этнографии абхазского народа. Сухуми, 1988. С. 256.
36. *Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа. С. 97.
37. Мегалитические памятники Республики Адыгея. Майкоп, 2001. С. 30.
38. *Соловьев А.Н.* Указ. соч. С. 81–90; *Аутлев П.У.* Новые памятники бронзового века Прикубанья // СМАА. Майкоп, 1972. Т. III. С. 50, 51.

Прокопенко Ю.А. (г. Ставрополь)

ОРНАМЕНТЫ И ПЛОСКОСТНЫЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ И ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I тыс. до н.э.

Все произведения искусства, если иметь в виду, прежде всего, изобразительное решение, делятся на плоскостные – графические и скульптурные (или рельефные, пластические). К первым относятся изображения (орнаменты, рисунки) на бронзовых вещах, керамике и костяных предметах, ко вторым – бронзовые, глиняные, деревянные и костяные предметы в форме статуэток, фигурок, изваяний.

Нарезной орнамент бронзовых топоров и керамических сосудов чаще всего – это треугольники, ромбы, шахматный орнамент, зигзагообразные линии, круги, бегущая спираль, меандр, свастики, кресты, сюжетные изображения и др.

Попытки не просто описания, а раскрытия смысловой нагрузки внутреннего содержания орнаментации предпринимались неоднократно[1]. Считается, что орнамент на сосудах и др. предметах не просто «украшательство» на уровне подсознательного, а строгая система знаков, табу, пиктографических шифрованных заклинаний, календарных и космических символов. Зигзагообразная линия обозначает воду, изображаемую так в древнем Египте, Ассирии и Шумере. Треугольники, так же как ромб и шахматный орнамент, принято считать одним из древнейших символов плодородия, условным обозначением обрабатываемых полей. Как уже отмечалось, круги, кресты и свастики – символы солнца. Бегущая спираль, также, является символом солнца, бегущего по небесному своду[2].

Как считает В.И. Козенкова, в позднейший этап (Кобан IVб – кон. V – нач. IV вв. до н.э.) на смену геометризированным формам приходят формы с более плавным контуром, почти исчезает орнаментация нарезным узором. Отделка поверхности и обжиг не столь качественные как раньше[3].

В V–IV вв. до н.э. на керамике Центрального Предкавказья распространяется орнамент в виде врезной волны (поселение Сауар и др.). Существует мнение, что керамика с таким орнаментом распространяется в Дигории, а затем и в других районах под влиянием керамических традиций Закавказья[4]. В III–I вв. до н.э. волнистая орнаментация получает достаточно широкое распространение на керамике Центрального Предкавказья сарматского горизонта[5].

В раннесарматский период, также, используется геометрический орнамент: заштрихованные треугольники (наиболее характерны для ритуальных чаш, причем орнаментировались не только тулово, но и верхняя поверхность венчиков (склеп № 2 могильника № 1 Татарского городища, Херсонка, Юца, Ханкальский мог., погр. 61 и 64, Кулары, погр. LVI; Чегем, погр. 3 и др. Грушевское городище); зигзагообразные линии – горизонтальные, реже вертикальные, и самый распространенный декор – отрезки вертикальных линий, покрывающие все тулово сосуда, либо сгруппированные по два-три и более. Иногда эти отрезки наклонны, реже изогнуты дугами.

В Затеречье, как и в предшествующий период, сосуды украшались различными налепами: в виде валиков, круглых или овальных утолщений,

налепов в верхней части ручки в виде стилизованных ушей животного и др. Изредка встречается орнамент, нанесенный штампом: это округлые либо подтреугольные углубления.

Как отметила М.П. Абрамова, в сравнении с резным геометрическим орнаментом скифского времени (заполненным белой пастой), на сосуды III–I вв. до н.э. этот орнамент наносился лощилом и лишь изредка был резным. Отдельные сосуды с орнаментом, заполненным белой пастой, найдены лишь в могильнике у хут. Херсонка. Автор, также, указывает на местные истоки одного вида геометрического орнамента – отрезки горизонтальных линий, сгруппированные по два-три и более[6].

Для керамики скифского и раннесарматского времени, также, характерны растительный и зооморфный орнаменты. К растительным следует отнести так называемый елочный орнамент. Деревья изображались двумя способами. Первый вариант – от вертикальной черточки отходят попарно слева и справа штрихи направленные вверх (Каменномостский мог. (погр. 1); Кисловодск). На Кисловодской миске нижняя пара штрихов подправлена вертикальными загнутостями. Такое расположение – от центральной оси к верху характерно для молодых деревьев хвойных пород (ель, сосна), а также для изображений колосьев злаков.

На сосуде из Нижнего Чегема (урочище Агач-Ара – раскопки П.Г. Акритаса) от вертикальной линии отходит вправо изображение подобной елочки. Каждая деталь оформлена в виде двойных линий из косых штрихов[7]. Возможно, в данном случае, была изображена отдельная ветка (лапа) ели.

Второй способ – от вертикальной черты отходят попарно слева и справа штрихи направленные вниз (Отказное). Это, видимо, изображения больших (старых) деревьев – елей.

Насечки, расположенные елочкой – мотив довольно распространенный на изображениях животных, выгравированных на бронзовых топорах и поясах из памятников Центрального Кавказа и Закавказья[8]. Также, такой орнамент является орнаментальным заполнением фигур животных на керамике. В частности, елочкой орнаментированы контуры оленей на сосуде из кургана 12 могильника Новозаведенное – II[9]. По мнению Г.Н. Вольной, на предметах звериного стиля зигзаги и елочный орнамент соотносятся с изображением птичьего оперения и шерсти животных[10].

Предположительно, к растительным – солярным относятся четыре неправильные окружности с двойным контуром, имеющие листовидные выступы над суженной верхней частью из кургана № 12 мог. Новозаведенное – II и аналогичные рисунки на фрагментах керамики, обнаруженных на Грушевском поселении (верховья р. Калаус). В первом случае эти изображения разграничивают фигуры оленей. По предположению авторов раскопок В.Е. Маслова и В.Г. Петренко, фигуры с листовидными выступами являются стилизованным плодом граната, изображения которого были популярны в ассиро-урартском искусстве. Не исключено также, что они олицетворяют земной круг, внутри которого помещены символы произрастания новой жизни (семядоли)[11].

Довольно редки сосуды с реалистически выполненными жанровыми сценами. В основном это изображение одного или группы животных, расположенных по окружности сосуда в определенном порядке.

К ним относятся: кубок с изображением лошади из Клин-Ярского III-го могильника (погр. 136) и кружка из Урванского с рисунком змеи и человека, вереница оленей на обломке кружки из Отказненского могильника, а также схематичное изображение животного (собака с вытянутыми ушами ?) на миске из погребения 42 могильника Мебельная фабрика[12].

Особо следует отметить кувшинчик из ст. Урухской, украшенный фризом из прочерченной вереницы фигур животных (быков), перетаскивающих поклажу. По окружности тулова располагаются три близкие друг

другу композиции. Каждая из них включает схематически выполненные фигуру животного, рисунок дерева с кроной и стволом и конусовидную фигуру, густо заполненную косо направленными вниз штрихами.

Как считает В.И. Козенкова, наиболее близкие зрительные соответствия сцене возникают при сравнении с описанием в этнографической литературе уборки сена в горах. С крутых склонов скошенное сено перемещали вниз на волокушах при помощи быков. Иногда волокуша заменялась срубленным деревом, на ветки кроны которого укладывалась копна конусовидной формы[13].

В несколько иной стилистической манере, в сравнении с изображениями лошадей, козлов и др., исполнены олени в галопе на сосудах из погребений скифского периода, в том числе и V–IV вв. до н.э. (Ставрополь (1924 г.), Нальчик, Пятигорск, Нартан–I, Нартан–II, Шалушкинское, Моздокский карьер, Обильное, Новозаведенное–II).

Этот декор традиционно связывают с влиянием скифской культуры, хотя еще А.А. Иессен обращал внимание на отсутствие подобного сюжета на керамике собственно скифской территории[14]. Как считает Н.Л. Членова, для отдельных северокавказских изображений (кружка из Обильного) имеются иранские прототипы[15].

Отличительной чертой, объединяющей северокавказские композиции с оленями скифской эпохи, является то, что фигуры животных представлены профильными изображениями с неразделенными передними и задними ногами. Некоторые заимствованные приемы (выделение бедренного, реже плечевого пояса) были полностью переработаны кавказскими мастерами. В частности, круп животного приобрел форму правильного круга. Вместе с тем, указывая на следы внешнего влияния скифского «звериного стиля», исследователь выделяет ряд деталей (штриховка в шахматном порядке, развертка рогов во фронтальной плоскости, размещение на внутренне разграниченном теле животного солярных знаков), отличающие эти изображения от скифских оленей[16].

Характерной особенностью изображений оленей на керамике является использование местного традиционного приема – заполнения контурных пустот в деталях рисунка различными вариантами орнамента. Например, таким образом, был декорирован олень (сохранился фрагментарно) из кургана 8 могильника Нартан–II[17].

В оформлении конечностей был использован прием противопоставления. Тонкие ноги либо полностью заштрихованы, либо заштрихованы до копыт. При этом, последовательность штриховки передней и задней пар конечностей различна. Передняя правая нога до копыта заполнена косой штриховкой, копыто – не заштриховано. Наоборот, у левой ноги копыто заштриховано. Характер размещения орнамента на задней паре конечностей является противоположным вариантом в сравнении с первым. Шея и туловище животного декорированы пересекающейся косой штриховкой.

Ближайшей аналогией оленям на керамике скифского времени являются изображения на кувшине III–II вв. до н.э., найденном в кургане на землях к-за им. Войтика (Ставропольский край)[18]. Фигуры животных здесь также имеют прогиб спины, нависающую над ногами грудь и оттянутый вверх круп. Внутренняя их поверхность заполнена разнонаправленными треугольниками и шахматной штриховкой и очень напоминает орнаментальное заполнение пятигорских оленей. «Пламевидные» рога животных развернуты во фронтальной плоскости в соответствии с кавказскими традициями.

Как считает В.Е. Маслов, образ оленя на керамике, которая, несомненно, производилась на земледельческих поселениях (большинство ее орнаментальных схем так или иначе связано с аграрным культом и в конечном счете с магией плодородия), не тождественен ни по смысловой нагрузке, ни по изобразительным особенностям образу этого животного

в скифо-сибирском искусстве. По мнению автора, влияние скифского искусства коснулось лишь ограниченного круга иконографических деталей, но не образа и его трактовки в целом[19].

В отличие от статично застывших животных в канонах кобанского искусства во второй половине I тыс. до н.э. в некоторых изображениях фиксируется желание художника показать динамику движения. В частности, следует обратить внимание на фрагмент керамики, обнаруженный в верхних слоях (V–III вв. до н.э.) Грушевского городища с процарапанным изображением скачущей лошади[20] (рис. 1,4). Схематизм рисунка сближает его с кобанскими зооморфными изображениями скифского времени. Однако, лошадь не застыла как статичные фигуры на сосудах Кисловодского и Клин-Ярского III-го могильников, а изображена скачущей (галоп ?).

В связи с этим, следует отметить изображение всадника на скачущей лошади на овальной пронизи из погребения 2/51 могильника Заманкул (II–I вв. до н.э.)[21]. Рисунок выполнен в сходной с Грушевским изображением штриховой манере (рис. 1,2).

В числе изображений на позднекобанской керамике скифского времени представлены изображения жилищ. В частности, на сосуд из кургана у Святой горы нанесены графические изображения плетенных шатровых жилищ конической формы[22]. Возможно, к таким изображениям относится двухъярусная композиция из треугольников (конических жилищ ?) кувшина из Моздокского могильника. В нижней части треугольников выделены заштрихованные полукружия (двери ?). У одного треугольника правее двери изображено еще одно заштрихованное полукружие, опрокинутое вниз (хозяйственная яма ?)[23].

Кроме данных композиций на керамике скифского времени и раннесарматского периода встречаются тамгообразные знаки и граффити.

Изображение неправильной свастики выявлено на донной поверхности сосуда из Отказного. Два ряда значков (крестообразные, н-образные, п-образные, углы и др.) орнаментируют пряслице из пос. Зауар (рис. 1,5). Знак, выполненный в штриховой манере, в виде квадрата, разрезанного пополам, отмечен на горловой части сосуда из материалов Грушевского городища[24] (рис. 1,9).

Подобные изображения характерны и для раннесарматского времени. В частности, бронзовая налобная лента из Бельтинского клада декорирована поясом из геометрических знаков, выполненных пуансоном (рис. 1,6). Тамгообразные знаки изображены на амулете из погребения 13 Нижне-Джулатского могильника и на подвеске прямоугольной формы из погребения 2/70 могильника Заманкул[25] (рис. 1,7,8).

В последние века до н.э. подобные знаки являются характерной принадлежностью хозяйственно-бытовой культуры. Например, из 3191 фрагментов, керамики обнаруженных при исследовании поселения «Георгиевская станица–2» (II–I вв. до н.э.) 65 (2 %) несли на себе знаки принадлежности.

Авторы раскопок отметили 9 разновидностей знаков: две вертикальные полосы, перечеркнутые более длинной горизонтальной; прямые и косые кресты; стрела направленная вверх; перевернутая буква «Т»; знак в виде коротких вертикальных или наклонных насечек, сделанных в виде неровной окружности и др.[26].

Следует отметить, что изображения сюжетных сцен редки на керамике и др. предметах сарматского времени Центрального Предкавказья. В частности, в Прикубанье такие изображения известны. Это керамический сосуд IV–III вв. до н.э. из могильника городища № 2 у хут. Ленина с вертикально прочерченными линиями и стилизованными антропоморфными и зооморфными изображениями; кувшин II в. до н.э. из могильника городища № 3 у хут. Ленина (погр. 4), украшенный схематическими изображениями

оленя и дерева; горшок I в. н.э. из материалов городища № 2 у ст. Старокорсунской (раскоп 9, погр.) – на тулове многофигурный фриз: сцены охоты на оленей и сражения[27].

Здесь же следует отметить сюжетные изображения на металлических предметах. В частности, на тулове золотого колпачка из Курджипского кургана развернута дважды повторенная фигурная группа. Каждая изображает двух воинов, ухватившихся одной рукой за древко дротика, воткнутого острием в землю. Во второй руке у одного из них меч, у другого – отрубленная мужская голова. Фигуры оттиснуты в низком рельефе, детали проработаны чеканкой, гравировкой и точечными наколами[28]. Данные многофигурные жанровые сцены, возможно, связаны с изображением сюжетов героического эпоса.

В Центральном Предкавказье в памятниках последних веков до н.э., также, выявлены образцы подобной изобразительной традиции. Следует отметить изображение всадника на скачущей лошади на пронизи из могильника Заманкул (рис. 1, 2). В этом же могильнике найденный в погребении 1/10 (1992 г.) двуручный культовый сосуд был декорирован композицией, состоящей из трех профильных фигур развернутых друг к другу: всадника с копьем на лошади (от правой руки вниз отходит изогнутая линия – лук?), собаки и животного с двумя рогами. Ниже фигур – нижнюю часть тулова сосуда опоясывают две параллельные слегка волнистые линии (дорога ? река ?)[29] (рис. 1, 3).

Скорее всего, данная композиция является изображением сюжета героического эпоса. Например, в Нартовском эпосе в сказании об охоте Сослана на оленя с восемнадцатиконцовыми рогами (дочь Солнца Ацырукс) повествуется о том, что, после неудачной попытки выстрелить в оленя из лука, Сослан схватил копье и попытался им поразить оленя[30]. Схематичное изображение животного с двумя рогами позволяет предполагать различное толкование этого рисунка, тем более, что с культом солнца связаны образы различных копытных животных. По мнению Б.А. Литвинского, конь, баран и козел являются инкарнацией древнеиранских божеств[31].

Рисунок выполнен в канонах кобанского искусства. Фигуры статичны, изображены в схематичной штриховой манере – двойным контуром. Однако, отсутствие заполнения фигур штриховкой отличает отмеченные изображения от образцов кобанского искусства и в свою очередь сближают их с сюжетными сценами на сосудах из Прикубанья.

Кроме керамики орнаментировались и бытовые предметы. В их числе следует отметить керамические пряслица. Ранее мною были выделены 5 основных типов орнаментов: крестообразный декор; столбики из горизонтальных штрихов; зигзагообразный; округлые выемки по окружности; нарезной орнамент в виде свастик; значки, напоминающие руны и др.[32].

Все перечисленные типы декора пряслиц связаны с солярными и астральными культами. Кресты и свастики один из излюбленных орнаментов на керамике (Каменномостский могильник, погребение 6 (1971 г.); Минераловодский могильник, погр. 16, мог. Терезе, гр. 2; Султангорский 3-й могильник, погр. 1 (1976 г.); Кисловодск, комбинат стройизделий (КСИ), погр. 3; Былымский жилищно-оборонительный комплекс, фризы из Пятигорья и др.)[33].

Кресты, свастики, спирали и круги являются характерным рисунком глиняных и бронзовых штампов – пинтадер (поселение Сержень-Юрт, поселение Алхасте, с. Замни-Юрт, поселение Бамут, поселение Сауар, городище Алхан-Кала)[34].

Свастики являются обычным декором на украшениях и бронзовых топорах. В частности, утолщенная часть булавки из могильника Терезе (гр. 3) украшена двумя вертикальными рядами (по три) свастик. Гравировки в виде стилизованных свастик украшают топор из Фаскау. Свастики являются

обычным декором на бронзовых двуовальных бляхах из могильников Затеречья (Луговой мог., мог. Бамут).

Ямочный орнамент, также характерен для керамических сосудов. На поселении Сауар одна из бронзовых форм для отливки пинтадер была с семью пуансонными выступами по периметру и одним в центре, т.е. отлитая по этой форме площадка пинтадера имела семь ямок по кругу (как и на Грушевском пряслице). Как считают А.П. Мошинский и А.Ю. Скаков, для позднекобанской культуры использование цифровой магии особенно характерно, при этом числа 7, 12, 14 могли быть увязаны с лунными циклами[35].

В числе абстрактных изобразительных памятников, характерных для кочевнических и смешанных комплексов второй пол. I тыс. до н.э., следует отметить различные орнаменты и узоры на бытовых и культовых предметах: золотых и бронзовых обкладках деревянных ритуальных чаш, колчанов, ножен мечей и др.

На бронзовой обкладке колчана, происходящей из кургана 26 могильника Веселая Роща – II, улавливаются следы штампованного орнамента из волют и спиралей. Сложный орнамент, состоящий из спиралей, волют, зигзагов и др., украшал золотые обкладки из фольги (от несохранившейся деревянной чаши), открытые в разрушенном кургане в Хасавюртовском районе Дагестана. В кургане 13 могильника Новозаведенное–II были обнаружены кусочки дерева с накладным зигзагообразным орнаментом из бронзовых полосок[36].

В двух погребениях Нижне-Джулатского могильника (36 и 37) найдены однотипные обкладки из пластинчатой бронзы, видимо наконечники ножен боевых ножей. Поверхность их покрыта орнаментом из треугольников и крестов, выполненных наколами с обратной стороны[37].

Кроме колчанов орнаментировались железные и бронзовые колчанные (портупейные) брусковидные крюки (III тип по моей классификации). Как правило, они декорированы нарезным орнаментом: в виде крестов; в виде поперечных линий и др. (мог. Волчий ручей № 2, скл. 2; территория севернее района Кавминвод – 1 экз.; Чегемский мог., погр. 42).

Одним из самых распространенных приемов украшения бронзовых предметов являлась чеканка. В частности, таким образом, были орнаментированы бронзовые конские налобники подтреугольной формы из памятников IV в. до н.э., выявленных на территории севернее района Кавминвод. У одного из налобников были декорированы тремя параллельными зигзагами из округлых выступов (составляют тройные треугольники вершинами к центру налобника) верхняя (налобная) и нижняя (наносная) части. Рисунок получен путем нанесения ударов острым предметом по тыльной стороне предмета.

Для декорирования второго налобника был использовано другое орудие – срезанная пополам (вдоль) металлическая (видимо, бронзовая) трубочка. С его помощью – посредством нанесения ударов по краю лицевой стороны предмета прочеканен орнамент в виде полукружий вдоль краев пластины[38].

В технике чеканки – пуансонным орнаментом декорирована прямоугольная пластина от пояса из кургана 3 могильника Нартан–II (IV в. до н.э.). Узор оформлен в виде горизонтально и вертикально расположенных параллельных линий и зигзагов[39].

В скифское время и в раннесарматский период большое значение имела выделка изделий из дерева и кости. Посредством объемной резьбы по дереву производились сосуды, шкатулки и др. Следует отметить крышку сосуда в форме протомы хищного зверя (волка ?) – головы, лежащей на подогнутых передних лапах из погребения 15 могильника Гастон Уота. Спина и шея, включая загривок, сплошь покрыты глубоко врезанным орнаментом из примыкающих друг у другу треугольников.

Стенки круглой в плане шкатулки из погребения 7 этого же могильника, также, декорированы резным геометрическим орнаментом. Большая часть сохранившихся фрагментов изделия покрыта меандрическим орнаментом, проходящим по фону, покрытому сплошной резьбой и расположенных правильными рядами мелких квадратов. Меандр образован врезанными линиями, размещенными на нешироком гладком фоне. В нижней части шкатулки сохранился фрагмент антропоморфного изображения, вероятно, находившегося в рамке из нескольких врезанных линий. Изображение сильно стилизовано и геометризовано. Различимо туловище, показанное прямой линией; одна нога перпендикулярна туловищу и согнута под прямым углом в колене. В середине туловища изображение пересечено горизонтальной линией. Все прорезанные линии имеют одну толщину, и, судя по всему, выполнены одним инструментом. На фрагментах шкатулок из погребений 9 и 15 присутствуют только геометрический орнамент[40].

В раннесарматский период кроме резьбы по дереву, для его обработки, использовался примитивный токарный станок. С его помощью на предметах получался валикообразный декор. В частности, таким образом – ступенчато были оформлены два кубка и крышка от шкатулки из погребения 1/7 (1992 г.) могильника Заманкул[41].

Резные костяные изделия (резьба объемная, рельефная) часто использовались в качестве декоративных накладок на изделия других материалов, часто дерева (накладка на рукоять нагайки с фигуркой лося из могильника Бамутские сады, накладка с фигуркой фантастического хищника из Ассиновского кургана, накладка с изображением копытного животного из Малгобека). Твердость кости давала возможность мастерам применять прорезную ажурную резьбу, гравировку, ее пластичность при нагревании позволяла изменять степень изгиба.

Ажурная резьба имела свои особенности. После шлифовки на заготовленную для ажурной резьбы пластину с помощью шила наносился рисунок, затем краска. Как отмечает Г.Н. Вольная, такие традиционные способы подготовки к резьбе до сих пор сохранились у народов Крайнего Севера[42].

В последние века до н.э. с помощью вырезов в кости геометрических фигур старались получить выемчатое ажурное изображение. В частности, таким образом, была оформлена спинка гребня из погребения 2/56 могильника Заманкул[43]. Частичная сохранность гребня не позволяет точно восстановить изображение, возможно, образ птицы.

Приемы ажурной резьбы и гравировки использовались параллельно на костяных псалиях и накладках. Поверхность предметов тщательно полировалась, для выборки ажурных отверстий применялась пилочка, а для гравировки, возможно, использовался штихель[44].

В скифский период одним из вариантов украшения костяных предметов являлся геометрический. В частности, таким образом – пересекающимися под углом наклонными линиями (ряды ромбов), была декорирована часть поверхности костяной палочки с округлым навершием, обнаруженной в слоях VI–IV вв. до н.э. Грушевского городища[45].

В последние века до н.э. для украшения костяных изделий продолжает употребляться геометрический орнамент. Например, внешняя поверхность костяной цилиндрической пиксиды из погребения 1/7 (1992 г.) могильника Заманкул орнаментирована 4-мя горизонтальными заштрихованными поясами, разделенными полосами без рисунка. Верхний и третий ярусы заполнены пересекающимися наклонными линиями (в результате получился пояс ромбов между поясами треугольников); второй сверху ярус декорирован чередующимся орнаментом из треугольников без рисунка и треугольников, заштрихованных тремя линиями; нижний ярус заполнен наклонными (влево) линиями[46] (рис. 1,12).

В скифское время бытовые и культовые предметы декорируются концентрическими окружностями, что свидетельствует об использовании

циркулеобразного орудия, с помощью которого и вырезались круги. В центре окружностей обязательно присутствует точка – выемка. На костяных предметах круги, иногда, выжигались металлическими штампами. Следует отметить, орнаментированные рядами окружностей костяные гребни, накладки на ручки ножей, зеркал, туалетных сумок и др.

Циркульный орнамент в виде ряда двойных кружков (кроме резного навершия) украшал гребень, обнаруженный в кургане 4 могильника Гойты. Применение циркульного декора и точечного штампа прослеживается в орнаменте на костяной накладке на рукоять нагайки в виде лося из могильника Бамутские сады[47].

Традиция украшения бытовых и ритуальных костяных предметов циркульным орнаментом у кочевого населения Центрального Предкавказья продолжается и в последние века до н.э. В частности, набор костяных пластин, с внешней стороны декорированных правильными кругами с точками по центру, выявлен в погребении 14 Ипатовского кургана. Пластинки образовывали сложное переплетение. Судя по следам кожи на них, предметы украшали верх двух кожаных сумок[48].

Обкладка прямоугольной формы, украшенная тремя рядами окружностей происходит из погребения 2 кургана, раскопанного А.Л. Нечитайло у ст. Усть-Джегутинской (раскопки 1963 г.). Пластина имела три отверстия для крепления (длина – 6 см, ширина – 2,2 см). Обломки плоского костяного предмета, декорированного окружностями, обнаружены в погребении 9 кургана № 5 у с. Бамут. В погребении 7 кургана 3 могильника гр. II у ст. Калиновской выявлены три фрагмента костяных обкладок, орнаментированных подобным образом[49].

Кроме обкладок циркульным орнаментом декорировались и другие костяные изделия. В частности, двумя рядами окружностей с точками в центре была украшена поверхность нащечной бляхи вытянутой ромбической формы из погребения 1/12 могильника Заманкул (рис. 1,12).

Из погребения 1/50 этого могильника происходит заостренный (вытянутой конической формы) предмет (игольница ?, кочедык ?). Поверхность его цилиндрической полой ручки орнаментирована вертикальными рядами из окружностей с точками в центре (ряд из 3-х окружностей)[50].

Особо следует отметить костяную орнаментированную ручку ножа, обнаруженного в погребении 5 кургана 9 могильника Сухая Падина – I (вторая пол. IV–III вв. до н.э.). В данном случае декор – комбинированный, сочетающий циркульный и геометрический орнаменты. Нижняя и верхняя части ручки орнаментированы рядами больших и малых окружностей. Центральную часть композиции (центр ручки) занимают фигуры: заштрихованный ромб и зигзаг[51] (рис. 1,11).

Еще один предмет декорирован сочетанием циркульного и геометрического орнаментов. Это костяной гребешок из погребения 1/7 могильника Заманкул[52]. В данном случае, орнамент состоит из трех параллельных поясов, отделенных горизонтальными врезными линиями. Верхний пояс не декорирован. Средний и нижний ярусы заполнены кругами с точками в центре (средний) и зигзагом (нижний ярус) (рис. 1,10).

Кроме костяных изделий таким орнаментом украшались, также, бронзовые налобные и нащечные (нагрудные) пластины из конского убора. Две орнаментированные нащечные пластины и три налобные обнаружены при исследовании склепа 1 могильника № 2 Татарского городища. Верхняя часть налобной пластины происходит из насыпи кургана № 6 у х. Холодно-родниковский (колхоз Родина – окрестности г. Черкесска) (раскопки А.Л. Нечитайло 1965 г.). Из этого же могильника происходят еще две фрагментированные налобные пластины (верхние части) (археологическая экспозиция СГКМ инв. № 147333). Подобная бронзовая налобная пластина обнаружена в Вольном ауле[53]. У пластины из склепа Каменная могила были декорированы концентрическими окружностями верхняя и нижняя часть.

Следует отметить, что в отдельных случаях верхнюю – округлую часть пластины дополнительно обрезали по контуру врезных кругов. В частности, таким образом – посредством вырезов была оформлена верхняя часть налобной пластины, обнаруженной юго-восточнее автовокзала Южный (г. Ставрополь), восточнее старой трассы Ставрополь – с. Татарка[54]. В результате вырезов округлая часть пластины получила форму пятилепестковой розетки.

В погребении 52 Чегемского могильника в комплексе конской упряжи находились 5 выпуклых бляшек из листовой бронзы, украшенных циркульным орнаментом, с двумя отверстиями для прикрепления[55].

Из культовых предметов в подобной технике (циркульной плетенки) украшались зеркала. В частности, так были орнаментированы зеркала из кургана № 3 Грушевских курганов (раскопки П. Федотова 1881 г.) и из святилища на северо-западном подножии г. Верблюд. Циркульным орнаментом украшено зеркало из склепа Коба-Баши и др.[56].

Что касается технологии декорирования поверхности зеркал выделяются два варианта: 1) орнамент наносился на уже готовое зеркало (или подготовленный диск) (прием характерен для V–IV вв. до н.э.; используется и в III–I вв. до н.э.); 2) окружности наносились на бронзовый лист еще до вырезания из него дисков (фиксируется на зеркалах II–I вв. до н.э.).

В частности, первый вариант документирует отмеченное зеркало из кургана 3 группы Грушевских курганов из окрестностей г. Ставрополя. Край диска был украшен циркульным орнаментом. Сохранились точечные наколы по краю диска, которые сделаны по линии, прочерченной циркулеобразным инструментом, установленным в центре диска). Каждый накол являлся центром малой окружности, и одновременно соединялся с соседними наколами посредством двух других малых окружностей. Так как одна часть каждой окружности была более углублена, то складывается впечатление зигзагообразных значков (рис. 1,1).

О втором варианте свидетельствует характер размещения окружностей на дисках зеркал раннесарматского времени. В данном случае, смещенность окружностей (некоторые из них представлены только дугами, поскольку основная часть оказалась за пределами диска) явно указывает на первичность декора, по окружности которого, впоследствии, вырезался диск. Если мастер, вырезающий круглые заготовки зеркал, строго не придерживался зон, разделяющих заранее нанесенные окружности, на диске получался смещенный орнамент. Например, из предкавказских находок так декорировано зеркало из погребения 12 кургана 5 могильника Ачикулак. Отмечены такие зеркала и Причерноморской лесостепи – с. Пруссы[57].

В последние века до н.э. на дисках зеркал в отдельных случаях циркульный орнамент сочетается с 4-х или 6-и лепестковой розеткой (размещается в центральной части диска), что свидетельствует о попытках усложнить орнаментальную композицию (мог. Нижний Джулат, погр. 46; 58)[58].

Солярная символика характерна для местного населения начиная с эпохи бронзы, однако, циркульный орнамент, скорее всего, был заимствован, как и инструментарий, с помощью которого, нарезались окружности. Предположительно, такая техника в Предкавказье была принесена скифами, которые в свою очередь, могли заимствовать ее у греческих мастеров (хотя возможен и вариант автономного появления и развития данного технологического приема у кочевого населения). Интересно, что циркульный орнамент в орнаментальной культуре степняков был традиционным и в половецкое время.

Реже, в исследуемый период, кроме отмеченных выше: врезного геометрического декора, циркульного и пуансонного орнаментов использовались другие виды украшений. В частности, бронзовые и золотые пластинки и фольга (обкладки деревянных чаш) декорировались штампованным орнаментом.

В скифский период схематичные изображения людей входят в сюжетные композиции. В частности на кружке из Урванского человек показан в виде треугольника, от вершины которого выходит изогнутая линия (змея ?)[59].

На выше отмеченном рисунке, украшавшем кувшинчик из кургана у ст. Урухской, рядом с первым быком (между животным и грузом) изображена фигура, по схеме близкая изображениям деревьев, но отличающаяся меньшими размерами. Самое главное отличие – это изображение двух глаз в виде выпуклых кружков и двух линий, указывающих на связь фигуры и животного. На этом основании В.И. Козенкова и Т.Н. Мишина видят в этом рисунке примитивное изображение человека[60].

Подобные изображения характерны не только для керамики. Например, в погребении 21 могильника Гастон Уота был обнаружен амулет из молодого рога оленя с вырезанным схематичным изображением антропоморфной фигуры[61].

В это же время распространяется традиция украшения схематичными изображениями человеческого лица различных предметов. Следует отметить бронзовые бляшки с «личинами» из погребения (1985 г.) могильника Лермонтовская скала (у реки). На бляшках ромбической формы в центральной части вырезаны по два круглых отверстия, напоминающих глаза. Боковые вершины ромбов напоминают уши, а нижняя вершина – человеческую челюсть. Бляшки изогнуты таким образом, что перегиб проходит между глазными отверстиями, видимо, обозначая нос[62].

На поселении Зауар был найден амулет, изготовленный из бараньего эпифиза, в виде стилизованной личины. На поверхности эпифиза вырезаны по треугольной схеме три отверстия, видимо, обозначающие глаза и рот[63].

Известны антропоморфные изображения на золотой фольге, украшавшей ритуальные деревянные чаши. Например, на одном из таких фрагментов, найденных в разрушенном кургане в Хасавюртовском районе (Дагестан), зафиксировано погрудное изображение человека (божество ?). Овальное лицо сверху венчают две проработанные пряди, зачесанные в противоположные стороны. Глаза и полуоткрытый рот миндалевидной формы. Нос слегка обозначен.

Традиция изображений «личин» продолжала существовать у сарматов и в первые века н.э. В частности, по аналогичной схеме выполнены золотые застежки в виде лицевых изображений из катакомбы у с. Братское. Золотая пластинка четко передает овал лица. Глаза обозначены голубыми стеклянными вставками, а рот – вставными камнями (сердолик и гранат)[64].

Считается, что изображение личин является свидетельством развития у местного населения культа предков. Антропоморфизация божеств, произошедшая в VII–IV вв. до н.э. у северокавказских племен, обычно связывается с массовым освоением железа, сделавшим человека намного могущественнее, что не замедлило сказаться на дальнейшем формировании пантеона языческих богов, имевших теперь в представлениях древних обитателей края облик людей. «Личины» могли быть не только изображениями божеств, но и обожествляемых предков[65].

Схематизм антропоморфных изображений, предположительно связан с возможным опасением магического воздействия на живого человека через его заместителя – его изображение. Поэтому старались не выделять индивидуальные черты конкретного человека. Другой причиной наблюдаемого явления, может быть, отсутствие соответствующих навыков – слабая разработанность техники плоскостного изображения человека.

Подводя черту под выше сказанным следует отметить, что в изобразительном искусстве племен Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. сохраняется ряд черт, характерных для предшествующего периода, но наряду с этим распространяются и новые сюжетные линии. В частности, для орнамента характерен традиционный геометрический

декор (хотя в более упрощенной форме). В то же время распространяется орнамент в виде волны. Будучи заимствованным в искусстве Закавказья в середине I тыс. до н.э., такой декор второй волной был принесен в Предкавказье сарматами. С этого времени он становится одним из самых распространенных, наряду с геометрическим орнаментом и способом украшения сосудов вертикальными каннелюрами. Налепной орнамент, характерный для керамики предскифского и раннескифского времени восточного варианта продолжает употребляться в V–III вв. до н.э. на сосудах городищ Затеречья (Ханкальское 2-е городище).

В числе графических изображений, характерных для второй пол. I тыс. до н.э., следует назвать знаки, похожие на руны, тамгообразные знаки, солярные символы, а также зооморфные и антропоморфные изображения. Причем такие рисунки украшали не только керамику, но и деревянные и костяные изделия. Наличие на кувшине сарматской эпохи из Александровского района изображений оленя, имеющих несомненное сходство с фигурами на фрагменте скифского времени из Пятигорска, позволяет проследить в Центральном Предкавказье черты устойчивой преемственности в культурных традициях этих эпох.

В целом количество сюжетных изображений на керамике в раннесарматское время сокращается. В большей степени такие рисунки характерны для керамики Прикубанья и отдельных районов Центрального Предкавказья, расположенных на транскавказских транспортных магистралях (Ставропольское плато; Терский хребет). Что касается антропоморфных изображений, то в рисунках сохраняется схематизм. Однако, в отличие от геометризированных изображений (треугольников и ромбов) предскифского и раннескифского периодов фигуры приобретают больше реалистичности. Распространяются жанровые сцены, возможно, связанные с изображением сюжетов героического эпоса.

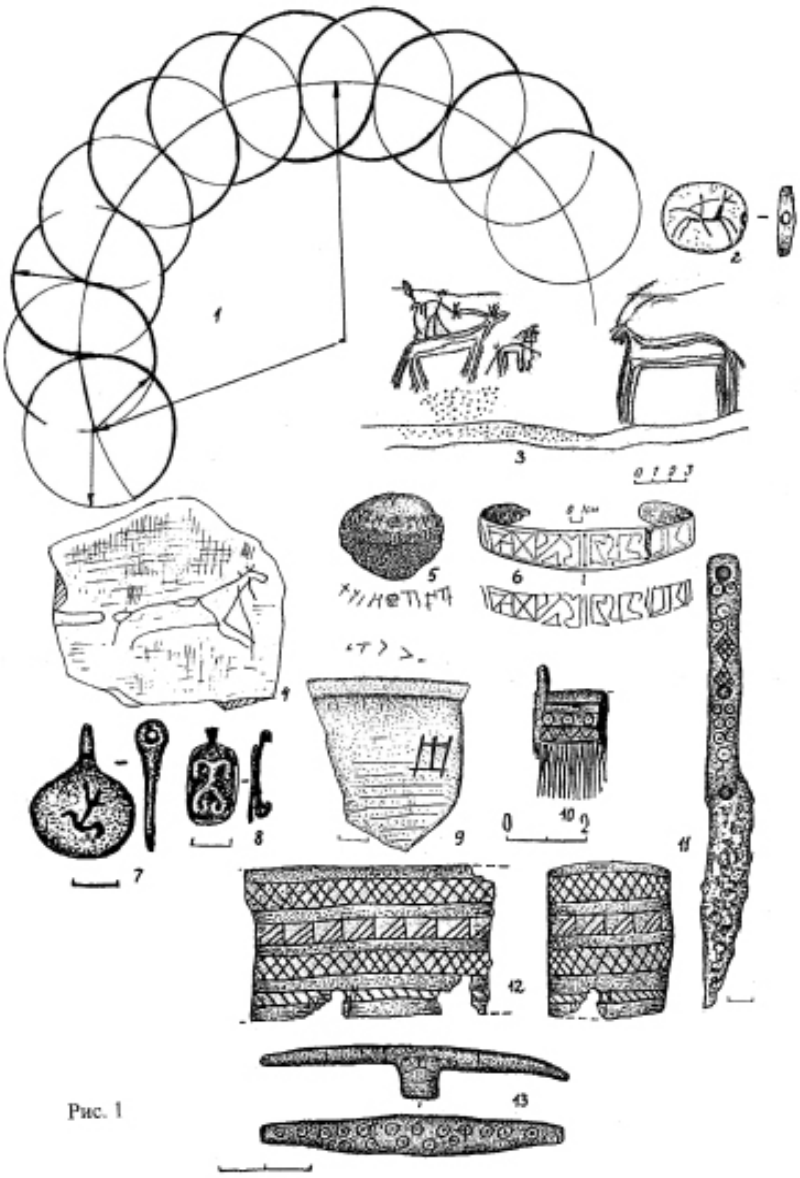


Рис. 1

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Скаков А.Ю.* Об одной группе кобано-колхидских орнаментированных топоров // ИАА. Армавир–Москва, 1998. Вып. 4. С. 17; *Рыбаков Б.А.* Календарный фриз северокавказского сосуда VIII–VII вв. до н.э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С. 158–162; *Козенкова В.И., Мишина Т.Н.* О сюжетных сценах на керамике кобанской культуры // СА. 1984. № 1. С. 247–251; *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). Грозный, 1972; *Кривицкий В.В.* Религиозные представления населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа по памятникам прикладного искусства: Автореф. дисс… канд. ист. наук. Ереван, 1989; *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. М., 1998. Вып. Б 2–5. С. 106.

2. *Пиотровский Б.Б.* Археология Закавказья. Л., 1949. С. 90–94; *Флиттнер Н.Д.* Культура и искусство Древнего Двуречья. Л.–М., 1958. С. 153–156; *Рыбаков Б.А.*

Религия и миропонимание первых земледельцев Юго-Западной Европы (IV–III тысячелетия до н.э.) // VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Докл. и сообщ. археологов СССР. М., 1966. С. 107–112; *Миллер А.А.* Элементы неба в памятниках материальной культуры // ИГАИМК. Л., 1933. Вып. 100; *Даркевич В.П.* Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. 1960. № 4; *Есаян С.А.* Амулеты, связанные с культом солнца из Армении // СА. 1968. № 2. С. 259. Рис. 3.

3. *Козенкова В.И.* Исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. С. 101.

4. *Журавлев Д.В., Мошинский А.П.* Гончарный производственный комплекс позднекобанского времени на поселении Сауар в Дигории // РА. 1992. № 2. С. 179; *Маслов В.Е.* Впускное погребение из кургана № 13 могильника Новозаведенное–II // ИАА. Армавир–Москва, 1996. Вып. 2. С. 71.

5. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993. Рис. 8, 24; 13, 19; 17, 25–26; 14, 7, 21.

6. *Абрамова М.П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА. 1979. № 2. С. 32–35. Рис. 1; *Она же.* Центральное Предкавказье… С. 63. Рис. 8.

7. Арх. ИА РАН. Р-1. Д. 2109. Табл. XLIV.

8. *Техов Б.В.* Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси, 1988. Рис. 13; 41; 43; 55.

9. *Маслов В.Е., Петренко В.Г.* Курган № 12 могильника Новозаведенное–II // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология. Ставрополь, 1998. Вып. 1. С. 216.

10. *Вольная Г.Н.* О переднеазиатских и закавказских влияниях в скифо-сибирском зверином стиле в памятниках Предкавказья // Античная цивилизация и варварский мир (Мат. 6-го археологического семинара). Краснодар, 1998. Ч. 1. С. 35.

11. *Маслов В.Е., Петренко В.Г.* Указ. соч. С. 216; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант // САИ. М., 1989. Вып. В 2–5. Т. 3. Табл. XVIII, 18.

12. *Пессен А.А.* Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа // Моздокский могильник. Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Вып. I–II. С. 36; *Он же.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. 3. М.–Л., 1941. Табл. V, 4; *Виноградов В.Б.* Указ. соч. Рис. 20,1; *Козенкова А.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант… Табл. XXXVI, 6; *Флеров В.С., Дубовская О.Р.* Мужские погребения кобанского могильника Клин-Яр в Кисловодске // Вестник шелкового пути. Археологические источники. М., 1993. Вып. 1; *Членова Н.Л.* Иранские прототипы «скифских оленей» // КСИА. М., 1983. Вып. 178. С. 7.

13. *Козенкова В.И.* Указ. соч. С. 106.

14. *Пессен А.А.* Моздокский могильник, 1940. С. 40.

15. *Членова Н.Л.* Указ. соч. 1983. С. 7.

16. *Маслов В.Е.* Образ «бегущего» оленя на керамике скифского времени с Северного Кавказа // ИАА. Армавир–Москва, 1995. Вып. 1. С. 79; *Маслов В.Е.* 1995. С. 81–82.

17. *Керефов Б.М., Кармов Т.М.* Могильник скифского времени Нартан–II. Нальчик, 2009. С. 14. Рис. 27,15–21.

18. *Мирошина Т.В.* Новые сарматские погребения в Ставропольском крае // КСИА. Ранний железный век. М., 1986. Вып. 186. Рис. 3.

19. *Маслов В.Е.* Указ. соч. С. 83.

20. *Найденко А.В., Прокопенко Ю.А.* Археологические материалы Грушевского городища VIII–III вв. до н.э. как исторический источник по истории края (исследование пряслиц) // Ставропольская земля в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. Ставрополь, 1995. Ч. 1. С. 28. Табл. 4, 5.

21. *Ростунов В.А., Березин Я.Б.* Скифо-сарматский период на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч. 2. Рис. 26,10.

22. *Горемыкина В.И.* Поселения бронзового и железного века на территории Центрального Предкавказья // Тезисы докладов научно-практической конференции им. А.М. Горького. Минск, 1965. С. 480–481. Рис. 4.

23. *Пиотровский Б.Б., Пессен А.А.* Моздокский могильник // Археологические экспедиции Эрмитажа. Л., 1940. Вып. 1. С. XI.

24. *Козенкова В.И.* Указ. соч. 1998. Табл. XXX, VII, 19; *Мошинский А.П., Скаков А.Ю.* Культы кобанского населения Сауар // МИАР. Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001. Сб. ст. Вып. 3. Рис. 10,3; *Прокопенко Ю.А.* Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь, 2005. Рис. 236,4; *Виноградов В.Б.* Клад Второго Бельтинского могильника // КСИА. Ранний железный век. М.: Наука, 1986. Вып. 186. Рис. 1;

25. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье … С. 87. Рис. 29, 39; *Ростунов В.А., Березин Я.Б.* Указ. соч. Рис. 24,4.

26. *Березин Я.Б., Колесниченко К.Б.* Знаки на керамике сарматского времени с поселения «Георгиевская станица–2» // Историко-археологический альманах. Армавир–Краснодар–Москва, 2009. Вып. 9. С. 54–55. Рис. 4.

27. Шедевры древнего искусства Кубани. М., 1987. Рис. 65, 68; 75.

28. *Галанина Л.К.* Курджипский курган памятник культуры прикубанских племен IV в. до н.э. Л., 1980. С. 93. Рис. 51.

29. *Ростунов В.А., Березин Я.Б.* Указ. соч. 2007. Рис. 11,5.

30. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М., 1990. С. 106–107.

31. *Литвинский Б.А.* Медные котелки из Индостана и Памира (древние связи двух регионов) // Археология, палеоэкология, палеодемография Евразии. Сб. ст. М., 2000. С. 286.

32. *Прокопенко Ю.А.* Указ. соч. С. 374.

33. *Козенкова В.И.* 1998. Табл. XXXIV, 2, 9, 11; XXXVI, 8; XXXVIII, 7; XL, 1; *Виноградов В.Б.* 1972. Рис. 25.

34. *Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. М., 1982. В 2–5. Т. 2. Табл. XLI, 10–12, 16–19; *Мошинский А.П., Скаков А.Ю.* Указ. соч. Рис. 8, 9; *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 212–216; *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант… Табл. XXIII; *Она же.* Восточнокобанские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов // Евразийские древности 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 190; *Скаков А.Ю.* Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа. М., 1999. Рис. 7.

35. *Мошинский А.П., Скаков А.Ю.* Указ. соч. С. 99, 100.

36. *Маслов В.Е.* Впускное погребение из кургана № 13 могильника Новозаведенное–II // ИАА. Армавир–Москва, 1996. Вып. 2. С. 69. Рис. 2, 7.

37. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье … С. 77. Рис. 24, 35, 36.

38. *Прокопенко Ю.А.* Указ. соч. Рис. 127.

39. *Керефов Б.М., Кармов Т.М.* Указ. соч. С. 9. Рис. 9, 3.

40. *Мошинский А.П.* Древности горной Дигории VII–IV вв. до н.э. Систематизация и хронология. М., 2006. С. 59–70. Рис. 40,1.

41. *Ростунов В.А., Березин Я.Б.* Указ. соч. Рис. 14,6–8.

42. *Вольная Г.Н.* Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. Владикавказ: Иристон, 2002. С. 34.

43. *Ростунов В.А., Березин Я.Б.* 2007. Рис. 24, 18.

44. *Вольная Г.Н.* Указ. соч. С. 35.

45. *Прокопенко Ю.А.* Указ. соч. Рис. 255, 20.

46. *Ростунов В.А., Березин Я.Б.* Указ. соч. Рис. 14,1.

47. *Марковин В.И.* Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия) // СА 1965. № 2. С. 169. Рис. 10,2; *Вольная Г.Н.* Указ. соч. 2002. Рис. 9,6.

48. *Белинский А.Б.* Тайна «Ипатовской принцессы» // Памятники Отечества. Вся Россия. Земля Ставропольская. Иллюстр. Альманах. М., 2001. Т. 1. С. 29.

49. Арх. СГКМ. Ф. 70. Д. 1339. Ед. хр. 2. Рис. 67,1; *Мунчаев Р.М.* Указ. соч. С. 176. Рис. 3,6; *Ростунов Е.В.* Новые погребения сарматского времени Калиновского курганного могильника // Тез. докл. и сообщ. Второй зональной северокавказской олимпиады по археологии и краеведению. Грозный, 1990. С. 18.

50. *Ростунов В.А., Березин Я.Б.* Указ. соч. Рис. 28,7, 31,2.

51. *Прокопенко Ю.А.* Указ. соч. Рис. 263,1.

52. *Ростунов В.А., Березин Я.Б.* Там же. Рис. 14,5.

53. *Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А.* Две бронзовые пластины из комплекса предметов конского убора скифского времени из могильника Татарского городища // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1997. Вып. 1.

С. 13. Рис. 1,1, 2; *Прокопенко Ю.А.* Указ. соч. Рис. 128–130, 132; *Виноградов В.Б.* Указ. соч. Рис. 4,5.

54. *Прокопенко Ю.А.* Новые находки предметов вооружения и конской упряжи IX–VIII, VI, IV–III вв. до н.э. в окрестностях г. Ставрополя // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2010. Вып. 2. С. 11. Рис. 2,1.

55. К*ерефов Б.М.* Чегемский курган – кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1985. Т. 2. С. 199.

56. Арх. ИИМК РАН. 1883 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 41; *Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А.* Археологические памятники у г. Верблюд. Пятигорск, 2005. Рис. 8,2; *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971. Табл. 17, 12.

57. *Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии VI–III века до н.э. М.: Индрик, 2002. Т. 1. С. 137. Табл. 70, 45а, 467.

58. *Абрамова М.П.* Указ. соч. 1993. Рис. 31, 4, 6.

59. *Пессен А.А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии (значение древних памятников Республики) // МИА. Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. М.–Л., 1941. № 3. Табл. V, 3.

60. *Козенкова В.П., Мишина Т.Н.* Указ. соч. С. 249.

61. *Мошинский А.П., Скаков А.Ю.* Указ. соч. С. 98. Рис. 6, 15.

62. *Березин Я.Б., Дударев С.Л.* Могильник «Лермонтовская скала (у реки)» – памятник раннего железного века Пятигорья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология. Ставрополь, 1998. Вып. I. С. 168. Рис. 5, 4–8.

63. *Мошинский А.П., Скаков А.Ю.* Указ. соч. С. 90. Рис. 6, 14.

64. *Мунчаев Р.М.* Луговой могильник (исследования 1956–1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1965. С. 183. Рис. 3,9–10.

65. *Дударев С.Л.* Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991. С. 63.

Маслов В.Е., Красильников К.П., Пятых Г.Г. (г. Москва, г. Луганск)

ПОГРЕБЕНИЕ С МЕЧОМ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЛЬВОВСКИЙ–VII (РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН)

Погребение, которое вводится в научный оборот, было открыто в 1987 г. в ходе новостроечных работ Дагестанской экспедиции ИА АН СССР (начальник Г.Г. Пятых) на левом берегу р. Сулак, в Акушинском районе Республики Дагестан. В числе исследованных курганов в составе могильника Львовский–VII выделялся курган-кладбище № 4, содержавший более 40 погребений, которые предварительно можно датировать концом III в. до н.э. – рубежом н.э.[1] Очевидно, основной массив погребений имеет более узкую дату, которую можно ограничить II–I вв. до н.э. Этот памятник входит в число курганов-кладбищ известных на Северном Кавказе от Кубани до Приморского Дагестана. Их появление часто связывают с частичной седентаризацией сарматских племен, в значительной степени смешавшихся с местным населением[2].

Погребение № 29 было открыто на глубине – 1,5 м. Контуры могильной ямы не зафиксированы (рис. 1, 1). Потревоженный скелет лежал на спине, вытянуто, в направлении ЗЮЗ. Череп отсутствовал. Позвоночник и ребра сохранились частично. Тазовые кости отсутствовали. Левая плечевая кость была вытянута вдоль тела. Кости правой руки были согнуты в локтевом суставе под острым углом и уложены на грудь. Кости кисти отсутствовали. Ноги вытянуты с легким разворотом вправо.

Колени погребенного были накрыты перевернутой миской (1). Слева у бедра стояла миниатюрная кружка (2), а у пояса лежал согнутый меч (3), рукояткой и острием на СВВ. Справа около плеча была установлена вторая кружка (4), а в 0,2 м к СЗ от нее был найден фрагмент керамики (5).

Тело лежало с понижением к ногам: перепад глубин составлял около 20 см. Весьма вероятно, что погребение было совершено в погребальной камере катакомбы. Косвенно в пользу такого предположения свидетельствует то, что меч, в отличие от миниатюрного сосуда, был приподнят над скелетом. Очевидно, он был уложен на осыпь с боковой стенки или подсыпку. В таком случае, тело погребенного было задвинуто в камеру ногами вперед.

Следует отметить, что случаи преднамеренной порчи погребального инвентаря, скорее всего, не имеют ни хронологической, ни культурно-этнической окраски[3].

Приведем описание погребального инвентаря:

1. Чернолощеная миска с большим серо-белым пятном на стенке тулова (рис. 2, 1). Керамическое тесто в изломе темно-серое, хорошо отмученное, с добавлением толченого ракушечника. Венчик с массивной скругленной губой выступающей наружу, с покатым уплощенным бортиком сверху. Стенки тулова плавно сужаются к чуть вогнутому дну. Поверхность бортика украшена орнаментом из прочерченных зигзагообразных линий длиной 5 – 6,5 см количеством – 6, равномерно удаленных друг от друга. Внутри, на дне, нанесен пролощенный солярный знак в виде креста из попарно пересекающихся четырех линий, вписанного в окружность. Размеры: высота – 12,5 см; диаметр дна – 14 см; венчика – 38,7 см; ширина бортика – 2 см; толщина стенок – 0,9 см.

2. Лепная плоскодонная миниатюрная кружка. Поверхность заглаженная, серого цвета, со следами глиняной обмазки. Керамическое тесто в изломе серого цвета. Низкий венчик отогнут наружу. Тулово округлое. В верхней части следы от утраченной ручки. Размеры: высота – 6 см; диаметр дна – 6,9 см; устья – 7,8 см; толщина стенок – 0,6 см.

3. Двулезвийный железный меч без перекрестия (рис. 1,2). Прямоугольная рукоятка со следами деревянных накладок слегка сужается к антенному навершию, которое сохранилось частично: уцелел только один из двух отростков-волют. Очевидно, первоначально навершие было 8-видным, состоявшим из двух почти сомкнутых волют. Треугольный клинок плавно расширяется к рукояти, в которую переходит через покатые плечики. На поверхности клинка округлых комки железных окислов. Сечение клинка – уплощенно-линзовидное. Размеры: общая длина – 73,5 см; рукояти с навершием – 12 см; ширина клинка под рукоятью – 6,7 см; ширина рукояти – 2–3 см; диаметр уцелевшего кольца волюты – 3,8 см; сечение – 0,5 см.

4. Лепная кружка (рис. 2,2). Поверхность серого цвета хорошо заглажена, со следами глиняной обмазки. Керамическое тесто в изломе серое, с вкраплением толченого ракушечника. Венчик не выделен. Горло слабо выделенное, прямое. Форма тулова округлая, слегка асимметричная. Дно уплощенное, с нечеткими границами. Ручка петлевидная, овальная в сечении. Верхний конец прикреплен на горле, нижний – на тулове. Размеры: высота – 9,5 см; диаметр дна – 5,5 см; наибольший диаметр – 10,5 см; устья – 9 см; сечение ручки – 1,4 х 0,7 см; толщина стенок – 0,7 см.

5. Фрагмент сосуда – плоское дно с прилегающей стенкой. Внутри и снаружи серого цвета. Поверхность заглажена. Керамическое тесто с примесью толченого ракушечника. На стенке отверстие. Размеры: реконструируемый диаметр дна – 12 см; толщина стенок – 0,6 – 1,25 см.

Наиболее важными находками для определения культурно хронологической принадлежности погребения являются меч и миска. Территориально и типологически ближайшей аналогией нашему мечу является меч из погребения № 3 Чегемского кургана-кладбища. Нужно подчеркнуть, что, к сожалению, знакомство с материалами отчета показывает, что только в полной публикации памятника 1985 г. содержится его относительно точное изображение[4].

У чегемского меча парные крупные дисковидные спиралеобразные волюты, завернутые вовнутрь, соприкасались между собой, а на клинке имелся треугольный дол. Следует отметить несомненное сходство в пропорциях между нашей и чегемской находкой: длина чегемского меча – 73 см, длина его рукояти с навершием – 10 см, ширина под рукоятью – 6,5 см, ширина рукояти – 2 см. Переход клинка в рукоять в обоих случаях происходит через покатые плечики.

Похожее навершие из двух крупных волют было представлено на мече из погребения № 266 Тенгинского могильника в Закубанье. Подобный меч был найден также в погребении № 31 раскопа II Серегинского могильника, которое Е.А. Беглова, вслед за С.П. Кожуховым, датировала его II–I вв. до н.э., пересмотрев датировку раннее предложенную В.Р. Эрлихом[5].

Вытянутое длинное треугольное лезвие и отсутствие перекрестья сближают все эти находки с мечами так называемого «синдо-меотского» или «меотского» типа. К.Ф. Смирнов почти сразу же отнес чегемскую находку к числу «поздних дериватов» подобного оружия[6]. М.П. Абрамова предложила рассматривать подобные дериваты в рамках формальных типологических схем, жестко определив в них место собственно «меотских» мечей, к которым она отнесла только мечи без перекрестия с брусковидным навершием[7].

Недавно опубликована серия комплексов Уляпского могильника с разнообразными мечами и кинжалами с антенными навершиями[8]. Часть из них не имеет перекрестий. В ряде случаев они, несомненно, были утрачены, как

это указано в издании, но в ряде случаев, очевидно, их не было изначально. В таком случае, следует признать, что в Закубанье появление антенных мечей без перекрестия и мечей синдо-меотского типа происходило практически одновременно. В этом отношении, весьма показательна находка меча из погребения № 3 в кургане 2 у балки Мокрая Кугульта в бассейне Маныча. Он не имел перекрестия и был снабжен комбинированным навершием: брусковидным, увенчанным двумя волютами, благополучно совмещая черты двух различных типов[9].

В Центральном Предкавказье к числу наиболее ранних образцов клинкового оружия без перекрестия с антенным навершием, очевидно синхронного уляпской серии, относится кинжал, найденный в Пятигорской каменоломне № 1[10], который давно рассматривается как подражание мечам синдо-меотского типа[11]. Но нельзя исключать того, что у него было утрачено перекрестие. Еще более вероятно это предположение для кинжала из гробницы V Каррасского могильника, имеющего рукоять с валиками.

Для нас важно, что мечи из Тенгинского могильника и Чегемского кургана происходят из комплексов содержавших античные импорты. В первом случае это чернолаковая чашечка[12], во втором – фрагменты стеклянного литого скифоса из светло-зеленого стекла[13]. Комплексы с черно-буро-лаковыми изделиями в целом едва ли выходят за пределы конца II в. до н.э., скорее I половины этого столетия[14]. Что касается фрагментов стеклянного скифоса, то их по сложившейся традиции датируют концом II–I вв. до н.э. Следует отметить, что в отличие от серии находок стеклянных скифосов с Кубани, каталогизированных и классифицированных максимально возможно детально, предкавказские находки, число которых постепенно возрастает, датированы «на глаз» и изданы, как правило, откровенно плохо. Однако Ю.А. Прокопенко уже связал их с дипломатической деятельностью Митридата VI, что кажется несколько поспешным заключением[15].

Таким образом, меч из могильника Львовский–VII можно уверенно отнести к древностям II–I вв. до н.э.

Миски различных вариантов относятся к числу наиболее распространенных форм керамической посуды в памятниках Центрального Предкавказья последних веков до н.э. Наша находка соответствует типу 2 по М.П. Абрамовой, куда включены «миски с плоским расширенным краем, образующим ребро на внутренней поверхности». Судя по составленной карте, распространение мисок этого типа особенно характерно для западных районов Центрального Предкавказья и ограничено средним течением Терека[16]. Ближайшей аналогией нашей находке является миска из погребения № 12 кургана 4 у станицы Мекенской[17]. На дне этого сосуда также нанесен сходный крест из парных пролощенных линий. Следует отметить, что похожий орнамент встречен и на одной из мисок-курильниц на поддоне из катакомбного погребения № 43 Чегемского кургана-кладбища[18].

Кувшин с петлевидной ручкой из комплекса погребения № 12 у Мекенской весьма близок к кувшину погребения № 5 Чегемского кургана-кладбища[19]. Другой сосуд из этого погребения – чернолощеная кружка с геометрическим орнаментом и «зооморфной» ручкой, также имеет аналогии среди материалов комплексов Чегемского кургана-кладбища последних веков до н.э.[20] Таким образом, состав керамического комплекса указывает либо на импорт этих сосудов с территории Центрального Предкавказья, либо, что еще более вероятно, на продвижение новых, пришлых групп населения вдоль Терека, к востоку. И миска, и меч из погребения № 29 кургана-кладбища в могильнике Львовский–VII также соответствуют такому контексту.

Кратко суммируя итоги, можно отметить, что материалы погребения № 29 могильника Львовский–VII демонстрируют западный вектор региональных кавказских связей, и довольно надежно датируются в рамках относительной хронологии II–I вв. до н.э.

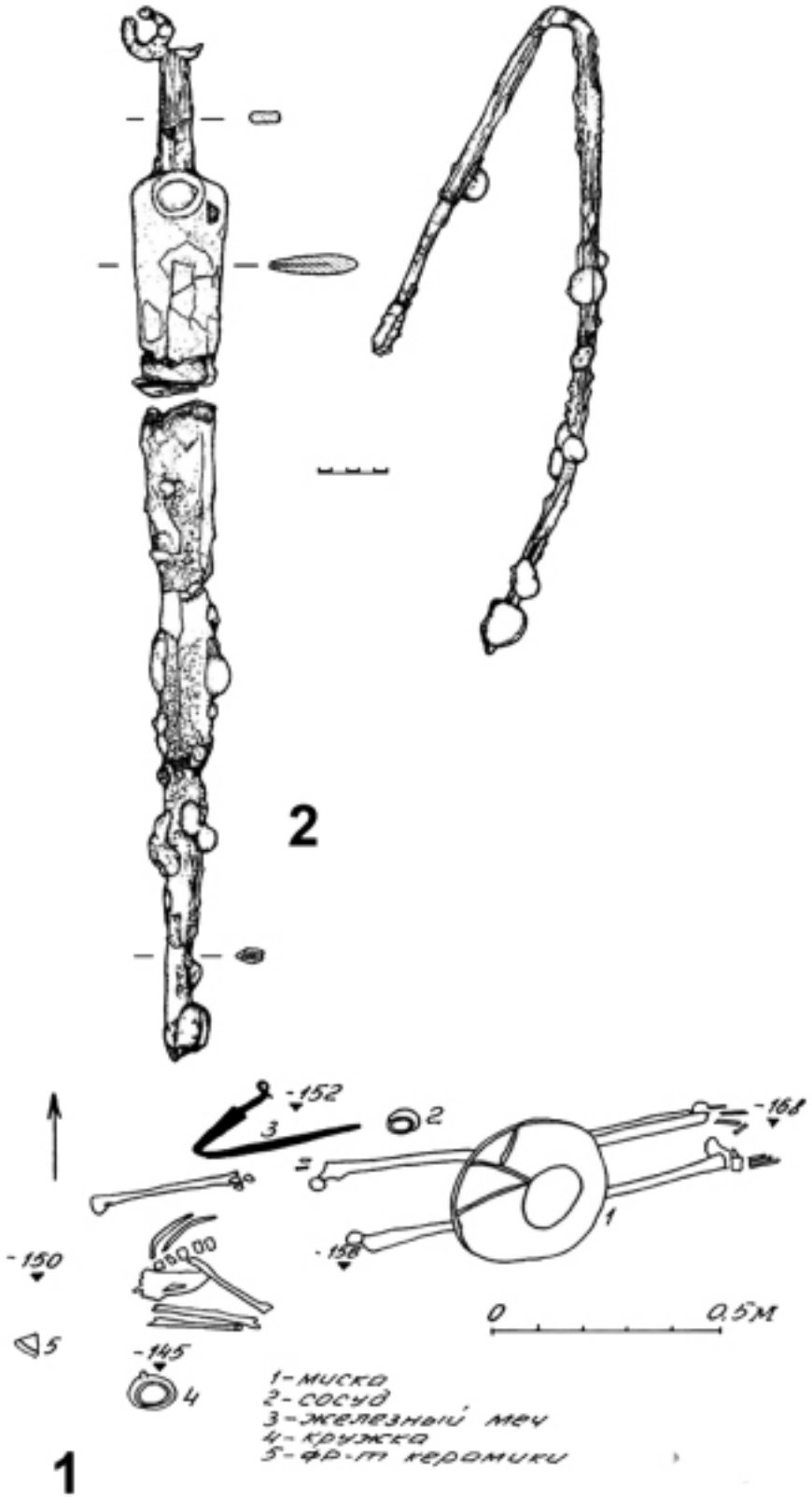


Рис. 1. 1 – план погр. № 29 кургана № 4 могильника Львовский–VII; 2 – меч из погр. № 29.

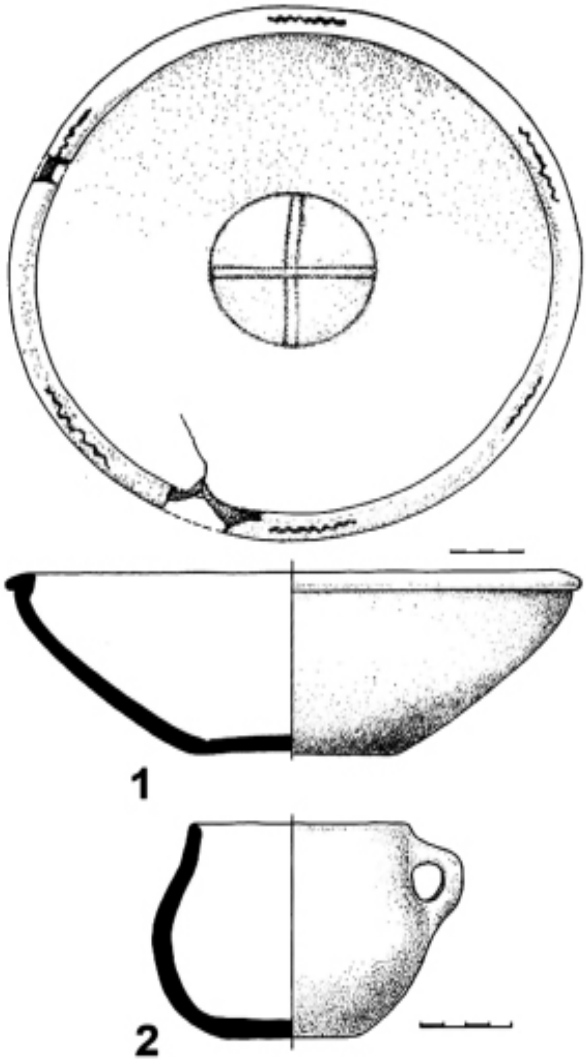


Рис. 2. 1 – миска из погр. № 29 кургана № 4 могильника Львовский–VII; 2 – кружка из погр. № 29.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Красильников К.И., Пятых Г.Г.* Отчет о раскопках в 1987 г. М., 1988. Научный архив Института археологии РАН. Ф. Р – 1. Д. № 13816.

2. *Керефов Б.М.* Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985. Т. 2. С. 223, 224; *Ростунов В.Л., Березин Я.Б.* Скифо-сарматский период на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Часть 2. С. 22, 23.

3. *Бакушев М.А.* Погребальный обряд населения Дагестана албано-сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Ростов-на-Дону, 2008. С. 130–141.

4. *Керефов Б.М.* Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985. Т. 2. С. 140, 195. Рис. 4, 25; *Керефов Б.М., Нагоев А.Х.* Отчет о раскопках кургана кладбища сарматского времени у с. Чегем II в 1975 году. Нальчик, 1976. Научный архив Института археологии РАН. Ф. Р – 1. Д. № 6452, 6452а. С. 12, 13. Рис. 9, д.

5. *Беглова Е.А.* Воинские погребения Тенгинского грунтового могильника // Материальная культура Востока. М., 2010. Вып. 5. С. 153. Рис. 7, 2; *Эрлих В.Р.*

Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 82, 83. Рис. 6, 1.

6. *Смирнов К.Ф.* О мечах синдо-меотского типа // Краткие сообщения Института археологии. М., 1980. Вып. 162. С. 43, 44. Рис. 3, IVa.

7. *Абрамова М.П.* О мечах синдо-меотского типа // Археологические памятники раннего железного века Юга России. Материалы и исследования по археологии России. М., 2004. № 6. С. 21, 22.

8. *Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р.* Меоты Закубанья в середине VI – начале III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М., 2005. С. 41, 43, 54. Рис. 122, 1. Рис. 127, 4. Рис. 180, 2.

9 *Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 41, 106. Рис. 34, 3.

10. *Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // Свод археологических источников. М., 1995. Вып. В2–5. С. 64. Табл. XVI. Рис. 7.

11. *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). Грозный, 1972. С. 105, 106.

12. *Беглова Е.А.* Указ. соч. С. 153. Рис. 7, 9.

13. *Керефов Б.М.* Чегемский курган-кладбище ... С. 193. Рис. 4, 19.

14. *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 226.

15. *Бурков С.Б., Прокопенко Ю.А.* Подкурганные погребения раннего железного века – эпохи раннего средневековья с территории предгорной Чечни. Ставрополь, 2008. С. 304.

16. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV н.э.). М., 1993. С. 52. Рис. 14, 23–43. Рис. 16, б.

17. *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 41. Рис. 12.

18. *Керефов Б.М.* Указ. соч. С. 189. Рис. 11, 25.

19. *Керефов Б.М.* Там же. Рис. 5, 44.

20. *Керефов Б.М.* Там же. Рис. 9, 30. Рис. 10, 10, 27.

Бурков С.Б. (г. Владикавказ)

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БЫТОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА С ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ

Согласно установленной периодизации[1], эпоха раннего железного века для изучаемой территории начинается с середины VIII в. до н.э.[2], и завершается концом IV в. н.э.[3] При этом не были выделены отдельно очерки изучения памятников предскифского, скифского времени и сарматского периода, поскольку в значительной части они соседствуют в культурных напластованиях поселений и городищ. Следует учитывать и то обстоятельство, что различить поселенческие материалы середины VIII – середины VII вв. до н.э. довольно проблематично, в то время как само «скифское время» датируется для региона временем, начиная с середины VII в. до н.э.[4] За основу историографического обзора взят хронологический принцип их обнаружения. Кроме того, следует учесть, что стратиграфическая ситуация для большинства бытовых памятников не прослежена ни в полевых условиях, ни в ходе научного изучения полученных коллекций, которая еще впереди. Материалы случайных сборов с поверхностей представляют собой разрозненные серии и зачастую не бывают «привязаны» к какому-нибудь конкретному участку бытового памятника. В этой связи представляемые в настоящем обзоре объекты не делятся нами строго по культурно-хронологическому принципу, как относящиеся к «предскифскому», «скифскому» либо «сарматскому» этапу конкретного исторического периода. Это же характерно и для значительной части могильников, особенно – горно-предгорной зоны Чечни. Некоторые из них, возникнув в скифскую эпоху, а иногда – и ранее, продолжали использоваться и в сарматское время[5]. Если на поселении или городище были обнаружены погребения либо отдельные комплексы находок, они учитываются в том случае, если время бытования ограничивается рамками изучаемого периода. Если памятник исследовался не один год, то все дальнейшие работы на нем учитывались единым блоком. В связи с тем, что наименования многих населенных пунктов менялись неоднократно, в обозначениях памятников нередки двойные названия[6], что было учтено при составлении настоящей сводки.

Изучение древностей раннего железного века на территории Чечни начинается в 60–70 гг. XIX в., однако внимание к поселенческим материалам сформировалось значительно позднее. В первую очередь, это было связано с отношением к памятникам древности как к вместилищам престижных, часто – драгоценных – вещей, тогда как массовый материал в виде керамических коллекций был вначале малоинтересен и внимания коллекционеров не привлекал. Тем более, что зачастую без археологических раскопок установить принадлежность определенного участка местности к кругу бытовых построек не представлялось возможным.

Первыми в этом списке стали крупные городища с хорошо сохранившейся фортификационной инфраструктурой, которая обращала на себя внимание продуманностью контрукций и внушительными размерами.

Городище вблизи ст. Ермоловской (будущее с. Алхан-Кала) было открыто в 1888 г. А.А. Бобринским. Проезжая по долине р. Сунжи, он по

пути из Владикавказа в Грозный, помимо многочисленных курганов, отметил и 5 городищ: между ст. Михайловской и Самашкинской – 1, между ст. Самашкинской и Закан-Юртовской – 2, к Ю от р. Сунжи, между ст. Закан-Юртовской и Шаман-Юртом – 1. При этом он впервые описывает Алхан-Калинское городище как памятник фортификации и раскапывает на его территории 4 кургана[7]. Среди осмотренных было и Герменчукское городище, расположенное на В окраине села современного Шалинского района, на правом берегу р. Басс[8].

В 1900 г. Г.А. Вертепов, в 3 км к ЮЗ от селения Урус-Мартан, в срезе берега р. Мартанки обнаружил культурный слой поселения. Находки состояли из фрагментов керамики, каменных орудий, железных шлаков, позволили В.И. Козенковой отнести данный памятник к первой половине I тыс. до н.э. и определить его культурную принадлежность как позднекобанскую[9].

В 1936 г. экспедицией под руководством А.П. Круглова на территории Чечни были произведены разведочные работы с целью обнаружения и предварительной фиксации археологических памятников. В результате на 8 городищах и 2 поселениях были найдены предметы, относящиеся к сарматскому времени. К интересующему нас периоду относятся следующие объекты: городища и поселения между сс. Верхний и Нижний Наур: городище № 1 – в 2 км к востоку от с. В. Наур – около кромки третьей террасы р. Терек; городище № 2 – в 250 м к северо-западу от городища № 1; городище № 3 – в 1,5 км к северо-востоку от городища № 1. Среди керамики – фрагменты с серолощеной поверхностью и налепным орнаментом кобанской культуры скифского времени, а также горшков и кувшинов серого и коричневого цвета начальных веков н.э.

У с. Мундар-Юрт экспедиция зафиксировала 2 городища, расположенных на третьей надпойменной террасой р. Терек. Одно из них – к западу от современного кладбища (№ 4), второе – на расстоянии 1 км к юго-западу от первого. По склонам террасы вблизи городища было найдено одновременное поселение. По фрагменту краснолакового сосуда с городища № 4 вновь найденные памятники датированы II–III вв. н.э.

По краю четвертой террасы р. Терек, к западу от с. Ногай-Мирза-Юрт (с. Братское) было обнаружено еще одно городище, по обе стороны от которого прослежены остатки поселения с фрагментами серо-глиняных сосудов сарматского времени. Здесь же встречены и образцы серолощеной керамики с налепным орнаментом, характерные для восточного варианта кобанской культуры эпохи раннего железного века.

На городище у с. Алхан-Кала, в 4 км к западу от села, на левом берегу р. Сунжа были произведены сбор подъемного материала, зачистка береговых обнажений с культурным слоем и заложен разведочный раскоп общей площадью 63 кв.м. Основную массу керамики из нижнего слоя составили фрагменты сосудов первых веков н.э. (II–III вв. н.э.).

В районе старого кладбища, в восточной части городища, при постройке здания найдено погребение, в котором костяк был ориентирован головой на северо-восток. В инвентаре – серо-глиняный кувшин. Вероятно, это погребение относится к эпохе раннего железного века.

На территории поселения у с. Правобережное (бывшее с. Аду-Юрт), расположенного на правом берегу р. Терек, к ЮЗ от ст. Николаевской Грозненского района встречены фрагменты керамики с черно- и серолощеной поверхностью раннежелезного века. Тогда же подобная керамика была встречена на территории городища у с. Гвардейское (Али-Юрт). Тогда же открывается и поселение № 2 у с. Чишки Грозненского района, расположенное на левом берегу р. Аргун, в месте слияния ее с р. Шаро-Аргун. В обрыве берега – культурный слой мощностью 1,5 м. Среди многочисленных фрагментов керамики – экземпляры с черной и серой лощеной

поверхностью, части баночных сосудов, чашек, кувшинов с волнистыми валиками и защипами, характерные для восточного варианта кобанской культуры «скифского» времени. Подобные же находки были сделаны А.П. Кругловым на территории поселения у с. Дуба-Юрт Грозненского района[10].

В 1938 г. экспедицией ГАИМК обследовалось Алхан-Калинское городище, ранее известное как «Ермоловское». В его обнажениях был собран обильный керамический материал, важность которого заключается в том, что он доказывает наличие двух этапов его функционирования в скифское и сарматское время[11]. Г.В. Подгаецким на нем закладывается разведочный раскоп площадью 175 кв.м, который зафиксировал 3 строительных горизонта, представлявшие собой остатки глиняных полов. Исследованный слой был датирован первыми веками н.э.[12] В дальнейшем памятник, известный по описаниям А.А. Бобринского, посещался в 1945 г. Т.И. Минаевой и Н.И. Штанько, в 1965–1968 гг. копался В.Б. Виноградовым и М.Х. Багаевым. В материалах присутствуют и фрагменты керамики первой половины I тыс. до н.э.[13]

Из дневниковых записей Г.В. Подгаецкого, выявленных М.Х. Багаевым и опубликованных Х.М. Мамаевым следует, что кроме Серноводского городища, расположенного на высокой террасе левого берега р. Сунжи[14], отрядом под его руководством в этом году на территории Чечни было выявлено 4 городища: у ст. Самашкинской, ст. Закан-Юртовской, ст. Петропавловской, у З окраины ст. Ильинской. Дата Сунженских городищ была им определена в рамках первых веков н.э. – римского времени, как отметил Г.В. Подгаецкий относительно Ильинского городища[15]. Согласно данным Е.И. Крупнова, последнее городище было открыто Н.И. Штанько и М.П. Севостьяновым в 1948 г.; по В.Б. Виноградову и В.И. Марковину это произошло в 1949 г.[16]

По данным, приведенным В.И. Козенковой, в том же году на ЮЗ окраине с. Гардали Ножай-Юртовского района А.П. Круглов обнаруживает поселение, с территории которого происходят фрагменты керамики с налепным орнаментом первой половины I тыс. до н.э.[17] В этом же году он обнаруживает поселение с материалами середины I тыс. до н.э., расположенного на ЮВ окраине с. Белгатой Введенского района[18].

В 1937–1938 гг. М.И. Артамоновым и А.В. Мачинским на территории могильника раннежелезного века у с. Исти-Су открывается поселение, территория которого выходит за его границы. Памятник датирован первыми веками н.э.[19]

В 1939 г. (у В.И. Козенковой, со ссылкой на В.Б. Виноградова и В.И. Марковина – в 1949 г.) Н.И. Штанько открывает поселение, расположенное на правом берегу р. Гехи-Чу, в 1,5 км в С от одноименного села. Среди собранной керамики – фрагменты лощеных сосудов темных цветов с налепным орнаментом, характерным для восточного варианта кобанской культуры «скифского» времени. Поселение однослойное[20].

Весной 1945 г., Т.М. Минаевой, по заданию Грозненского краеведческого музея, с участием его сотрудников Н.И. Штанько и П.И. Кранцевича было проведено обследование долины р. Сунжи по обе стороны реки, от г. Грозного до ст. Карабулакской, на расстоянии около 60 км. Обследованию были подвергнуты, прежде всего, бытовые памятники. В их числе – Ермоловское (Алхан-Калинское – дважды), Закан-Юртовские №№ 1 и 2, Самашкинские городища №№ 1 и 2, Закан-Юртовское поселение № 2 (восточнее Закан-Юртовского городища № 2), Михайловское городище, Чернореченское № 2 поселение, с восточной части которого происходит керамика раннего железного века – VII–V вв. до н.э. Ими посещалось и Серноводское городище, которое возникло в сарматскую эпоху на месте поселения VII–IV вв. до н.э.[21]

В 1948 г. (по данным Е.И. Крупнова; судя по В.Б. Виноградову и В.И. Марковину – в 1949 г.) М.П. Севостьянов и Н.И. Штанько посещают городище, расположенное на левом берегу р. Сунжи, на юго-западной окраине ст. Ильинской. Среди подъемного материала часть собранных находок относится к середине I тыс. до н.э.; встречалась и керамика сарматской эпохи[22].Тогда же ими же обследовались поселение раннежелезного века у с. Дуба-Юрт (Грозненский) и городище – у с. Герменчук (Шалинский) районов, а в 4 км к С от с. Алхан-Юрт Урус-Мартановского района, на левом берегу р. Сунжи – открыто поселение. Последнее в том же году осматривалось Е.И. Крупновым. Мощность культурного слоя – не более 0,5 м. Найдены фрагменты черной и серой лощеной керамики с налепным щипковым и прорезным геометрическим орнаментом[23].

В 1949 г. М.П. Севостьяновым же на С-З окраине ст. Горячеисточненской были открыты городище № 1 с расположенным рядом поселением, а в 1,5 км на В от станицы – городище № 2. Среди керамики – фрагменты скифского и позднесарматского времени, последние преобладают на городище № 2[24]. В этом же году в 3 км восточнее от ст. Петропавловской, на левом берегу р. Сунжи М.П. Севостьянов и Н.И. Штанько посещают (у В.Б. Виноградова и В.И. Марковина – открывают, хотя впервые его отмечает Г.В. Подгаецкий в 1938 г.) городище, на котором была найдена керамика кобанской культуры, эпохи раннего железа и сарматского времени. Е.И. Крупнову было известно о посещении М.П. Севостьяновым и Н.И. Штанько (без указания на дату) поселения, расположенного в 0,5 км к В от ст. Петропавловской, на котором был выявлен культурный слой мощностью в 0,5 м, насыщенный керамикой «скифского облика»[25]. Тогда же М.П. Севостьянов осуществляет сбор керамики эпохи раннего железного века с территории поселения у с. Братское Надтеречного района[26]. В этом же году им же, во время обследования склонов Сюир-Корта и Сюиль-Корта, было открыто Ханкальское городище № 2, расположенное на одной из вершин горы Сюир-Корт, в 2 км к югу от Грозного. Тогда же М.П. Севостьяновым открывается городище у с. Шеды-Юрт Грозненского района, находящемся в 0,5 км к В от села, на правом берегу р. Терек, где в слое раннесредневекового времени были найдены фрагменты серолощеной керамики с налепным орнаментом, характерные для кобанской культуры ее «скифского» этапа[27]. Одновременно с этим на склонах близлежащих гор им были выявлены Сюир-Кортовские 1-е и 2-е поселения скифского времени[28]. В том же году Н.И. Штанько у устья р. Гехи – Чу, на правом берегу р. Сунжи посещает городище, получившее у В.Б. Виноградова и В.И. Марковина название «Гехинское 2-е поселение»[29]. Е.И. Крупнов, со ссылкой на информацию первооткрывателя, называет этот памятник вначале городищем, а затем поселением, но дату открытия не называет. Так же он упомянут и в сводке В.И. Козенковой. Указано, что среди подъемного материала – фрагменты керамики «скифского» времени. По описаниям Е.И. Крупнова вся керамика, найденная здесь, по технологическим особенностям изготовления и характеру орнамента относится к этому периоду[30].

В 1948–1949 гг. (по Е.И. Крупнову) М.П. Севостьяновым и Е.Г. Дозоровым в районе пос. Черноречье (Новые Алды) открываются 2 новых бытовых памятника (у Е.И. Крупнова – это поселения №№ 1 и 2, у В.Б. Виноградова и В.И. Марковина, а также Р.Д. Арсанукаева – городища, дата открытия и авторы – те же, что и у Е.И. Крупнова) расположенные восточнее и западнее с. Алды, при впадении Черной речки в р. Сунжа и на берегу Черной речки. По уточнению Х.М. Мамаева одно из них (2-е Черноречье) было открыто Т.М. Минаевой в 1945 г., им же было обращено внимание на разнохарактерность информации по ним, допущенную Е.И. Крупновым и в сводке 1966 г. Часть фрагментов керамики документирует наличие слоя раннежелезного века – первой половины I тыс. до.н.э.[31] На эти же годы

приходится обнаружение М.П. Севостьяновым и Н.И. Штанько Комсомольского городища № 1, расположенное к С от села, на берегу р. Аргун. В сборах присутствует и керамика первой половины I тыс. до н.э.[32]

На 50-е гг. приходится посещение М.П. Севостьяновым и Н.И. Штанько расположенного на левом берегу р. Сунжа Закан-Юртовского поселения № 2 (бывшее с. Пригородное), которыми устанавливается его однослойность. Небольшой культурный слой насыщен фрагментами керамики темно-серого цвета со следами лощения, с налепными валиками, в виде мисок и корчаг. Датировано серединой I тыс. до н.э.[33]

В 1950 г. М.П. Севостьянов в районе ст. Первомайской, на ее западной окраине, в Алхан-Чуртовской долине открывает поселение. Среди подъемного материала встречается керамика сарматского времени. В этом же году им посещается Чернореченское городище (поселение ?) № 2, располагавшееся на Черной речке, к З от села, где им собирается керамика, в том числе – эпохи раннего железного века. Тогда же им же открывается поселение в 5 км к СВ от г. Грозного, возле с. Старая Сунжа, а в 0,5 км к В от ст. Петропавловской – еще одно; мощность его культурного слоя – 0,5 м. Однослойные памятники характеризуются керамикой «скифского облика»[34]. В это же время он посещает и Герменчукское городище, на котором побывал еще раз в 1956 г.[35]

В 1954 г. М.П. Севостьянов, на ЮЗ окраине с. Сержень-Юрт Шалинского района, на 4-ой горной левобережной террасе р. Хулхулау, на расстоянии 100–200 м от ее края находит поселение, состоящее из открытой части и 2 холмов – убежищ. В 1957 г. разведки на нем производит В.И. Марковин, раскопки объекта ведут: 1958–1959 – Р.М. Мунчаев, в 1960 г. – Н.Я. Мерперт, в 1961–1962 гг. – Е.И. Крупнов и В.И. Козенкова, в 1963–1966 гг. – В.И. Козенкова. Исследована площадь в 4000 кв.м. Мощность культурного слоя – до 0,8 м. Датировка – начало – середина I тыс. до н.э. На территории поселения была встречена и керамика сарматского типа: 1 сосуд II–IV вв. н.э найден в 1960, отдельные фрагменты керамики – в 1961 г. Отмечается, что полноценный слой этого периода на поселение отсутствует; находки фиксируют кратковременное присутствие сармат на этом памятнике[36]. По мнению В.А. Петренко, образцы зооморфной керамики, найденные здесь, позволяют отнести памятник (сторожевой пост ?) к первым векам н.э.[37]

В 1957 г. Г.С. Симонов открыл Алхан-Юртовское поселение № 2, расположенное в 1 км к СВ от села и в 500 м от висячего моста через р. Сунжу и плотины водоразборного канала, на правобережной пойменной речной террасе. Среди фрагметов – керамика эпохи средневековья, но встречаются и экземпляры раннежелезного века. По мнению В.Б. Виноградова и В.И. Марковина памятник может быть двуслойным, В.И. Козенкова этого не отмечает[38].

В.Б. Виноградов и В.И. Марковин в своей сводке отмечают, что в 1958 г. Г.С. Симонов открывает Сюир-Кортовское поселение № 2, расположенное на ЮВ склоне одноименной горы и занимающее площадь 800х200 (300) м; датировано серединой I тыс. до н.э.[39] В этом же году на 2-й террасе левого берега р. Аргун, в 2 км к ЮЗ от с. Старые Атаги СКАЭ исследуются 5 курганов без признаков захоронений. Под центрами насыпей найдены фрагменты керамики и иногда – кости животных. По мнению Р.М. Мунчаева это или кенотаф, или особый погребальный обряд. Керамические формы – типично позднекобанские, отнесены к VI–V вв. до н.э. Однако, этому факту может быть дано и другое объяснение: насыпи могли быть сформированы из культурного слоя поселения, хотя автор работ и не отмечает такого факта относительно самих курганов[40]. В том же году Р.М. Мунчаев открывает Бачи-Юртовское городище, расположенное на естественно укрепленном холме, на правом берегу р. Мичик, в 3 км к СВ от с. Бачи-Юрт. Разведочный раскоп размерами 1,2х1 м показал двуслойность памятника, мощность

культурного слоя – 1,6 м: нижний относится к середине I тыс. до н.э., сам автор работ датировал его предскифским и «скифским» временем[41].

В 1959 г. Н.Я. Мерперт обследует территорию городища у с. Гвардейское (Али-Юрт) Надтеречного района, расположенного к Ю от селения, на правом берегу р. Терек, где в 1936 г. была найдена керамика раннежелезного века[42]. В том же году, в ходе исследования Бамутских курганов группы 1, в насыпях некоторых из них были встречены фрагменты керамики и кости животных, находящихся в переотложенном состоянии. Раскоп, заложенный Р.М. Мунчаевым показал, что средневековое курганное поле возникло на месте поселения скифского или предскифского времени[43]. Подобный же случай был зафиксирован в предыдущем году у с. Ачхой-Мартан.

В 1960 г. в 1 км к З от городка Иванова Грозненского района, в междуречье рек Сунжи и Терека в 1960 г. Г.С. Симоновым обнаружено распахиваемое поселение, с которого собрана керамика середины I тыс. до н.э. Тогда же им же открывается Ханкальское городище № 3. По данным В.Б. Виноградова и В.И. Марковина, подъемный материал довольно однообразен – его составляют фрагменты керамики скифского времени. По мнению В.И. Козенковой, лишь отдельные фрагменты керамики могут быть отнесены к середине I тыс. до н.э.[44]

В 1961 г. В.И. Марковин открывает и тогда же начинает стационарное исследование Курчалоевского поселения – зольника, расположенного на С окраине села, продолженные им же в 1964 г. Среди основных материалов – предметы, относящиеся к каякентско-хорочоевской археологической культуре. В.И. Козенковой выделено некоторое количество фрагментов серолощеных пятнистых сосудов с налепным орнаментом, характерным для кобанской культуры середины I тыс. до н.э.[45] В том же году им же обнаружены еще 2 бытовых памятника: Гельдигеновское поселение № 1 – к Ю на правом плоском и обрывистом берегу реки, и № 2 – на поле, между вышеуказанным селом и пос. Курчалой Шалинского района. На первом из них В.И. Марковиным был заложен разведочный раскоп, в котором найдены материалы конца бронзового – начала раннежелезного века[46].

В 1962 г. В.Б. Виноградовым и Г.С. Симоновым осматривается открытое ранее (1949 г.) Сюир-Кортовское поселение № 1, протяженностью более 300 м, расположенное на ЮЗ склонах одноименной горы. Среди раннесредневековой керамики встречены фрагметы, относящиеся к раннежелезному веку[47]. В последующем они же продолжают осматривать округу Ханкалы, проводя разведывательные раскопки. Результатом работ стало открытие ряда новых объектов, в т.ч. – раннежелезного века. Выяснилось, что Ханкальские 1-е, 2-е и 3-е городища имели слои скифского времени[48].

В 1963 г. В.Б. Виноградов в ходе разведок осматривает Герменчукское городище, где собирает керамику, в основном – раннего средневековья. В 1966 г. его же посещает М.Х. Багаев. В.Б. Козенкова среди подъемного материала выделила некоторое количество керамики эпохи раннего железного века. Е.И. Крупнов характеризовал памятник как многослойный, от эпохи поздней бронзы до средневековья. Среди прочих им были выделены фрагменты черного цвета с налепами и защипами «скифского» времени[49]. В этом же году В.И. Марковин обследует Центороевское городище, расположенное в Шалинском районе в 1 км к З от села и выявленное В.В. Шапочкой. Судя по материалам – памятник двуслойный, нижний слой датирован VII–IV вв. до н.э.[50]

В 1965 г. на территории Алхан-Калинского городища В.Б. Виноградов ведет работы в 2-х разведочных раскопах общей площадью 36 кв.м, которые дали материал, в т.ч., I–IV вв. н.э. В нижнем поселенческом слое толщиной до 0,05 м были встречены фрагменты мисок, кружек, кувшинов, арбалетновидные фибулы. Отмечается, что на 15-м штыке в раскопах встречается сарматоидная керамика I–IV вв. н.э. Наиболее интересный экземпляр – обломок орнаментированной врезным узором курильницы-

погремушки[51]. По наблюдениям М.П. Абрамовой в нижних слоях памятника были найдены фрагменты красноангобированной керамики что, по ее мнению, свидетельствует о ее местном, не сармато-аланском происхождении[52].

В 1966 г. Р.М. Мунчаев начал работы на Бамутском поселении эпохи поздней бронзы – раннежелезного века, расположенного на левом берегу р. Фортанги, у СВ окраины хут. Веселый, его размеры – 50х100 м. Первоначальная площадь раскопа составила 132 кв.м. В 1967 г. работы были продолжены, вскрыта площадь 368 кв.м. В южной части мощность культурного слоя составила 0,3 м, в северной – 0,7 м. Основная часть находок датируется X–VIII вв. до н.э., однако ряд предметов («площик» с шипом) отнесен к началу ранненжелезного века[53].

В 1967 г. в 500 м к Ю от окраины с. Ножай-Юрт одноименного района, на крутом восточном склоне г. Лехкч-Корт был исследован могильник, состоявший из каменных ящиков. В 700–800 м к С от могильника было найдено поселение. С его территории происходят фрагменты лепной и гончарной керамики серого и черно-серого цвета, в т.ч. – зооморфно оформленные ручки сосудов. Здесь же найдена каменная зернотерка[54]. В ходе работ 1967 г. на Алхан-Калинском городище в нижнем слое была вновь обнаружена керамика позднесарматской культуры. Фрагменты стаканов-курильниц встречались в слоях III–V вв. н.э.[55]

Тогда же начинается планомерное стационарное изучение Ханкальского городища № 2. Всего памятник исследовался 5 полевых сезонов: в 1967, 1968, 1970, 1971 и 1974 г. Первые два года работы вел В.Б. Виноградов, в последующем – он же совместно с В.А. Петренко[56]. Общая площадь раскопа на городище на 1974 г. составила 300 кв.м. Сарматского слоя, как такового, на городище обнаружено не было, находки этого времени малочисленны. Встречались фрагменты ручек сосудов, оформленные в зооморфном стиле. Кроме того, найдена керамика серого, темно-серого и черного цвета, часто – с лощением. По мнению В.И. Козенковой, значительная часть материала относится к V–IV вв. до н.э., но только отдельные фрагменты керамики можно отнести к восточному варианту кобанской культуры середины I тыс. до н.э.[57]. Фрагменты сарматской керамики, найденные на городище, были интерпретированы как следы поминальных пиршеств[58].

В 1970 г. на 2-м Ханкальском городище исследовалась цитадель. Раскоп площадью 130 кв.м дал материалы V в. до н.э. – I в. н.э. Сарматская керамика III в. до н.э. – I в. н.э. отличалась, в т.ч., сходством с посудой предшествующих веков[59]. На территории городища были найдены 29 грунтовых погребений «скифского» и сарматского периодов[60].

В 1968 г. В.Б. Виноградов в 7 км к В от с. Ведено, на вершине г. Эрсен-Корт находит поселение, откуда происходят фрагменты гладкостенных сосудов с налепными валиками, сосцевидными налепами и насечками по венчику, отнесенными В.И. Козенковой к кругу кобанских древностей, но без уточнения временных характеристик[61]. Тогда же исследователем было выявлено поселение на ЮВ от с. Аллерой, располагавшееся на небольшом возвышении. В разведочном шурфе размерами 2х2 м, кроме керамики с обмазкой, встречены и фрагменты гладкостенной посуды, определенные В.И. Козенковой как «близкие керамике кобанской культуры середины I тыс. до н.э.[62] В том же году С.Ц. Умаров на окраине с. Замни-Юрт Ножай-Юртовского района выявляет поселение. Среди подъемного материала – фрагменты гладкостенных сосудов с налепным орнаментом и штамп – двусторонняя пинтадера[63].

В ходе разведок В.Б. Виноградова в 1969 г. в Веденском районе, в 0,5 км от с. Таузень, на дороге к с. Хатуни было открыто поселение. Среди подъемного материала – фрагменты сосудов баночных форм с щипковым налепным орнаментом «скифского» времени. У с. Киров-Юрт было обследовано позднекобанское поселение[64].

В 70-е гг. XX в. (точнее неизвестно) в ходе полевых разведывательных работ в восточной части Терско-Кумского междуречья, в том числе – и в степных районах Чечни, произведенных В.Б. Виноградовым с участием краеведов из г. Кизляра (С.М. Хасаева, Л.М. Ковальчука, А.И. Корабина, Ф.Ф. Клюшкина и В.А. Мялковского), был выявлен и стал достоянием науки ряд предметов интересующего нас времени. Так, из хут. Баклазан известны фрагменты керамики сарматского времени; хут. Капустин: фрагменты сарматской посуды, ручка античной амфоры, серебряная монета-динарий Фаустины младшей II в. н.э., грузик для ткацкого станка; хут. Дур-Дур: фрагменты керамики сарматской эпохи. К западу от ст. Курдюковской – многочисленные фрагменты керамики раннежелезного века, фрагментированный железный нож В рукописи кандидатской диссертации В.А. Петренко данные находки отмечены как развеянные поселения[65].

В 1972 г. на 2-м Ханкальском городище исследовалась цитадель. Раскоп площадью 130 кв.м дал материалы V в. до н.э. – I в. н.э. Кроме того, было найдено 11 грунтовых погребений[66].

В 1972 г. в районе с. Джалка и г. Гудермес в ходе археологической разведки были открыты поселения скифского и сарматского времени. Более детальная информация отсутствует, в рукописи кандидатской диссертации В.А. Петренко материалов из этих памятников нет, их содержит только текст научного отчета[67].

В 1974 г. на 2-м Ханкальском городище вскрывается новый раскоп площадью 54 кв.м с керамикой V–I вв. до н.э. и погребением IV–III вв. до н.э.[68].

В 1975 г. на поселениях №№ 2 и 3 у с. Мартан-Чу были найдены фрагменты керамики VIII–II вв. до н.э., полученные как в ходе осмотра территорий, так и в результате закладки разведочных шурфов. В частности, была установлена двуслойность поселения № 3. Такие же работы были произведены на Горячеводских (ранее – Горячеисточнинских) городищах №№ 1 и 2, расположенных в Грозненском районе, зафиксированная мощность культурного слоя –1 и 2 м, соответственно, были выявлены хозяйственные ямы, зачищена каменная выкладка. Керамические находки документируют заселение памятников в предскифское, «скифское» и сарматское время. Культурный слой Горячеводского городища № 2 датирован от VII–V вв. до н.э. до первых веков н.э. У с. Кулары, на правом берегу р. Сунжи найдено поселение, где была собрана керамика I–IV вв. н.э.[68]

В 1976 г. В.И Козенкова в районе с. Сержень – Юрт Шалинского района открыла поселение с керамикой кобанского типа, относящейся, в том числе, и к эпохе раннего железного века. Данный бытовой памятник был зафиксирован в 400 м к ЮЗ от школы № 1 того же селения, в 300 м к ЮВ от его окраины, на пастбищном выгоне[70].

В 1977 г. М.Х. Багаев в районе Галайтинского могильника обнаружил 2 поселения, материал с которых оказался синхронным данному могильнику. Среди прочих, были встречены фрагменты керамики последних веков до н.э.[71]

В том же году на городище Гумси-Корт, открытого В.А. Петренко на южной окраине г. Малгобека в 500 м от могильника, была найдена керамика, в т.ч. – сарматской эпохи. Памятник имеет сложную фортификационную систему, время его функционирования – от середины I тыс. до н.э. до раннего средневековья. Городища с керамикой сарматского времени были тогда же обнаружены в 3 км от с. Виноградное Грозненского района, у с. Ахкинчу-Барзой (городище Лехчк-Корт – по В.А. Петренко (1977 г.), поселение Лекхачу-Корт – по М.Х. Багаеву) Ножай-Юртовского района. Разведочный раскоп выявил большое количество зооморфно оформленных ручек сосудов. Памятник синхронен расположенному рядом могильнику сарматского времени[72].

В 1978 г. С.Л. Дударев обследует Сержень-Юртовское поселение № 6, открытое годом ранее В.И. Козенковой, и собирает на нем интересную

коллекцию фрагментов керамики, в том числе – серого цвета с заглаженной и подлощенной внешней поверхностью, плотным черепком и примесью ракушки в формовочной массе. По его мнению это напоминает образцы керамики сарматского типа[73].

В 1980 г. в 1 км к СЗ от с. Бельты Ножай-Юртовского района, на левом берегу р. Гумс было обнаружено поселение, по находкам керамики – I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.[74]

В 1981 г. В.Б. Виноградов на Ю окраине с. Ялхой-Мохк того же района зафиксировал раннесредневековое поселение. По мнению М.Х. Багаева, на нем должен быть и слой раннежелезного века, т.к. рядом с памятником находится могильник скифо-сарматского времени[75].

В 1982 г. в районе Бельтинского могильника № 4 на левом берегу р. Гумс В.А. Петренко было зафиксировано поселение, вытянутое по вершине г. Сярмик-Дук с юга на север на расстояние 200 м. Шурф выявил культурный слой мощностью 0,8 м. Среди керамики – фрагменты чернолощеной посуды, венчики сосудов с налепным щипковым орнаментом. Дата – последние века до н.э. – первые века н.э.[76]

В этом же году М.Х. Багаев закладывает на Герменчукском городище разведочный раскоп который, при глубине в 4,6 м, по общей площади составил около 50 кв.м. В целом набор керамических форм средних и нижних слоев, т.е. основной толщи культурных напластований (миски, кувшины, горшки черных и серых цветов, ритуальные «курильницы» с нарезным орнаментом), в настящее время датирован III–II вв. до н.э. – II–III вв. н.э., тогда как ранее основное время существования городища относилось к раннему средневековью и золотоордынскому периоду[77].

В 1986 г., в ходе проведения разведочных работ на территории Шалинского района, неподалеку от Сержень-Юртовского могильника автором настоящей публикации были зафиксированы два новых поселения эпохи раннего железного века. Так, на ЮВ окраине села, на расстоянии 70 м к Ю от автодороги Шали – Сержень-Юрт – Ведено, в 370 м к ЮВ от здания школы № 1 с. Сержень-Юрт местными жителями осуществлялась несанкционированная выборка грунта. В борту образовавшегося котлована была выявлена прослойка мешаного грунта с угольками и фрагментами керамики. При осмотре прилегающей территории был установлен участок размерами 25х45 м, в границах которого найдены фрагменты керамики кобанского типа VI–IV вв. до н.э. Данное местонахождение было обозначено как «Сержень-Юртовское поселение № 6». В 120 м к Ю от той же дороги и 90 м к Ю от поселения № 6, в 390 м к ЮВ от той же школы в котловане была зафиксирована хозяйственная яма с узким устьем и широким основанием. К кей примыкал участок культурного слоя мощностью в 0,2–0,25 м, слабо насыщенный фрагментами керамики и турлука. При осмотре прилегающего участка была установлена зона распахиваемого поселения размерами 125 х 50 м, получивная наименование «Сержень-Юртовское поселение № 7». Дата функционирования – VI–II вв. до н.э.[78].

В том же году археологической лабораторией НИСа ЧИГУ им. Л.Н. Толстого (руководитель экспедиции – В.Б. Виноградов, начальник отряда – С.Н. Савенко) был раскопан отдельный курган, находившийся на ЮЗ с. Ачхой-Мартан. Насыпь оказалась состоящей из грунта, взятого при его сооружении с территории многослойного поселения, находящегося в 60 м к ЮЗ от кургана. Среди скоплений керамики (тризна?) встречены многочисленные образцы, относящиеся к раннежелезному веку. Вновь выявленный памятник датирован авторами работ I тыс. до н.э.– I тыс. н.э.[79]

В 1989 г. становится известно о наличие в районе восточной оконечности Сунженского хребта, в районе с. Дарбан-Хи раннесредневекового городища со сложной системой фортификации. Среди подъемного материала встречены фрагменты керамики, относящиеся к раннежелезному

веку. При публикации предварительной информации по памятнику было отмечено, что оно было устроено на месте более раннего поселения, что предполагает наличие культурного слоя[80].

В ходе разведочных работ на городищах Самашкинское №№ 1 и 2, Закан-Юртовские №№ 1, 2, 3, выполненных археологической лабораторией НИСа ЧИГУ (Е.И. Нарожный) в 90-х гг. XX в. была встречена, в том числе, и керамика сарматского времени[81]. В 1986–1991 гг. с территории Алхан-Калинского городища собирался подъемный материал, который хранился в фондах Чечено-Ингушского краеведческого музея и археологической лаборатории НИСа ЧИГУ[82]. В его составе присутствовала и керамика эпохи раннего железного века. Данная коллекция не была обработана и опубликована.

В 1990 г. было открыто и частично раскопано поселение в 3 км к В от ст. Ильиновской. Обнаруженные материалы позволяют датировать данный бытовой памятник серединой I тысячелетия до н.э.[83] В 1991 г. работы на поселении были продолжены, однако отчет о произведенных работах автором раскопок Е.В. Ростуновым подготовлен не был и в Полевой комитет не поступал.

В сентябре 2009 г., в 2 км к З от с. Кень-Юрт, на правом берегу р. Терек, в точке размежевания Грозненского и Надтеречного района, в траншее для укладки трубы газопровода высокого давления Моздок–Грозный, при производстве надзорных археологических работ, выполнявшимся департаментом по охране культурного наследства министерства культуры ЧР (автор работ – *Бекмурзаев С.Х.*), было выявлено городище. Мощность зафиксированного культурного слоя составила от 1 до 1,3 м. В ходе прочистки контрольного участка длиной 2 м установлен однородный культурный слой, насыщенный костями животных и фрагментами керамики. В коллекции представлены стенки и венчики небольших горшков, части орнаметированных мисок, горловины и плечики невысоких кувшинов. Большая часть находок может быть предварительно отнесена к кобанским древностям финальной стадии эпохи поздней бронзы и раннего железного века. Некоторые фрагменты по технике изготовления, характеру исполнения формовочной массы и добавкам к тесту имеют аналогии в местной керамике сарматского периода.

Динамику обнаружения поселений и городищ эпохи раннего железного века на территории Чечни можно проследить по работам монографического характера, а также ряду диссертационных исследований. Так, на 1960 г. Е.И. Крупнов для изучаемой нами территории учел 23 бытовых памятника «скифского» периода[84], В.Б. Виноградов на период с 1962 по 1972 гг. отмечает находку еще 16 поселений этого времени[85], у В.И. Козенковой на 1977 г. таковых 42 объекта. При этом следует учитывать, что последним ученым в расчет принимались и отдельные находки фрагментов керамики с поверхности памятников, без установления наличия полноценного культурного слоя[86].

В 1963 г. В.Б. Виноградов в своей монографии обобщил известные к тому времени памятники сарматского времени с территории Северо-Восточного Предкавказья. В том числе автор отметил ряд поселений и городищ с керамикой сарматского облика происходящие, в том числе, с территории Чечни. К этому времени исследователю были известны 11 городищ и 3 поселения[87]. На 1980 г. В.А. Петренко были учтены 27 бытовых памятников сарматского периода[88]. В работе Р.Д. Арсанукаева учтены более 40 подобных объектов, точнее установить проблематично из-за некорректности приводимой информации, т.к. многие памятники даны без указания на конкретные материалы[89].

Если учесть статистические данные по всем бытовым памятникам с середины VIII в. до н.э. по IV в. н.э., то получится следующая картина: В.Б. Виноградову и В.И. Марковину к 1966 году были известны 39 пунктов, по

нашим подсчетам таковых было 56: 30 городищ и 26 поселений. На настоящее время достоянием исследователей стали 88 памятников: 37 городищ и 51 поселение, изученных с различной степенью полноты и имеющих разную насыщенность древними артефактами. Анализ их содержательной части а также историографический обзор будет произведен автором в последующих публикациях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. На этот счет существуют и иные мнения – см.: *Козенкова В.И.* Поздняя бронза в Терско-Сунженском бассейне: дискуссионные вопросы периодизации и хронологии // XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конференции. Магас, 2010. С. 201.

2. *Дударев С.А.* Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека. Автореферат дисс… к.и.н. Киев, 1983. С. 15, 20.

3. Степи Евразийской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 281; Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии в V–VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 10.

4. *Дударев С.А.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго–Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX в. до н.э. – первая половина VII в. до н.э.). Армавир, 1999. С. 3.

5. *Петренко В.А.* Погребальный обряд населения Юго-Восточной Чечни в III в. до н.э. – IV в. н.э. как этнический показатель //АВСИСК. Грозный, 1979. С. 28.

6. *Мамаев Х.М.* Средневековые бытовые памятники равнинно-предгорной зоны Среднего Притеречья (некоторые вопросы изучения) // Известия ВУЗов, Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». Ростов-на-Дону, 2009. № 3А. С. 19–23.

7. ОАК за 1882–1888 гг. СПб., 1891. С. CCLIII–CCLV.

8. *Багаев М.Х., Мамаев Х.М.* Герменчукское городище в Чечне (вопросы хронологии) // XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конференции. Магас, 2010. С. 28.

9. Архив ЛО ИА РАН. Ф-1, АК 1900/54. С. 15–16; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный вариант. САИ. М., 1977. Вып. В 2–5. С. 49.

10. Архив ЛО АН РАН. Ф. 45/40. Л.л. 22, 104; *Круглов А.П.* Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии в 1936 г. // Записки Чечено-Ингушского НИИ языка и истории. Грозный, 1938. С. 4–13; *Крупнов Е.И.* Древняя история ... С. 163–164; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (материалы к археологической карте). Грозный, 1966. С. 120, 123, 124; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный ... С. 50–51.

11. *Крупнов Е.И.* Древняя история ... С. 162.

12. *Петренко В.А.* в своем диссертационном исследовании ссылается на: *Подгаецкий Г.В.* Отчет о раскопках в Чечено-Ингушетии в 1938 г., архив ЛОИА. Ф-35,1938/118. Х.М. Мамаев – на архив ЛО ИА РАН. Ф. 45,1939. № 56. См.: *Мамаев Х.М.* О хронологии Алхан-Калинского городища // XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конференции. Владикавказ, 2008. С. 239; *Он же:* Из истории археологического изучения Чечни (к 75-летию начала работы Чечено-Ингушской археологической экспедиции ГАИМК и Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК) // Вестник Академии наук ЧР. Грозный, 2008. Вып. 1. С. 93–96.

13. *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Архелогические памятники ... С. 113; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный ... С. 55.

14. *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 115.

15. *Мамаев Х.М.* Из истории археологического изучения Чечни (к 75-летию начала работы ЧеченоИнгушской археологической экспедиции ГАИМК и Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК) / Вестник Академии наук ЧР. Вып. 1. С. 94.

16. *Крупнов Е.И.* Древняя история ... С. 163; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 122.

17. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный ... С. 56.

18. *Виноградов В.Б., Марковин В.А.* Археологические памятники ... С. 98.

19. *Артамонова-Полтавцева О.А.* Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период (по материалам экспедиции 1937–1938 гг.) // СА. № XIV за 1950 г.; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 107.

20. *Крупнов Е.И.* Древняя история ... С. 161; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный ... С. 51; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 65.

21. *Минаева Т.М., Штанько Н.И.* Разведки в долине р. Сунжи // Сборник трудов Ставропольского пединститута. Ставрополь, 1958. Вып. 13. С. 413–432; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный ... С. 51; *Крупнов Е.И.* Древняя история ... С. 162; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 56.

22. *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 122; *Крупнов Е.И.* Древняя история ... С. 163.

23. *Крупнов Е.И.* Археологические работы в Кабарде и Грозненской области // КСИИМК. М., 1950. Вып. XXXII. С. 94; *Он же*: Древняя история ... С. 162; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный ... С. 51–52.

24. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 153; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 120–121.

25. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. С. 163; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники... С. 121–122.

26. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный ... С. 50.

27. *Петренко В.А.* К интерпретации погребений на 2-м Ханкальском городище // VII Крупновские чтения. Тезисы докладов. Черкесск. 1977. См.: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения (1971–2006 гг.). М., 2008. Вып. VIII. С. 182–183; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный ... С. 50.

28. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Ханкальские древности – источник по истории и культуре местных племен I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Армавир, 1999. С. 4.

29.Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С. 113.

30. *Крупнов Е.И.* Древняя история ... С. 161–162.

31. *Крупнов Е.И.* Древняя история ... С. 162; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 114; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный ... С. 51; *Арсанукаев Р.Д.* Вайнахи и аланы. Баку. 2002. С. 151; *Мамаев Х.М.* Средневековые бытовые памятники равнинно-предгорной зоны Среднего Притеречья (некоторые вопросы изучения) // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». Ростов-на-Дону, 2009. № 3А. С. 21–22.

32. *Крупнов Е.И.* Древняя история ... С. 163; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 112.

33. *Крупнов Е.И.* Древняя история ... С. 161; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный ... С. 51.

34. *Крупнов Е.И.* Древняя история ... С. 163. У данного автора этот памятник назван поселением; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 114, 119.

35. *Багаев М.Х., Мамаев Х.М.* Герменчукское городище в Чечне (вопросы хронологии) // XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. С. 28.

36. *Виноградов В.Б.* Сарматы ... С. 118. Рис. 44,7–8; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 88–89; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный ... С. 50.

37. *Петренко В.А.* Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н.э. – IVв. н.э.). Диссертация ... к.и.н., рукопись, приложение. Грозный, 1980. С. 37.

38.*Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники... С. 66; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный ... С. 52.

39. *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники... С. 118. Однако в дальнейшем В.Б. Виноградов и В.А. Петренко называют уже другую дату открытия поселений на склонах г. Сюир-Корт, 1949. См.: *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Ханкальские древности ... С. 4.

40. *Мунчаев Р.М.* Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии //КСИА. М., 1961. Вып. 84. С. 62; *Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н.* Работы Чечено-Ингушского университета //АО 1986 г. М., 1988. С. 115.

41. *Виноградов В Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 94; *Арсанукаев Р.М.* Вайнахи и аланы. С. 153.

42. Архив ИА АН РАН. Р-1. № 1994.

43. *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 59.

44. *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 114–115; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный ... С. 51.

45. *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ...С. 92; Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный ... С. 53.

46. *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 93.

47. *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 117–118.

48. *Виноградов В.Б., Исламов А.А.* Новые археологические находки в Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИ. Грозный, 1965. Вып. 1. Т. VI. С. 163–167; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* 1966. С. 117–119; *Виноградов В.А., Петренко В.А.* Ханкальские древности ... С. 5.

49. *Крупнов Е.И.* Древняя история ... С. 164; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 91; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный ... С. 51; *Багаев М.Х.* Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вейнахов с гор на плоскость (XIII–XVI вв. // АЭС. Грозный, 1968. Т. II. С. 64, сноска 1.

50. *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 94.

51. *Виноградов В.Б.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 г. // АЭС. Грозный, 1968. Т. II. С. 211.

52. *Абрамова М.П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени //СА. 1979. № 2. С. 49.

53. *Магомадов А.Р.* Бамутское поселение – новый памятник кобанской культуры // СА. 1972. № 2. С. 110–126.

54. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Могильник сарматской эпохи на горе Лехкч-Корт (Юго-Восточная Чечня) //СА. 1974. № 1. С. 179. Рис. 5,1–3; *Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Умаров С.Ц.* Полный научный отчет Северокавказской археологической экспедиции о работах 1967 г. // Архив ИА АН РАН. Р-1, № 3450. С. 37–48; *Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Северо-Кавказская экспедиция //АО 1967 г. М., 1968. С. 66; *Виноградов В.Б.* Через хребты веков. Грозный, 1970. С. 38–45; *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Могильник сарматской эпохи на горе Лехкч-Корт (Юго-Восточная Чечня) // СА. 1974. № 1. С. 171–180. Рис. 1–4.

55. *Виноградов В.Б.* Через хребты веков. М., 1960. С. 71–90; *Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Северокавказская экспедиция // АО 1967 г. М., 1968. С. 65–66; *Виноградов В.Б., Рунич А.П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. Грозный, 1969. Т. III. С. 102, 129. Рис. 9–12.

56. *Виноградов В.Б.* Отчет о работе I отряда СКАЭ в 1967 г. // Архив ИА АН РАН р-1. № 3450; *Он же*: Отчет о полевых работах I отряда СКАЭ в 1968 г. // Архив ИА ИН РАН р-1, № 3757; *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Отчет о полевых работах I отряда археологической экспедиции ЧИНИИ летом 1970 г. // Архив ИА АН РАН р-1 № 4535; *Петренко В.А., Виноградов В.Б.* Отчет об охранных раскопках Ханкальского 2-го городища в 1971 г. // Архив ИА АН РАН р-1, № 6858; *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Отчет о полевых работах в ЧИАССР в 1974 г. // Архив ИА АН РАН р-1 № 53667.

57. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Ханкальские древности ... С. 7; *Козенкова В.И.* Кобанская культура Восточный ... С. 51.

58. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников //Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 27.

59.*Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Раскопки 2-го Ханкальского городища // АО 1970 г. М., 1971. С. 113–115.

60. *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 64, 110, 349–350; *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников //Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. С. 15–36.

61. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный ... С. 53.

62. *Виноградов В.Б.* Отчет о раскопках 4-го отряда СКАЭ в 1968 г. //Архив ИА АН РАН, р-1, № 3757.

63. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный... С. 53; *Виноградов В.Б.* Центральный ... Рис. 48,2.

64. *Виноградов В.Б.* Раскопки памятников раннего периода железного века в Чечено-Ингушетии // АО 1969 г. М., 1970. С. 97; *Виноградов В.Б.* Отчет о раскопках СКАЭ в 1969 г. // Архив ИА АН РАН, р-1, № 4668.

65. *Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мялковский В.А.* К этнической истории Северо-Западного Прикаспия в I тыс. до н.э. – XVIII в. н.э. (предварительное сообщение) // АВЭИСК. Грозный, 1979. С. 45–58; С. 54. Рис. 5,1–29; С. 49. Рис. 2, 11; С. 4в. Рис. 2, 13, 17, 20; Рис. 4,14–15, 31; С. 48. Рис. 2, 12, 14–16; С. 48. Рис. 2,21–34; *Петренко В.А.* Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху, приложение. С. 37–38.

66. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Раскопки 2-го Ханкальского городища //АО 1970 г. М., 1971. С. 113–115.

67. *Даутова Р.А., Петренко В.А.* Новые археологические памятники в Чечне // АО 1972 г. М., 1973. С. 123–124; *Петренко В.А.* Отчет о полевых исследованиях разведочно-рекогносцировочного отряда археологической экспедиции ЧИНИИ в 1972 г. // Архив ИА АН РАН, р-1, № 4930.

68. *Виноградов В.Б., Дударев С.А., Мамаев Х.М., Петренко В.А.* Разведочные работы в Чечено-Ингушетии // АО 1974 г. М., 1975. С. 101.

69. *Виноградов В.Б., Мамаев Х.М.* Исследование раннесредневековых памятников Чечено-Ингушетии // АО 1975 г. М., 1976. С. 116; *Петренко В.А., Дударев С.А.* Разведки памятников эпохи раннего железа в Чечено-Ингушетии // Там же. С. 142–143.

70. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный .... САИ. М., 1977. Вып. В2–5. С. 126–127.

71. *Багаев М.Х.* Раскопки у с. Галайты // АО 1977 г. М., 1978. С. 103–104.

72. *Петренко В.А.* Раскопки и разведки памятников раннежелезного века в Чечено-Ингушетии // АО 1977 г. М., 1978. С. 136–137; *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Могильник сарматской эпохи на горе Лехчк-Корт (юго-восточная Чечня) // СА. 1974. № 1. С. 180; *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. – XII в. н.э.). М., 2008, С. 85. В работе В.А. Петренко 1977 г. памятник у с. Ахкинчу-Барзой назван городищем, в его же работе 1974 г. – поселением. Вероятно, это разные объекты, т.к. оно было найдено в 1967 г. а материалы – частично опубликованы в 1974 г.

73. *Дударев С.А.* Отчет о работах 4-го отряда ППАЭ ЧИГУ им. Л.Н. Толстого и Кисловодского филиала Ставропольского краеведческого музея им. Г.К. Праве // Архив ИА АН РАН, р-1, № 7290.

74. *Ерзанукаева К.З.* работы в Юго-Восточной Чечне // АО 1980. М., 1981. С. 102.

75. *Виноградов В.Б.* Работы в ущелье р. Гумс //АО 1981 г. М., 1982. С. 111; *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. С. 85.

76. *Петренко В.А.* Разведки в ущелье р. Гумс //АО 1982 г. М., 1984. С. 132.

77. *Багаев М.Х., Мамаев Х.М.* Герменчукское городище в Чечне. С. 29; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники ... С. 91.

78. *Бурков С.Б.* Отчет о разведках 4-го отряда ППАЭ ЧИГУ им. Л.Н. Толстого в сезоне 1986 г. в Шалинском районе ЧИАССР // Архив ИА АН РАН, р-1, № 12227.

79. *Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н.* Работы Чечено-Ингушского университета //АО 1986 г. М., 1988. С. 115; *Бурков С.Б., Прокопенко Ю.А.* Подкурганные погребения раннего железного века – эпохи раннего средневековья с территории предгорной Чечни. Ставрополь, 2008. С. 83–84, 88–90.

80. *Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н.* О Шелкозаводском городище хазарского времени на Тереке // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2003. Вып 1. С. 97, 100. Рис. 1. № 2.

81. *Нарожный Е.И.* К изучению бытовых памятников среднего течения реки Сунжи // Тезисы докладов и сообщений III зональной северокавказской олимпиады по археологии и краеведению. Грозный, 1991. С. 480.

82. *Нарожный Е.И.* О находках золотоордынского времени с территории Алхан – Калинского городища (Чечня) // Древности юга России. М., 2008. С. 526.

83. *Дударев С.А., Ростунов Е.В.* Ильиновское поселение эпохи раннего железа // Университетская экспозиция результатов новостроечных и охранных археологических работ 1989–1990 годов. Грозный, 1991. С. 7–9; *Дударев С.А., Ростунов Е.В., Тимашов В.В.* Керамика Ильиновского поселения // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990 гг.). Грозный, 1991. С. 56–59. Рис. 1,1–14.

84. *Крупнов Е.И.* Древняя история ... С. 152–153, 161–165.
85. *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный … С. 76–68.
86. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный … С. 49–56.
87. *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 112–118.
88. *Петренко В.А.* Культура населения Среднего Притеречья ... Приложение. С. 37–39.
89. *Арсанукаев Р.Д.* Вайнахи и аланы. Баку, 2002. С. 142–158.

Гадиев У.Б. (г. Магас)

ТХАБА-ЕРДЫ. ХРИСТИАНСКИЙ ХРАМ VIII–IX вв.

В горной Ингушетии, в верховьях р. Ассы, около развалин средневекового башенного поселения Хайрах, расположен храм Тхаба-Ерды – одна из древнейших христианских построек на территории нашей страны. Памятнику с момента его первой фиксации в 1781 году[1], посвящена обширная научная литература. В настоящие дни Тхаба-Ерды продолжает привлекать к себе огромный интерес со стороны архитекторов, археологов, искусствоведов, представителей других научных дисциплин.

Предметом научной полемики еще с конца XIX века является вопрос времени первоначального строительства храма. Первым датировку Тхаба-Ерды 830 годом предложил в своей работе 1888 г В.Ф. Миллер. Она основывалась на чтении лапидарных надписей на стенах памятника Д.З. Бакрадзе, выполненных на грузинском языке[2].

Другую хронологию для Тхаба-Ерды предложил Л.П. Семенов – не ранее XII века[3], с чем согласился Е.И. Крупнов[4]. Также эта точка зрения была поддержана А.И. Шахвелишвили[5] и Г.З. Анчабадзе[6].

Крупнейший грузинский ученый, искусствовед и архитектор Г.Н. Чубинашвили выделил несколько периодов в строительстве Тхаба-Ерды – VIII–IX вв., рубеж X–XI, и XV–XVI вв.[7] Г.Н. Чубинашвили сделал самый подробный анализ архитектурных форм и художественных элементов памятника, предложив наиболее аргументированную версию времени возведения храма.

Датировка Тхаба-Ерды, выдвинутая Г.Н. Чубинашвили, встретила широкую поддержку в работах Г.Г. Гамбашидзе[8], Л. Химшиашвили и М. Антадзе[9], В.Б. Виноградова[10], Н.Н. Бараниченко[11], З.Ш. Дидебулидзе[12] и Т.С. Папуашвили[13].

Близкой точки зрения придерживается и В.В. Пищулина, определяющая для Тхаба-Ерды датировку IX в.[14]. Вместе с тем, для Тхаба-Ерды исследовательница привела также и аналогии с храмами Грузии и Армении более древнего периода – V–VII вв., в основном акцентируя внимание на параллели планировочной структуры и совпадения модулей построения памятников[15].

М.Б. Мужухоев отнес строительство Тхаба-Ерды к концу XI начала XII века, ко времени царствования в Грузии Давида Строителя (1089–1125 гг.). Автор провел сравнительный анализ конструктивных деталей, декора и скульптурного материала Тхаба-Ерды с аналогичными элементами на христианских постройках Грузии эпохи раннего средневековья[16].

В.А. Кузнецов, на основании изучения материалов склепов, раскопанных в южной галерее, орнаментики каменной купели, а также расшифровки надписей на черепицах, обнаруженных в процессе раскопок, и фиксирующих имя католикоса Мелхиседека I, выдвинул свою точку зрения о датировке Тхаба-Ерды. Она сводится к тому, что, в целом, дата возведения храма Тхаба-Ерды может быть ограничена первой половиной XI века[17].

Наиболее оригинальную версию относительно времени первоначального строительства храма Тхаба-Ерды, а также трактовки его основных конструкций, выдвинул В.А. Кузьмин. По мнению архитектора, дата возведения Тхаба-Ерды XII–XIV вв., а памятник не несет в себе никаких следов

переделок или перестроек[18]. Последнее встретило в трудах кавказоведов обоснованное возражение, так как версия В.А. Кузьмина никак не объясняла наличие на Тхаба-Ерды стилистических разновременных элементов орнаментики, а также многочисленные вертикальные строительные швы, свидетельствующие о широкомасштабных перестройках на храме в разные исторические периоды[19].

Дату рубежа X – начало XI вв. для Тхаба-Ерды предложили А.Ю. Казарян и Д.В. Белецкий. К таким результатам исследователи пришли после анализа основных орнаментальных форм памятника[20]. Вместе с тем, авторы отметили сложность датировки храма Тхаба-Ерды, связанная с глубокими архаическими истоками ряда архитектурных элементов памятника[21].

Таким образом, в работах российских и грузинских исследователей датировка храма Тхаба-Ерды не выдержана в определенном хронологическом отрезке и вписывается в достаточно широкий промежуток времени от VIII до XIV вв. При этом, по мнению автора, время первоначального строительства храма Тхаба-Ерды может быть определено в рамках VIII – середины IX вв.

Памятник имеет несколько этапов строительства. На это указывают перемещенные резные блоки в стенах, стоящие не на своих первоначальных местах, а также вертикальные строительные швы, разный строительный материал, техника кладки в восточной и западной частях памятника. Как правильно отметили А.Ю. Казарян и Д.В. Белецкий, легче всего определяется позднесредневековый «слой» памятника, и гораздо сложнее обстоят дела с выявлением более ранних этапов его строительства[22].

Действительно, на Тхаба-Ерды имеются ряд элементов, находящие ближайшие аналогии на раннесредневековых христианских храмах Грузии и Армении, относящиеся к периоду V–VII вв. На это в свое время указывал еще и Г.Н. Чубинашвили[23]. Прежде всего, обращают на себя внимание карнизы в виде плиты с рядом глубоких подковообразных арочек. Как пишут А. Ю. Казарян и Д.В. Белецкий, аналогии таким карнизам известны на христианских храмах Закавказья второй четверти VII века. Прежде всего, это Мцхетский Джвари, Самцевриси (Грузия), а также Аламан, Агарак, Мрен, Мастара, Одзун (Армения)[24]. От себя добавим, что данный список можно расширить еще несколькими примерами – подобные карнизы находят аналогии и на других памятниках Закавказья VII века. В частности, это храмы Цроми (Грузия)[25], Вардаблур и Дорбант (Армения)[26]. Еще в одном случае подобный мотив подковообразных арочек представлен на декоре престола северного придела Болниского Сиона. По мнению Г.Н. Чубинашвили данный мотив в декоре указывает на VII век[27].

Карнизы в виде плиты с подковообразными арочками расположены на Тхаба-Ерды в кладке по внешнему фасаду южной стены, в арке западного фасада, на внутренней стороне северной стены храма, а также в кладке пилонов, членящих пространство наоса центрального зала на четыре части. Вне кладки эти карнизы находятся в интерьере центрального объема и в настоящее время лежат вдоль его продольных стен. Отметим также что недавно, в процессе авторских раскопок в северном приделе Тхаба-Ерды, обнаружен еще один блок подобного образца. Он выявлен в раскопе в центральной части придела, около северного входного проема.

К материалам VI–VII вв., по всей видимости, следует относить консоли Тхаба-Ерды. На некоторых из них есть рельефы святых лиц, лучников, а также животных – оленей, кошки, рыси, льва, сэнмурва. Аналогии им также известны на закавказских памятниках VI–VII вв. В частности, изображения лучника и оленей на гранях консолей Тхаба-Ерды, перекликаются со сценой охоты лучника на оленей, отмеченной на фасадах Атенского Сиона VI–VII вв.[28]. Также близкие параллели обнаружены и на храме VII в. Мартвили, в Грузии[29]. А.Ю. Казарян и Д.В. Белецкий, говоря о консолях Тхаба-Ерды отмечают: «… по месту своего расположения, по функции

и декору ближайшими аналогами им следует считать консоли зальных церквей армянской области Ташир, на юго-востоке древней провинции Гугарк (Гогарена). Там, в церквях Куртана, Гюлагарака, Вардаблура (Джиграшена) середины и второй половины VII в. они расположены в средней зоне стен основного объема, обращены в обходы (также как и на Тхаба-Ерды – *У.Г.*) и, вероятно, несли подпружные арки или деревянные балки их перекрытий»[30]. Здесь отметим, что Тхаба-Ерды и указанную церковь Вардаблура сближает не только тип постройки (зальная церковь с приделом) и консоли, расположенные в средней зоне стен храмов, обращенные в обоих случаях в обходы, но и плиты с подковообразными арками. Они фиксируются на Тхаба-Ерды на южном, западном, и северном ее стенах, а на Вардаблуре на фронтоне западной стены. Поэтому общие параллели, отмеченные А.Ю. Казаряном и Д.В. Белецким между ингушским и армянскими храмами, видятся нам вполне обоснованными.

Показательны в качестве древнего элемента и некоторые типы декора на конструктивных деталях Тхаба-Ерды в восточной части памятника, считающейся дошедшей до наших дней от первоначальной постройки VIII–IX вв. В частности, это орнамент на скошенной грани импостного блока под пятами приабсидной арки Тхаба-Ерды, которая перекликается с подобным же блоком приабсидной капители Болнийского Сиона[31]. Орнамент же на полочке импоста имеет близкие параллели с западной капителью Самшвилдского собора VIII века[32].

С самого начала изучения храма Тхаба-Ерды исследователи мало обращались к анализу кровельного материала памятника, акцентируя основное внимание лишь на черепицах из раскопок Г.Г. Гамбашидзе, имевших надписи на древнегрузинском языке. Последнее позволило Г.Г. Гамбашидзе по палеографическим признакам датировать черепицу из Тхаба-Ерды (как и другие лапидарные надписи памятника) второй половиной X – первой половиной XI в.[33]. Вместе с тем, несколько шире на данную проблему смотрел Г.Н. Чубинашвили. Он, в частности, относил фрагменты черепиц Тхаба-Ерды, украшенных сильно выпуклыми крестами, к основной постройке VIII–IX веков, проводя аналогии с черепицами в коллекциях Музея Грузии из Урбниси[34]. Кроме того, к этому же периоду грузинский ученый относил и акротерную черепицу от кровли Тхаба-Ерды, имевшую на внешней стороне изображение мотива древа жизни[35], другую же – с надписями на древнегрузинском языке, он относил к последующему за VIII–IX вв. периоду[36]. Здесь, соглашаясь с мнением Г.Н. Чубинашвили относительно разновременности материалов кровли Тхаба-Ерды, можно отметить, что черепицы с выпуклыми крестами, без надписей, отмеченные на храме Тхаба-Ерды, имеют близкие аналогии на храме Гурджаани VIII–IX вв. в Грузии[37]. Таким образом, можно говорить, что в различные исторические периоды Тхаба-Ерды был перекрыт черепицей, по крайней мере, относящейся к двум хронологическим периодам – VIII–IX и X–XI вв. Все это нужно объяснять фактом реконструкций и ремонтов памятника на разных этапах его строительной истории. Полагаем, что наиболее крупные ремонтно-восстановительные работы на Тхаба-Ерды производились во второй половине X – первой половине XI в.

В восточной приапсидной части храма Тхаба-Ерды, выше алтарного полукружия центрального зала, устроен синтрон. По мнению исследователей, его наличие на христианских постройках говорит в пользу того, что храмы с подобными элементами были епископскими, то есть религиозная служба, и другие культовые действия в храме возглавлял епископ, настоятель храма. В случае с Тхаба-Ерды, и в контексте находок на памятнике лапидарных надписей с упоминанием епископа Георгия, а также изображения его фигуры в арке западного фасада, подобные наблюдения закономерны. Уместно вспомнить здесь и указание Джанашвили М.Г., который на основании грузинских письменных источников писал, что

в 830 г. грузины в местечке Тхаба-Ерды основали монастырь с кафедрой епископа[38]. Таким образом, можно говорить, что храм Тхаба-Ерды был епископским, а синтрон в нем предназначался для высших церковных иерархов, которые во время ритульных обрядов восседали на нем и участвовали в различных религиозно-культовых действиях.

Интересно мнение В.В. Пищулиной относительно синтрона в Тхаба-Ерды. Она отмечает, что синтрон считается непременной принадлежностью византийского храмостроения и не согласуется с литургической обстановкой грузинских и армянских церквей X–XII вв.[39]. В случае правильности утверждений автора, косвенно это может говорить в пользу датировки Тхаба-Ерды VIII или IX веком.

Так, каким же периодом можно датировать Тхаба-Ерды? VI–VII, VIII–IX или X–XI вв.? Выше мы показали, что некоторые элементы памятника восходят к закавказской строительной традиции чуть ли не эпохи VI–VII вв. Однако, на уровне имеющихся исследований, мы не считаем возможным датировку храма Тхаба-Ерды столь ранним временем, хотя и допускаем, что, окончательное решение этого вопроса видится только за археологическими исследованиями. По нашему же мнению Тхаба-Ерды мог быть воздвигнут в VIII – первой половине IX в. На это может указывать, помимо приведенных выше наблюдений, следующее:

1. В северном и южном пределе Тхаба-Ерды, а также под восточным алтарным окном Г.Г. Гамбашидзе изучены 5 подземных склепов IX–XII вв, причем в одном из склепов была обнаружена золотая византийская монета середины IX века. Соотвественно храм Тхаба-Ерды не мог быть возведен позже середины IX века.

2. Фигуры на западном фасаде памятника имеют близкие паралелли с барельефной композицией на храме царя Ашота Куропалата в Грузии, возведенного в первой четверти IX в. н.э. В обоих случаях – сюжет преподнесения модели храма Христу.

3. Двойные окна Тхаба-Ерды, устроенные в нише восточной стены, находят ближайшие аналогии на христианских храмах Кусирети, Цирколи и Кавтиса в Грузии – в постройках VIII–IX вв.

Приведенной нами точке зрения не противоречат и данные письменных источников. Так, первые попытки христианизации горцев Центрального Кавказа со стороны Грузии относятся еще к IV в. н.э., и связаны с именем святой Нино. Так, «просветительница Грузии» направилась к горцам, не желавшим креститься, с эриставом и царским войском, в результате чего горцы сокрушили свои идолы»[40].

В последующие века грузинские правители также продолжают насаждать христианство в среде своих северных соседей. В частности, такие события имели место при царе Мириане в конце IV – начале V вв. и при его сыне Бакаре. Последнему удалось обратить в христианство большинство кавкасионов[41].

Еще Г.Н. Чубинашвили обратил внимание на то, что факт христианизации ингушей по данным письменных источников нашел свое отражение в известной арабской версии жития Григория Просветителя, памятника VII–VIII века, где упоминается не только о распространении Григорием христианства в Дзурдукетии, но и об установлении там епископства[42].

Как мы отмечали, Джанашвили М.Г. на основании каких-то грузинских письменных источников писал, что в 830 г. грузины внесли христианскую веру в Ингушетию и в местечке Тхаба-Ерды основали монастырь с кафедрой епископа[43]. Соответственно уже к середине IX века культовый памятник христианства в горной Ингушетии был уже построен.

Таким образом, по нашему мнению, храм Тхаба-Ерды был возведен в VIII–IX веке. При этом можно допустить, что верхняя дата его строительства может быть ограничена вплоть до первой половины IX века.

Храм Тхаба-Ерды VIII–IX вв. – один из замечательных памятников раннехристианского зодчества России. Ежегодно он посещается архитекторами, археологами, искусствоведами, любителями истории горного края.

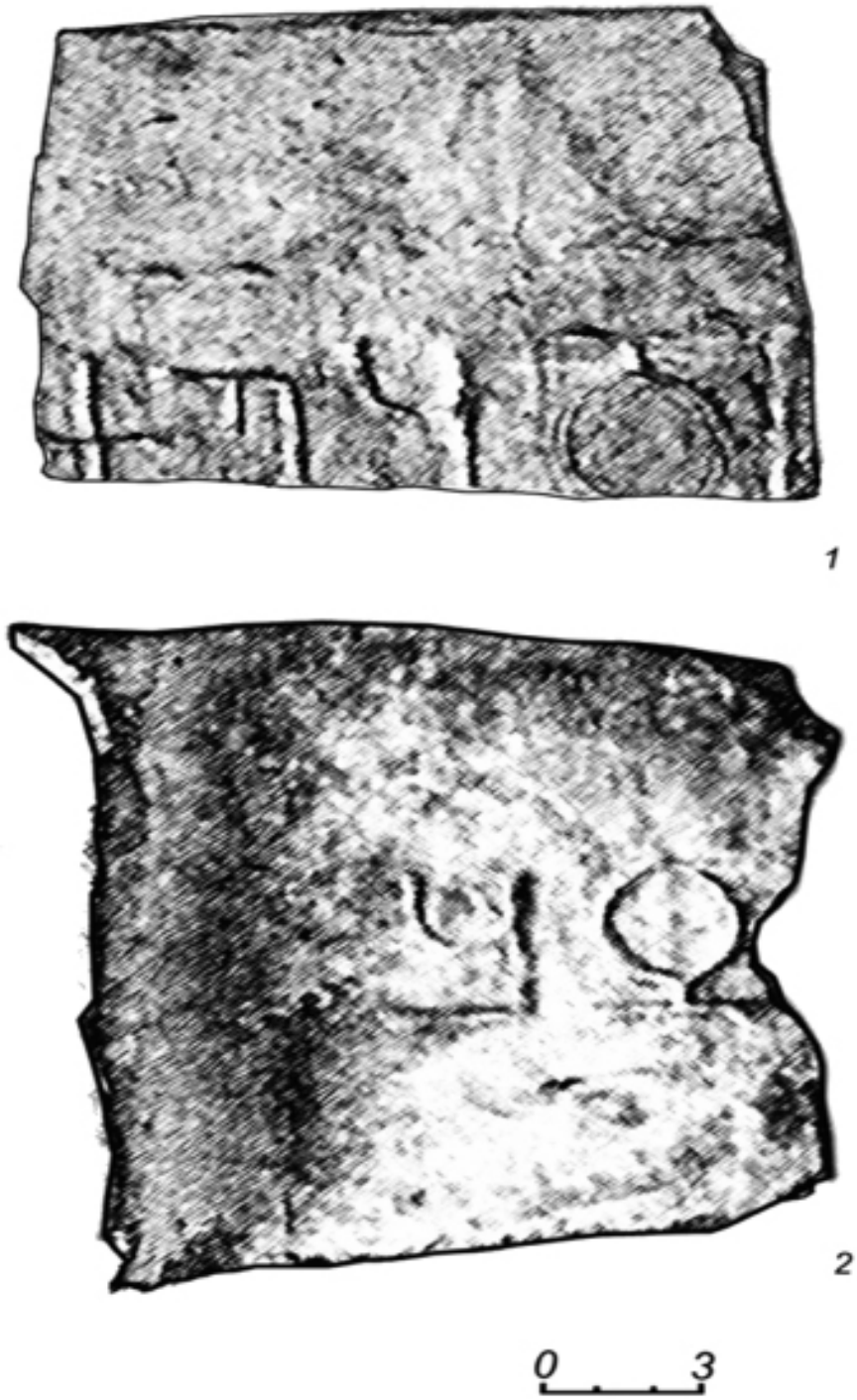


Рис. 1. Тхаба-Ерды. Черепица с древнегрузинскими надписями.

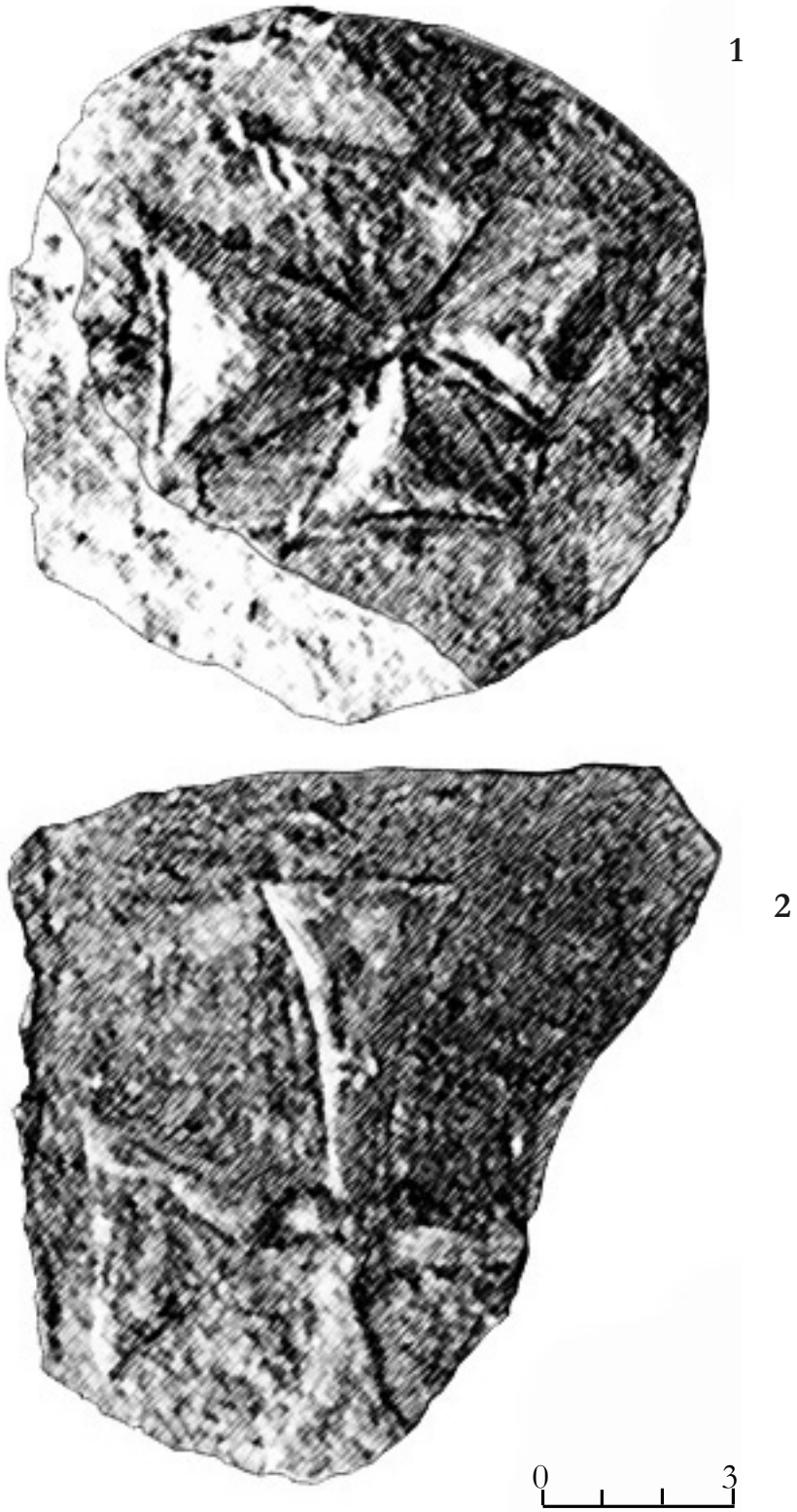


Рис. 2. Тхаба-Ерды. Фрагменты черепиц с крестами.

Рис. 3. Храм Джвари (Грузия). Карнизы в виде подковообразных арочек. Фото автора.

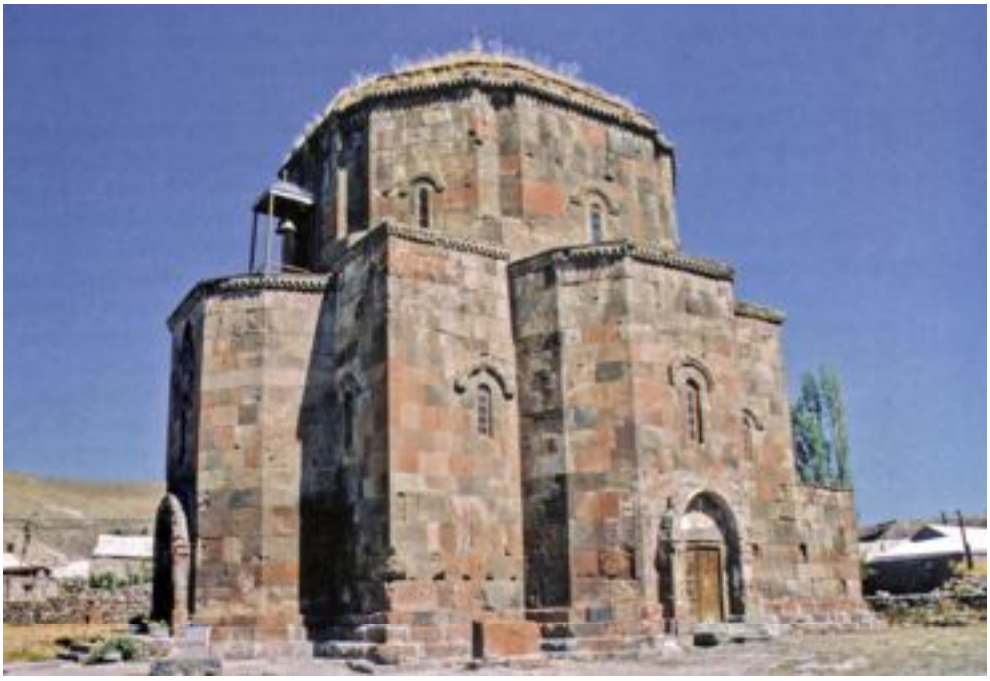


Рис. 4. Храм Мастара (Армения). Фото А.Ю. Казаряна.

Рис. 5. Церковь Одзун (Армения). Фото А.Ю. Казаряна.

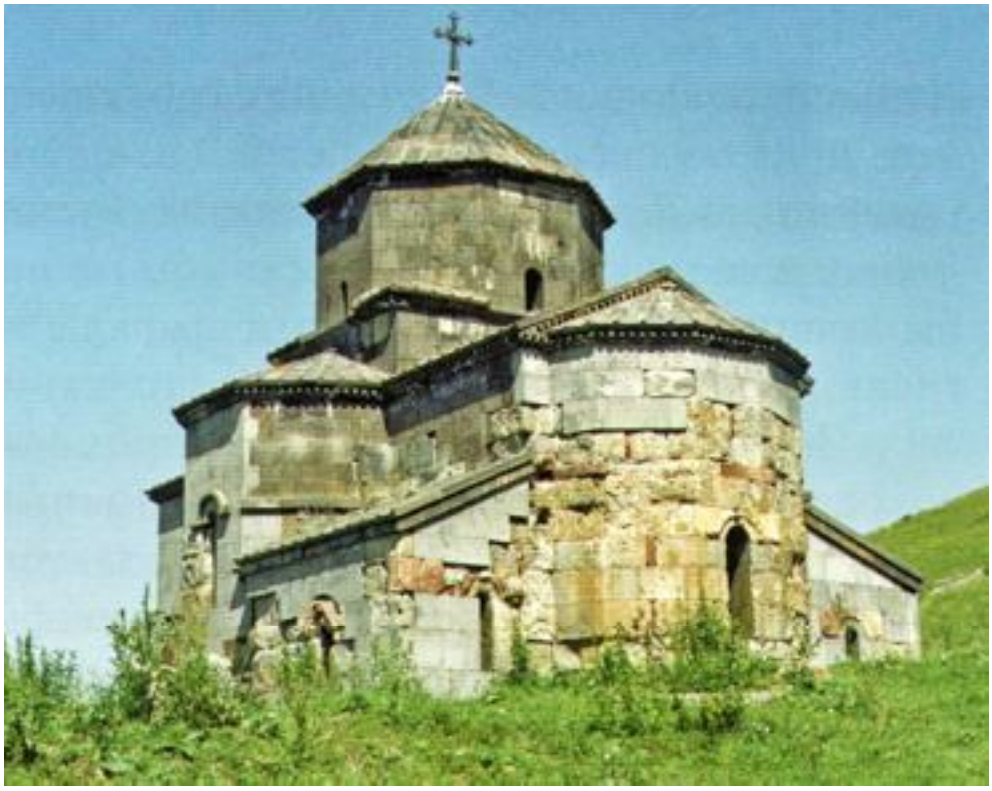


Рис. 6. Церковь Дорбанта (Армения). Фото А.Ю. Казаряна.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Штедер Ю.Ф.* Дневник путешествия в 1781 году от пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа // Северный Кавказ в европейской литературе в XIII–XVIII веков. Нальчик, 2006. С. 272–273.

2. *Миллер В.Ф.* Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып. I. С. 21.

3. *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах. Грозный, 1963. С. 98; *Семенов Л.П.* К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа // МИА № 23. М., 1951. С. 302–306.

4. *Крупнов Е.И.* Грузинский храм «Тхаба-Ерды» на Северном Кавказе // КСИИМК. М., 1947. Вып. XV. С. 123–125.

5. *Шахвелишвили А.И.* Грузино-чечено-ингушские взаимоотношения. Тбилиси, 1992. С. 28.

6. *Анчабадзе Г.З.* Вайнахи. Тбилиси, 2002. С. 27.

7. *Чубинашвили Г.Н.* К вопросу о культурных связях Грузии и Ингушетии. Тезисы докладов X сессии отдела общественных наук Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси, 1941; *Чубинашвили Г.Н.* Ткоба-Ерди (к вопросу о культурных связях Ингушетии и Грузии) // Чубинашвили Г.Н. Вопросы истории искусства, исследования и заметки. Тбилиси, 2002. Т. II. С. 142–163.

8. *Гамбашидзе Г.Г.* Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века // Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1974. С. 66–67; *Гамбашидзе Г.Г.* Полный отчет об археологических исследованиях, связанных с реставрационными работами в храме «Ткоба-Ерды». Тбилиси, 1971. С. 51.

9. *Химшиашвили Л., Антадзе М.* Результаты реставрационных работ, произведенных на Тхаба-Ерды // Дзеглис Мегобари № 26 (на груз. яз.). Тбилиси, 1971. С. 65–75.

10. *Виноградов В.Б.* Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии //Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С. 60–63.

11. *Бараниченко Н.Н.* К хронологии некоторых типов святилищ Чечено-Ингушетии //Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С. 77; *Бараниченко Н.Н.* Заметки о культовом зодчестве вайнахов // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 108.

12. *Дидебулидзе З.Ш.* Культурные взаимоотношения народов Грузии и Центрального Предкавказья в X–XII веках. Тбилиси, 1983. С. 62.

13. *Папуашвили Т.* Царство ранов и кахов. Тбилиси, 1982. С. 89.

14. *Пищулина В.В.* Христианские храмы Тхаба-Ерды и Алби-Ерды в истории архитектуры Северо-Восточного Кавказа // Архитектурное наследство. М., 2009. Т. 50. С. 59, 60, 69.

15. *Там же.* С. 60–62.

16. *Мужухоев М.Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII–XVII вв.). Грозный, 1977. С. 112–120.

17. *Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 115.

18. *Кузьмин В.А.* Великий Шелковый путь на Кавказе. Архитектура караван-сараев в горной Ингушетии // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Махачкала, 2007. С. 135–136; *Кузьмин В.А.* Христианский храм Тхаба-Ерды в горной Ингушетии. Результаты исследования и реставрации // Архитектурное наследство, № 48. М., 2007. С. 22–39.

19. *Казарян А.Ю., Белецкий Д.В.* Тхаба-Ерды: к вопросу о датировке церкви и ее месте в средневековом зодчестве Кавказа // Вестник Археологического центра. Назрань, 2009. Вып. III. С. 52.

20. *Казарян А.Ю., Белецкий Д.В.* Тхаба-Ерды. Предварительные результаты нового исследования храма в Ингушетии // Архитектурное наследство. М., 2009. Вып. 50. С. 90–91; *Казарян А.Ю., Белецкий Д.В.* Тхаба-Ерды: к вопросу о датировке церкви … С. 60–61.

21. *Казарян А.Ю., Белецкий Д.В.* Тхаба-Ерды. Предварительные результаты … С. 90; *Казарян А.Ю., Белецкий Д.В.* Тхаба-Ерды: к вопросу … С. 53, 60.

22. *Там же.* С. 53.

23. *Чубинашвили Г.Н.* Ткоба-Ерди (к вопросу о культурных связях Ингушетии и Грузии) … С. 147–149, 160.
24. *Казарян А.Ю., Белецкий Д.В.* Тхаба-Ерды: к вопросу … С. 53.
25. *Северов Н.П.* Памятники грузинского зодчества. М., 1947. Рис. 14.
26. *Казарян А.Ю.* Архитектура стран Закавказья VII в.: формирование и развитие традиции. (Диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения. Приложения). М., 2007. С. 558–577; *Казарян А.Ю.* Собор Эчмиадзин. М., 2007. С. 156–157.
27. *Чубинашвили Г.Н.* Болниси // Известия института языка, истории и материальной культуры им. академика Н.Я. Мара. Тбилиси, 1940. Вып. IX. С. 106.
28. *Аладашвили Н.А.* Монументальная скульптура Грузии. М., 1977. С. 44–45.
29. *Мшвениерадзе Д.М.* Строительное искусство в древней Грузии. Тбилиси, 1959. Рис. 121.
30. *Казарян А.Ю., Белецкий Д.В.* Тхаба-Ерды: к вопросу … С. 53.
31. *Чубинашвили Г.Н.* Болниси … С. 103–104.
32. *Чубинашвили Г.Н.* Самшвилдский Сион. Тбилиси, 1969. Табл. 26.
33. *Гамбашидзе Г.Г.* Изображение епископа Георгия (X в.) из храма Ткобя-Ерда (Ингушетия) // Кавказ: Археология и этнология. Шамкир, 2008. С. 249.
34. *Чубинашвили Г.Н.* Ткоба-Ерди … С. 150.
35. Указ. соч. С. 161.
36. *Там же.* С. 150.
37. *Чубинашвили Г.Н.* Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1956. С. 196.
38. *Джанашвили М.Г.* К материалам по истории Грузии и России. Тифлис, 1912. С. 14.
39. *Пищулина В.В.* Указ. соч. С. 67.
40. Обращение Грузии (в христианство). Перевод Е.С. Такайшвили. СМОМПК. Тифлис, 1900. Вып. XXVIII. С. 23.
41. *Меликишвили Г.А.* История древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 130.
42. *Чубинашвили Г.Н.* Ткоба-Ерди … С. 160.
43. *Джанашвили М.Г.* Указ. соч. С. 14.

Кузнецов В.А. (г. Нальчик)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДИГОРСКИХ БАДЕЛЯТ

В капитальном труде П.С. Уваровой «Могильники Северного Кавказа» опубликованы краткие сведения о ее раскопках в высокогорном осетинском селении Махческ и о найденных там археологических материалах[1]. Как видно из публикации, раскопано 15 каменных ящиков, из них оказались нетронутыми только шесть. Остальные могилы были ограблены. Сохранившиеся могилы дали следующую картину погребального обряда: в каждом каменном ящике один погребенный, вытянуто на спине, ориентированы с юго-востока на северо-запад (точнее нет, нет и графической фиксации). Только при описании погребения 6 указано, что костяк был ориентирован головой на запад и это позволяет предположить, что остальные погребенные имели северо-западную ориентировку. Руки были сложены на груди. Существенно, что в этот каменный ящик длиной 1,78 м был вставлен гроб из тонких досок, но без крышки. Стенки гроба были обиты тонкими бронзовыми пластинами. Видимо, с погребальным обрядом связаны три волошских ореха и три каштана, положенные в могилу. В детских захоронениях обнаружены куриные яйца. Они неоднократно были встречены во время раскопок Змейского катакомбного могильника XI–XII вв.[2] и это ставит вопрос о существовании какого-то еще неясного культового назначения куриных яиц в аланском погребальном обряде. Это их назначение ретроспективно сохранилось вплоть до раскопок П.С. Уваровой в Махческе. Более подробных данных в нашем распоряжении нет.

Погребение 6 выделяется не только наличием деревянного гроба, облицованного бронзовыми пластинами. Как пишет П.С. Уварова, костяк был покрыт «шелковой белой материей, ясно видимой при вскрытии могилы, но распавшейся при соприкосновении с воздухом»[3], т.е. легким погребальным саваном. То же было неоднократно отмечено в катакомбах Змейского могильника XI–XII вв.[4] На черепе оказался, по терминологии П.С. Уваровой «очипок» – уникальный и хорошо сохранившийся головной убор, воспроизведенный на цветной таблице[5], в двух проекциях. Это, в совокупности с подробным описанием в тексте, позволяет составить достаточное представление о предмете – по терминологии З.В. Доде это «глубокий округлый головной убор» типа чепца, повторяющий форму головных уборов из станицы Змейской[6]. Действительно, женские кожаные головные уборы из катакомб 3 и 15 Змейского могильника[7] дают близкие формы и З.В. Доде, по-видимому, права, прослеживая генетическую связь между головными уборами Змейской и Махческа в деталях. Наличие суммы некоторых совпадений в погребальном обряде и в материальной культуре между Змейской и Махческом может свидетельствовать о признаках преемственности местной культуры на стыке эпох раннего и позднего средневековья. Это отдельная и почти не разработанная в археологии проблема, на которой мы здесь не можем останавливаться. Вернемся к материалам из раскопок П.С. Уваровой в Махческе.

Интересующий нас головной убор сшит из толстого коричневого войлока, плотно облегающего голову и закрывающего затылок и уши.

Лобная часть также была закрыта. Тыльная сторона украшена четырьмя симметрично расположенными орнаментальными треугольниками, выполненными золотым шнуром. Основу орнамента, как нам представляется, составляет схематичное изображение мирового дерева жизни – «характерный для мифопоэтического сознания образ, воплощающий универсальную концепцию мира»[8]. В соответствии с принятым образом древа мира его членение по вертикали должно иметь три уровня: верхний (небесное царство), средний (земля), нижний (подземное царство)[9]. Троичность мирового древа обязательна и именно ее мы видим в изображении на головном уборе из Махческа. Если наше понимание семантики орнамента окажется приемлемым (что покажет время), перед исследователями средневекового Северного Кавказа неизбежно возникнет еще одна не изученная и весьма интересная проблема: бытовали ли идеи мирового древа жизни в местной этнокультурной среде самостоятельно или в нашем случае это результат культурной инвазии в процессе активного торгового обмена? Ниже мы предложим свою версию.

Головной убор охватывает тонкая золотая цепочка, спускающаяся на затылочную часть, украшенную серебряными с позолотой штампованными пластинками с геометрическим орнаментом. В височной части к цепочке подвешены две крупные серебряные серьги. Еще две серьги, по свидетельству П.С. Уваровой от этого головного убора были обнаружены в земле около черепа[10]. В центре лобной части головного убора находится необычное бронзовое украшение, тератологически-полиморфный образ миниатюрной лошадки или собаки без конечностей, но с тремя плавными выступами вместо хвоста. Глаз животного отмечен стеклянной вставкой, к трем колечкам на цепочках прикреплены четыре бронзовых подвески, свисавшие почти до глаз погребенной. Семантика образа явно сакральной «лошадки» нам не ясна, хотя следует отметить возможную причастность этого образа к той же идее мирового древа у древних индоевропейцев[11]. В таком случае убранство «чепца» из Махческа оказалось бы объединенным одной сакральной идеологемой.

Кроме того, в могиле 6 был найден стеклянный сосуд – графин зеленого цвета, с высоким и узким горлом, но, следует отметить, что описание П.С. Уваровой, вскрытых ею могил, весьма нечеткое и даже путаное. Поэтому полную и достоверную картину погребения 6 восстановить нет возможности. Упомянутый графин мы с могилой 6 связываем предположительно[12]. Более точны сведения П.С. Уваровой о находившихся в могиле 6 трех орехах и трех каштанах, остатках шелкового пояса[13], железном ноже у пояса, кожаном кошельке с шелковой обшивкой[14], остатках кожаных ноговиц и чувяк «также богато расшитых шелками»[15]. Их изображение отсутствует.

Как пишет П.С. Уварова, самой богатой была могила 3. На черепе сохранились остатки головного убора несколько иной формы, чем в могиле 6 – конической, зафиксированной на рисунке[16]. На вершине конуса, судя по описанию, было навершие «усыпанное жемчугом», на «передней части шапки две птички, грубо вырезанные из золотой чеканной пластины». По краю убора нашиты четыре лунницы с подвешенными к ним бубенчиками, пятая лунница находится между птичек. Более обстоятельных сведений в труде П.С. Уваровой об этом предмете нет. Около головы костяка находился стеклянный сосуд[17], по Уваровой, – «миска» (видимо чаша), на груди зафиксированы три слоя ткани – верхняя тонкая и прозрачная (по-видимому, саван), вторая более толстая, с золоченым позументом и мелкими бронзовыми застежками и третья – шелковая ткань красного цвета «с тисненым рисунком, с шитыми шелковыми же запястьями и двух родов пуговицами»[18]. Эта одежда показана на цветной таблице[19]. Как видно, стоячий ворот был украшен двумя рядами мелких круглых бляшек и прикрепленными к его краю бронзовыми лунницами с подвешенными к ним

бубенчиками. Грудь одежды вдоль разреза была покрыта серебристой аппликацией из кожи (? – авт.), представлявшей геометрический орнамент, застегнута тремя бронзовыми удлиненными бубенчиками. Других данных о находках из могилы 3 в публикации П.С. Уваровой нет. Далее она упоминает «разную мелочь» из раскопанных ею могил Махческа, но без привязки этих вещей к погребениям. Отметим, что вероятно из могилы 3 происходит фрагмент одежды с круглыми бляшками и лунницами с подвешенными к ним бубенчиками[20] – аналогия почти полная.

Одежда из могил 3 и 6 Махческа поражает как высоким качеством материалов (шелк, войлок, кожа), так и отделки из золоченных и посеребренных аппликаций и шнуров, вышивок, аксессуаров. Нет никаких оснований считать эти вещи продукцией местного, в рамках Дигорского ущелья, производства. Можно полагать, что мы имеем дело с явно импортными предметами и наша трактовка образа мирового древа жизни в орнаментации головного убора из могилы 6 косвенно подтверждает сказанное. Однако эта уникальная одежда по сей день остается не изученной и мы, к сожалению, ничего не знаем о ее происхождении.

Из каменных ящиков Махческа, кроме того, происходят найденные П.С. Уваровой весьма интересные сосуды из стекла и фарфора[21]. Они опубликованы вне погребальных комплексов, поэтому восстановить полную картину нет возможности. Прежде всего, укажем «кувшин из фиолетового прозрачного стекла тонкой чистой отливки, с рубчатою нижнею частью, гладким горлом и изогнутою ручкою (выш. 17 см)»[22] П.С. Уварова была уверена в «восточном» происхождении данного сосуда, конкретно указывая Тир и Дамаск как центры производства средневекового стекла[23]. Вряд ли с этим можно согласиться: данный кувшин по своим формам и пропорциям совершенно аналогичен другому стеклянному кувшину «темно-синему с позолотой» из тех же махческих могил[24]. Однако, аналогичный сосуд, но с бело-красной росписью, обнаружен Н.И. Веселовским в 1896 г. в кургане 38 Белореченского могильника близ Майкопа[25]. Таким образом, сейчас известны три одинаковых и явно одновременных стеклянных сосуда, отличающихся деталями отделки, из них два из Махческа. Исследователь материалов Белореченского могильника В.П. Левашева в своей публикации безоговорочно признает кувшины – белореченский и махческий – продукцией XV в. из Венеции[26]. Ту же атрибуцию находим в одном из каталогов Гос. Эрмитажа[27]. Наконец, Д.В. Белецкий недавно во время обследования дигорского святилища – церкви «Сатайи Обау» между селениями Лезгор и Донифарс (недалеко от Махческа) вскрыл под его полом три каменных ящика с захоронениями. В женском погребении найдены фрагменты ткани с орнаментом, «имеющим абсолютную аналогию в Белореченских курганах». В одном из мужских погребений найдены фрагменты орнаментированного сосуда из бесцветного стекла, «имеющего практически прямой аналог в тех же Белореченских курганах и очень близкий в дигорском селении Махческ. Считается, что эти сосуды происходят из Мурано (около Венеции), хотя есть гипотеза М.Г. Крамаровского, что их изготовляли в итальянских колониях в Северном Причерноморье»[28].

Посмотрим публикацию М.Г. Крамаровского. Никаких сомнений в итальянском происхождении стеклянных сосудов из Белореченского и Махческого некрополей у него нет[29], количественный спектральный анализ показал адекватность стекла по составу сиро-египетскому щелочному стеклу, но по стилю это стекло венецианское. Это привело М.Г. Крамаровского к логичной мысли о едином производственном центре, где обе традиции – восточная технология и итальянский дизайн – могли сочетаться. Таким центром была Каффа в Крыму. По декрету Банка св. Георгия Генуи 1464 г. в Каффу был направлен стеклодел из Алтаро Ланцилотто Ведерио. Мастерская Ведерио с сыновьями работала до разгрома Каффы в 1475 г. Разумеется, что мастерская Ведерио выпускала продукцию традиционных итальянских форм. М.Г. Крамаровский подчеркивает редчайшие условия

обнаружения кавказских находок итальянского стекла и реконструирует торговый путь «Венето-Лигурия – Крым – Северный Кавказ», к концу XV в. достигавший отрогов Большого Кавказа[30]. Мы склонны разделить гипотезу М.Г. Крамаровского.

Наряду с рассмотренным итальянским кувшином XV в. П.С. Уваровой опубликовано цветное изображение еще одного роскошного кувшина из могил Махческа. Этот сосуд из белого фаянса с глазурованной поверхностью с ручкой, изогнутой как у первого сосуда и на таком же поддоне, но с крышкой. Поверхность и крышка покрыта растительным орнаментом, в котором преобладает цветок лотоса[31]. Роспись выполнена темносиней краской. Фаянсовые и селадоновые сосуды с белой поверхностью, украшенной геометрическим орнаментом и доминирующими изображениями лотоса – священного растения Китая с древности, – позволили В.А. Кузнецову и М.З. Кетбиевой предположить возможность китайского происхождения этого кувшина из Махческа[32]. Не имея возможности более тщательной и детальной проработки, оставляем данную атрибуцию в качестве предположения.

Оба импортных сосуда происходят из раскопок П.С. Уваровой на одном участке некрополя Махческа. По отчету, этот могильник находится на северной стороне «холма, ближайшего к замку» Абисаловых[33]. Судя по данной топографии, некрополь может, связан с обитателями замка. В 1978 г. В.Х. Тменов и Н.И. Гиджрати, произвели охранные раскопки на Махческом некрополе и вскрыли 11 каменных ящиков, в четырех обнаружены остатки деревянных «гробовин». Погребальный инвентарь весьма скуден: железные ножи, деревянная миска, бронзовое кольцо, кожаная сумочка. В ящике 1 две бусины, два бронзовых кольца, кожаная сумочка с каштаном, орехи у черепа и колен, в погребении 6 железный нож, наперсток, небольшая пластинчатая с пунсонным орнаментом диадема от женского головного убора[34]. Как видим, данные погребения по деталям обряда, наличию деревянных гробов, каштанов и орехов, сходству некоторых вещей весьма близки могилам, раскопанными П.С. Уваровой и им синхронны – авторы раскопок датируют их XIV–XVII вв.[35] О местоположении могильника в статье Н.И. Гиджрати и В.Х. Тменова говорится, что погребения в каменных ящиках на холме Бузуни Хума прослеживаются от склепа Абисаловых до группы склепов «Царциата» на протяжении 200 м и что именно здесь копала П.С. Уварова[36]. Следовательно, могильник очень крупный и продолжительный во времени. Нет особых сомнений в том, что действительно П.С. Уварова работала на холме Бузуни Хума на участке близ замка Абисаловых. Великолепные импортные кувшины позволяют датировать исследованные П.С. Уваровой погребения второй половиной XV в. Предлагаемая дата подтверждается близостью материальной культуры махческих могил Уваровой с материалом из богатого Белореченского могильника XIV–XV вв.[37] упоминавшегося выше. Белореченский могильник дает прямые аналогии Махческу не только по отдельным артефактам (напр. венецианский кувшин, золотые височные кольца[38], металлические пуговицы[39], лунницы с цепочками и т.д., но и в погребальном обряде – деревянные гробовища, преобладание западной ориентировки, индивидуальность захоронений, наличие в могилах куриных яиц, орехов, каштанов. Основная разница между Белореченском и Махческом состоит в том, что в первом погребения совершались с курганными насыпями (всего по раскопкам Н.И. Веселовского их 84), во втором в каменных ящиках. Причины этого понятны – разная природная среда. В горных ущельях курганов нет. Сходство материала упомянутых могильников не раз отмечалось исследователями, но следует заметить, что Белореченский могильник в какой–то части захоронений выглядит несколько старше Махческих погребений, открытых П.С. Уваровой. Имеем в виду то, что в кургане 12 Белореченского могильника были в 1896 г. найдены монеты золотоордынского хана

Узбека 1320 г., Шадибека 1401 г. и Сеид-Ахмета 1402–1419 г.[40] В.П. Левашева пишет, что эта находка точно датирует весь комплекс началом XV в., однако, судя по самой «молодой» монете Сеид-Ахмета и допустимого времени ее обращения дату Белореченского могильника предпочтительней подвинуть к середине XV в.

Близость Белореченского и Махческого могильников отмечается не только по близости их культуры и функционированием торгового пути Венето-Лигурия – Крым – Северный Кавказ, но и по близости их погребальных обрядов. Здесь мы вступаем в сферу довольно интимных и непростых этногенетических связей, о которых можно предполагать на фоне исторического контекста Северного Кавказа XV в. В 1395 г. Золотая Орда потерпела сокрушительное поражение от «завоевателя мира» Тимура в битве на просторах Притеречья и Северный Кавказ первым освободился от золотоордынской власти. В образовавшийся вакуум, представлявший прекрасные плодородные земли Центрального и Северо-Восточного Кавказа, из Среднего и Нижнего Прикубанья двинулись на восток адыгские племена, в течение XV в. этот территориальный вакуум заполнившие. В.П. Левашева уверенно считала, что это было племя абадзехов, оставившее Белореченский курганный могильник (там же. С. 209). Вывод В.П. Левашевой подверг сомнению Е.И. Нарожный, в аргументах коего проводится версия о переселении «белореченцев» на р. Белую из Приазовья, с намеком на то, что это могли быть некие собайцы, упоминаемые И. Барбаро в XV в.[41]Действительно, адыгское племя собай в XV–XVIII вв. существовало, но оно локализуется восточнее р. Афипс[42], по Э. Челеби в часе ходьбы от р. Шебш[43]. Согласно Н.Г. Волковой, собаи – часть шапсугов, ибо берега р. Шебс были землями Большого Шапсуга[44]. Кажется, Приазовье тут не причем. Полагаем, что спор о том, какому именно адыгскому племени мог принадлежать ставший «притчей во языцех» Белореченский могильник, не имеет смысла: на археологическом уровне наши знания и возможности таковы, что мы не в состоянии памятники абадзехов отличить от памятников шапсугов, памятники убыхов от памятников натухайцев. Сейчас ближе к истине точка зрения А.Х. Нагоева, писавшего об аналогии погребального обряда и инвентаря белореченских и кабардинских курганов[45], т.е. памятниках общности адыгов.

Еще раз подчеркнем, что есть некоторые основания полагать незначительный хронологический разрыв между могильниками Белореченска и Махческа: Белореченские курганы около середины XIII – середины XV вв., раскопанные П.С. Уваровой могилы Махческа конец XV – начало XVI вв. Эта хронология демонстрирует динамику движения не только вещей, но и носителей данной культуры, в нашем случае адыгской. В Махческе это уже более конкретно – кабардинской.

Указанная динамика полностью соответствует принятой в науке концепции массовой миграции кабардинцев в XV–XVI вв. на предгорные равнины Центрального Кавказа. Об этом уже говорилось выше. Но общеизвестно, что кабардинские селения – кабаки концентрировались в предгорье, доходя до Сунжи, и никогда не присутствовали в горных ущельях. Насколько реальны наши археологические построения о возможности присутствия представителей кабардинского этноса в высокогорном Махческе? Даже при всех оговорках об осторожности, не увлекаемся ли тем, в чем строгий критик Е.И. Нарожный (его соавтор В.Б. Виноградов) упрекал Кузнецова В.А. в «чрезмерной увлеченности в «соединении» письменных данных с археологическими материалами[46]. Какова норма «увлеченности» соединения письменных и археологических источников как метода раскрытия когнитивных и перцептивных возможностей исследователя? Как процесс нормального научного поиска процесс познания и восприятия по Абрахаму Г. Маслоу[47] не подменить пустым фантазированием? Ведь сами В.Б. Виноградов и Е.И. Нарожный постоянно и увлеченно «соединяют» письменные

и археологические источники, что можно видеть хотя бы в их цитируемой здесь статье. Это общеизвестная практика в работе многих археологов.

Надеемся, что дальнейшие наши построения не будут пустым фантазированием, не заслуживающим внимания. Говорим о соединении данных не только нарративных и археологических источников, но и сведений исторического фольклора, дающих существенную научную информацию. Суть наших построений в том, что в фольклоре дигорской группы осетинского народа есть сказания о происхождении крупнейших дигорских феодалов Баделят. Наше обращение к этому материалу значительно облегчается двумя специальными публикациями Ф.Х. Гутнова – статьей[48] и главой монографии, идентичной статье[49]. Мы пользуемся статьей Ф.Х. Гутнова и начнем с совершенно справедливого утверждения о том, что генеалогические предания осетин «следует признать ценным историческим источником»[50], с чем солидарен, независимо от Ф.Х. Гутнова, Е.И. Нарожный: «фольклорно-исторические сюжеты – великолепный историко-этнографический источник»[51].

Дигорские предания начинаются с описания появления Бадела в Дигории из Маджар. Ф.Х. Гутнов по этому поводу замечает, что «в отдельных случаях сюжеты о приходе предков осетинских феодалов отражают реальные миграционные процессы древности»[52]. Эта миграция представляется нам реальной, а ее дату З.Н. Ванеев[53] и Ф.Х. Гутнов[54] намечают как рубеж XV–XVI вв. и она полностью совпадает с нашей датой махческих могил, раскопанных П.С. Уваровой. В литературе уже отмечалось, что по преданиям первопоселенец и эпоним Бадел пришел в Дигорию с «огненным боем» – ружьем и «до его прихода не знали ружья и пороха, а бились саадаком»[55]. И это фольклорное показание подтверждает дату, как конец XV – начало XVI в.[56] В Западной Европе первое огнестрельное оружие пехоты – ручницы получили распространение около середины XV в.[57] В Восточной Европе несколько позже, в XVI в. на Северном Кавказе употреблялись уже ружья – пищали на подсошке, изображение есть на каменной статуе Дука-бек с р. Этоко[58]. Таким образом, переселение Бадела, вооруженного очень эффектным в те времена и просто потрясающим для местного населения ружьем, подтверждает и сам факт миграции какой – то группы, и намеченную дату события. О какой новой группе населения Дигории можно говорить?

В историографии давно обсуждается вопрос о мадьярском – венгерском происхождении Баделят[59] на эфемерном основании фонетического сходства терминов «мадьяры» – «Маджары». Реальных оснований для этого нет, и Н.Г. Волкова справедливо заметила, что в «пределах Предкавказья и Поволжья этноним Маджар не мог уже обозначать венгров, появившихся в Европе еще в IX в.»[60]. Претензии Абисаловых об их происхождении от венгров или гуннов, рассказанные самим Абисаловым П.С. Уваровой[61], явно фантастичны. Но отметим интересное наблюдение Уваровой о внешнем виде дигорцев к концу XIX в.: «Дигорцы в своем наречии, в своей сословной организации и даже в физических подробностях (черные волосы и темные глаза) так отличаются от остальных осетин, что предание о чужеземном влиянии подтверждается само собой»[62].

Отводя версию о венгерском происхождении Баделят, подчеркнем главное в фольклорной традиции дигорцев – Баделята, пришедшие из Маджара в Дигорию, не осетины. Не довольствуясь сведениями в старой литературе, мы получили авторитетную консультацию у фольклориста дигорского происхождения, кандидата филологических наук Т.А. Хамицаевой. В своем письме от 20 ноября 2010 г. она свидетельствует: «Я не помню того, что Бадели – из осетин, других преданий никто не знает»[63].

Говорят, что отрицательный результат – тоже результат. В данном случае фольклор осетин и генеалогические предания дигорцев дают нам основание сделать ряд достаточно информативных выводов с достаточно высоким уровнем достоверности: 1) первопоселенцы Баделята – не

осетины; 2) время их поселения в Дигории конец XV – начало XVI вв.; 3) Баделята переселенцы из города Маджар на р. Куме. Кем же были первые Баделята?

Исходя из приведенных выше историко-археологических материалов и, в частности, из ряда ощутимых точек соприкосновения между Белореченской и Махческом, и появлением Большой Кабарды, попытаемся рассмотреть вопрос о возможности Кабардинского происхождения Баделят.

Если в преданиях говорится о кабардинском происхождении Баделят, можем ли мы и эти показания воспринимать как вполне достоверные? Полагаем, что можем и приведем наши соображения. Известно, что после поражения от Тимура в 1395 г. Золотая Орда теряет власть и влияние в Предкавказье – мы уже говорили об этом. Пользуясь этим, часть адыгского этнического массива, очевидно, самая восточная и известная как кабардинцы, мигрирует на восток вплоть до бассейна р. Сунжа. Основной миграционный поток, по исследованию А.Х. Нагоева, приходится на XIV–XV вв.[64], однако здесь возможны уточнения – о доминации XV–XVI вв. в связи с вторжениями крымских татар в земли адыгов. Так сформировались две группы синхронных адыго-черкесских курганов по О.В. Милорадович – белореченская и кабардинская[65]. Карта О.В. Милорадович значительно пополнена в карте А.Х. Нагоева[66]. Из этих материалов видно, что в XV–XVI вв. территория Кабарды на северо-востоке была приближена к долине Кумы и городу Маджар. Все касавшиеся Маджар авторы сходятся на том, что этот крупнейший золотоордынский город Северного Кавказа был разрушен и угас во время нашествия Тимура. Но это мнение спорно: на городище найдены монеты XV–XVI вв., в том числе псковская деньга XV в., персидская, польская и рижская монеты XVI в.[67] Видимо, после погрома 1395 г. и ухода Тимура жизнь в Маджаре восстановилась, и он продолжал функционировать как основной рынок Центрального Кавказа. Трудно поверить, что жившие поблизости кабардинцы не знали Маджар и не пользовались его рынком. Если по свидетельству Ибн-Батуты он встретил в Маджаре людей из Испании, Ирака, Византии, Персии, Аравии, Египта, Руси[68], то соседние кабардинцы, конечно, этот рынок знали. Судя по обширности связей, реконструируемый М.Г. Крамаровским торговый путь «Венето-Лигурия – Крым – Северный Кавказ» к концу XV в. достигал не «отрогов Северного Кавказа», а города Маджар на р. Куме. Отсюда импортные товары Запада и Востока расходились по всему Северному Кавказу и в том числе по горным ущельям. В этом контексте становится понятным и возможное происхождение самих Баделят как кабардинцев, и импортных вещей в могилах Махческа. Причины переселения Бадела в Дигорию неизвестны и вряд ли когда-нибудь станут известны. Приведем лишь непроверенную информацию первой половины XIX в. в изложении И.А. Фалька: на одной из надгробных плит Маджар надпись по-татарски на неизвестном языке гласила, «что народ города Маджары по причине недостатка в лесе оставил оный и ушел в горы»[69]. Здесь для нас важно указание о переселении народа из Маджар именно в горы, но источник крайне сомнительный, принимать его на веру нельзя.

Также сомнителен вывод Б.В. Скитского о том, что «миф о Баделе является мифом т.н. этимологическим. Этот миф создан для объяснения непонятных терминов «баделят» и «кумаяг»[70]. В.М. Батчаевым разработан материал об исторически реальных «маджарцах» не только как об обитателях также реального города Маджары, но как о позднеполовецком этносе Предкавказья эпохи Золотой Орды. Однако фольклорные данные, коррелируемые пока скромными артефактами археологии позволяют нам предпочесть кабардинскую версию происхождения дигорских Баделят. Кстати, сам В.М. Батчаев отмечает, что все зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов[71]. В данном случае нам представляется гипотетически вероятной именно кабардинская, отнюдь не этимологическая,

а историческая версия о происхождении Баделят. Рассмотренные выше археологические материалы согласуются с фольклорными данными и еще раз демонстрируют необходимость компаративного подхода к этим источникам. Бросается в глаза богатство могил Махческа, раскопанных П.С. Уваровой. Роскошные импортные одежды, украшения, сосуды итальянского, китайского производства стоили дорого, и это ярко свидетельствует об очень высоком социальном статусе погребенных, особенно на фоне «рядовых» погребений, вскрытых там же В.Х. Тменовым и Н.И. Гиджрати. Согласно преданию Бадел пришел с ружьем, которое он мог приобрести на том же рынке Маджара, а стоило оно тогда целое состояние[72]. Очевидно, это говорит о том, что Бадел мог быть крупным феодальным владетелем в Кабарде еще до переселения в Дигорию и тогда же, возможно, были приобретены и остальные ценности махческих могил. Полагаем допустимой версию о том, что исследованные П.С. Уваровой могилы Махческа близ «замка» Абисаловых – родового гнезда Баделят[73] – принадлежали первому поколению этих властителей Тапан–Дигории.

Разумеется, данная статья не претендует на решение проблемы происхождения дигорских Баделят (и, кстати, заметим, балкарских Басият, которые, по преданиям, были братьями Баделят). Это лишь допустимая постановка проблемы, которая не может быть забыта. Обсуждение спорных проблем всегда полезно для науки, ибо приближает нас к познанию Истины. Тем более, что тема происхождения дигорских баделят вписывается в средневековую историю трех соседних, тесно связанных между собой народов – осетин, кабардинцев, балкарцев.

Находки у сел. Махческ (по П.С. Уваровой).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. М., 1900. Вып. VIII. С. 254–269.
2. *Кузнецов В.А.* Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961. С. 65, 76, 79, 87, 96, 98, 99.
3. *Уварова П.С.* Указ. соч. С. 258.
4. *Кузнецов В.А.* Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // Средневековые памятники Северной Осетии. Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1963. № 114. С. 16.
5. *Уварова П.С.* Указ. соч. Табл. CXI.
6. *Доде З.В.* Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М., 2001. С. 76, 80–81. Рис. 60, 5.
7. *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 124–125. Рис. XIII, 1; XIV, 5.
8. Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1997. Т. 1. С. 398.
9. Указ. соч. С. 399.
10. *Уварова П.С.* Указ. соч. С. 259.
11. Мифы народов мира ... С. 666.
12. *Уварова П.С.* Указ. соч. Табл. CXIV, 11.
13. *Там же.* Табл. CX, внизу.
14. *Там же* Табл. CXXX, 2.
15. *Там же.* С. 259.
16. *Там же.* С. 257. Рис. 206.
17. *Там же.* Табл. CXIV, 10.
18. *Там же.* С. 257.
19. *Там же.* Табл. CX.
20. *Там же.* Табл. CXXX, 1.
21. Как любезно сообщил нам Д.В. Белецкий, оба сосуда находятся в Государственном историческом музее (г. Москва).
22. *Уварова П.С.* Указ. соч. С. 264. Табл. CXIV, 13.
23. *Там же.* С. 268.
24. *Там же.* С. 266. Табл. CXII.
25. Отчеты Археологической комиссии за 1896 год. СПб., 1898. С. 21. Рис. 100.
26. *Левашева В.П.* Белореченские курганы // Археологический сборник. Труды Государственного исторического музея. М., 1953. Вып. XXII. С. 174.
27. Эрмитаж Итальянское искусство эпохи Возрождения. Л., 1985.
28. *Белецкий Д.* Сатайи-Обау. К вопросу о датировке позднесредневековых «горских» построек // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 2010. С. 80. См. Также http://www.fundofcaucasus.org/_Caucasusorg/file/conference-part1.pdf и http://www. fundofcaucasus.org/DesktopDefault.aspx?alias=Caucasusorg &newsid= 324&callerModID=5777&tabid=2249&lang=ru
29. *Крамаровский М.Г.* Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII–XV веков (по материалам Крыма и Кавказа) // Сборник Государственного Эрмитажа «Художественные памятники и проблемы культуры Востока». Л., 1985. С. 153.
30. *Крамаровский М.Г.* Кавказские находки итальянского стекла (к характеристике торгового пути «Венето-Лигурия – Крым-Северный Кавказ» в XV в) // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1988. С. 80–81.
31. *Уварова П.С.* Указ. соч. Табл. CXIII.
32. *Кузнецов В.А., Кетбиева М.З.* Италия и Китай в Дигории (к вопросу об импортной посуде XV в. из Махческа). Россия на рубеже тысячелетий: общество, наука, образование. Минеральные Воды, 2010. Вып. 9. С. 244–246.
33. *Уварова П.С.* Указ. соч. С. 256.
34. *Гиджрати Н.П., Тменов В.Х.* Погребения в каменных ящиках на холме Бузуни Хума (сел. Махческ) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 173–175. Рис. 1.
35. *Гиджрати Н.П., Тменов В.Х.* Указ. соч. С. 175.
36. *Там же.* С. 173.

37. *Левашева В.П.* Указ. соч. С. 209.
38. *Там же.* С. 205.
39. *Там же.* С. 194.
40. *Там же.* С. 184.
41. *Виноградов В.Б., Нарожный Е.П., Нарожная Ф.Б.* О локализации «области Кремух» и о Белореченских курганах // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. Вып. 1. С. 129.
42. *Лавров Л.П.* Исчезнувшее адыгское племя Собай // Из истории Карачаево-Черкесии. Труды КЧНИИ. Серия историческая. Ставрополь, 1970. Вып. XI. С. 450.
43. *Челеби Э.* Книга путешествий. Земли Северного Кавказа, Поволья и Подонья. М., 1979. Вып. 2. С. 65–66.
44. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974. С. 29.
45. *Нагоев А.Х.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000. С. 72.
46. *Виноградов В.Б., Нарожный Е.П., Нарожная Ф.Б.* О локализации «области Кремух» и о Белореченских курганах // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. Вып. 1. С. 125.
47. *Маслоу А.Г.* Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.
48. *Гутнов Ф.Х.* Бадел генеалогических преданий осетин // Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1988. С. 50–77.
49. *Гутнов Ф.Х.* Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989. С. 63–77.
50. *Гутнов Ф.Х.* Указ. соч. С. 67.
51. *Нарожный Е.П.* Новый вариант версии тюркизации предков современных балкарцев (по поводу двух публикаций В.М. Батчаева) // История и культура народов Северного Кавказа. Пятигорск, 2007. Вып. 8. С. 22.
52. *Гутнов Ф.Х.* Бадел генеалогических преданий осетин // Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1988. С. 54–55.
53. *Ванеев З.Н.* Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвали, 1989. Т. I. С. 209.
54. *Гутнов Ф.Х.* Указ. соч. С. 55.
55. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Владикавказ, 1992 (переиздание). С. 144.
56. *Гутнов Ф.Х.* Указ. соч. С. 56.
57. *Бехайм Вендален.* Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С. 311.
58. *Кузнецов В.А.* Изваяние «Дука-бек»: историко-археологические проблемы // Историко-археологический альманах. Армавир–Москва, 1999. № 5. С. 83–87.
59. Напр.: *Эрдели П.* Поиски следов древних венгров на Кавказе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения (1971–2006). М., 2008. Вып. VIII. С. 236.
60. *Волкова Н.Г.* Маджары (из истории городов Северного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. М., 1972. Вып. V. С. 42.
61. *Уварова П.С.* Указ. соч. С. 255.
62. *Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. М., 1900. Вып. VIII. С. 255.
63. По свидетельству Т.А. Хамицаевой, это подтвердили историки и этнографы Л.А. Чибиров, Р.Г. Дзадтиаты, А.А. Туаллагов, Ф. Таказов.
64. *Нагоев А.Х.* Указ. соч. С. 73.
65. *Милорадович О.В.* Кабардинские курганы XIV–XVI вв. // Советская археология. М., 1954. Вып. XX. С. 344, карта.
66. *Нагоев А.Х.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000. С. 32–33. Рис. 1.
67. *Волкова Н.Г.* Указ. соч. С. 63; См. также: *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды. М, 1985. С. 122–123.
68. *Там же.* С. 53.
69. *Там же.* С. 45.
70. *Скитский Б.В.* Очерки истории горских народов. Избранное. Орджоникидзе, 1972. С. 29.
71. *Батчаев В.М.* «Мы пришли из Маджар»: факт или вымысел? // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск, 1988. С. 177.
72. *Гутнов Ф.Х.* Бадел генеалогических преданий осетин // Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1988. С. 66.
73. *Тменов В.Х.* Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С. 233–234.

Дружинина И.А. (г. Москва)

ОТРАЖЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ АДЫГОВ XIV–XVIII вв.

В эпоху средневековья – нового времени на Северном Кавказе одним из самых значительных и динамично развивающихся этносов являлись адыги. Отсутствие собственных письменных памятников, малочисленность и ограниченная информативность документов, принадлежащих перу западноевропейских, восточных и русских авторов, обусловили первостепенное значение в изучении истории адыгов XIV–XVII вв. археологических источников.

Несмотря на более чем 130-летний период археологических исследований, бытовые памятники адыгов изучены крайне слабо, а материалы археологических раскопок поселений в большей степени не введены в научный оборот. Основное внимание археологов было уделено изучению погребальных памятников – многочисленных курганных могильников, протянувшихся длинной извилистой полосой вдоль подножия Кавказского хребта от черноморского побережья до среднего течения Терека.

Изучение религиозных представлений адыгов по материалам археологических памятников закономерно является одной из приоритетных тем в постижении средневекового периода истории этого народа. Можно назвать несколько десятков работ, посвященных отдельным вопросам этой обширной проблематики, среди которых наибольшее значение имеют исследования В.П. Левашевой[1], О.В. Милорадович[2], Е.П. Алексеевой[3], Л.И. Лаврова[4], А.Х. Нагоева[5], М.Л. Стрельченко[6], Минаева Т.М.[7].

Актуальность этой темы очевидна и сегодня. Она обусловлена рядом причин. Во-первых, закономерно то, что целый ряд устоявшихся в историографии положений требуют сегодня тщательной ревизии и критичного переосмысления. Так, в исследованиях, посвященных погребальному обряду адыгов, проводилась систематизация материала подкурганных погребений без их предварительного хронологического и этнокультурного дифференцирования. При этом не учитывались изменения субэтнической картины региона, являвшиеся результатом постоянных перемещений различных групп адыгов, эволюция их религиозных представлений, наряду с адыгскими погребальными памятниками в обобщающие типологические схемы нередко попадали курганные могильники соседних с адыгами народов, что в неверном свете отражало место и роль различных этносов в историческом прошлом Северного Кавказа. Сегодня неоспоримым фактом является и то, что бытование у адыгов подкурганного ингумационного обряда далеко выходит за рамки XIV–XVI вв. По материалам бирутальных могильников Северо-Западного Кавказа этот обряд фиксируется с конца XIII в. А исчезает традиция возведения курганной насыпи над умершим у кабардинцев к концу XVII – началу XVIII вв., а у западных адыгов она известна вплоть до XIX в.

Во-вторых, со времен выхода в свет в самом конце 50-х гг. прошлого века работы Е.П. Алексеевой, посвященной общей характеристике погребального

обряда адыгов XIV–XV вв., новых исследований, в которых были бы рассмотрены курганные могильники адыгов всей территории их расселения в эпоху средневековья, не было. Между тем накопилось огромное количество нового материала, и появилась новая методика, которая позволяет оперировать большими массивами источников и получать аргументированные и объективные выводы, фиксировать часто не улавливаемые при традиционной обработке материала «вручную» особенности археологических объектов, позволяет ставить и решать новые методические задачи и исследовательские проблемы. В частности, впервые на основе изучения археологических материалов погребальных памятников адыгов всей обширной территории их расселения в эпоху средневековья – нового времени ставится проблема эволюции погребального обряда и их религиозных представлений.

Для изучения этой проблемы был определен следующий алгоритм действий:

1. Критический отбор археологических источников, иными словами – формирование списка курганных могильников адыгов XIV–XVIII вв., подлежащих дальнейшему исследованию.

2. Создание базы данных, в которой бы все погребения этой группы могильников были охарактеризованы по четкому набору признаков.

3. Хронологическое дифференцирование могильников.

4. Выявление характерных черт и особенностей могильников каждой из выделенных хронологических групп.

5. Историческая интерпретация результатов.

Ниже вниманию читателей предлагаются основные результаты выполненного исследования.

1. Следует сказать, что задача по формированию списка погребальных памятников адыгов не нова. В разное время ее решали Т.М. Минаева[8], О.В. Милорадович[9], Е.П. Алексеева[10], М.Л. Стрельченко[11], И.М. Чеченов[12], М.К. Тешев[13], А.Х. Нагоев[14], В.А. Фоменко[15], Р.А. Даутова[16] и другие исследователи.

Всякий раз, подготавливая обзор погребальных памятников адыгов рассматриваемого периода, исследователи сталкивались с одной весьма сложной проблемой – вычленением из общего числа раскапывавшихся курганных могильников Северного Кавказа XIV–XVIII вв. собственно адыгских. Необходимо подчеркнуть, что и сегодня эта проблема далека от своего окончательного разрешения. Несмотря на несомненные успехи медиевистов-кавказоведов в изучении погребальных обрядов различных этносов, населявших территорию Северного Кавказа в эпоху средневековья, все еще остаются не решенными краеугольные проблемы. В их числе вопросы, связанные с изучением этнокультурной принадлежности носителей кремационного обряда, фиксируемого по грунтовым и курганным могильникам Северо-Западного Кавказа X–XIII вв., этнокультурная атрибуция носителей традиции подкурганных погребений в каменных ящиках, сопровождающихся конскими захоронениями, изучение погребальных обрядов абазин, ногайцев и ряда других этносов, проживавших на одной с адыгами территории и нередко вступавших с ними в родственные связи.

Поэтому при формировании источниковой базы очень важно самое осторожное и придирчивое рассмотрение каждого археологического памятника, и при возникающем сомнении оценку этнокультурной интерпретации какого-либо могильника следует отложить до того момента, как данные археологические и антропологические, не внесут ясность по каждому вопросу.

Вот один из характерных примеров необоснованного, на наш взгляд, включения в список погребальных памятников адыгов некоторых курганных групп. А.Х. Нагоев в своей работе, посвященной средневековой Кабарде, представил наиболее полный список кабардинских курганов. В него вошли 84 могильника Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии,

Северной Осетии – Алании, Ингушетии, а также района Пятигорья. Но явным недостатком этого обзора археологических памятников являлось то, что автор включил в него 16 могильников лишь по внешним признакам, раскопки этих памятников не производились (№№ 60, 66–84)[17]. В то же время достаточно проблематично в отдельных случаях определение этнокультурной принадлежности погребенного и из раскопанного комплекса. Так, на наш взгляд, преждевременно был решен вопрос о кабардинской природе некоторых памятников, включенных в список. В частности могильник, расположенный на правом берегу р. Баксан, напротив с. Заюково, рядом с поселением Хакуарда. В 1963 г. на этом памятнике производил исследования Н.А. Шафиев, раскопавший 3 кургана. В одном из них рядом с погребением мужчины, в 0,5 м к северу от него выявлены череп и кости лошади[18]. Хорошо известно, что для адыгских погребений, в том числе кабардинских, захоронения конских костяков или их частей не характерны. Не характерен также обычай совершения тризны, с которым можно было бы связывать нахождение в могиле костей животного. И, несмотря на то, что сам Н.А. Шафиев говорит о «возможном кипчакском влиянии», он относит курганный могильник к числу кабардинских. А вслед за ним и А.Х. Нагоев приходит к выводу о его «кабардинском происхождении». С другой стороны, известно, что переселившиеся в районы Центрального Предкавказья группы адыгов, нередко свои курганы насыпали поблизости от более древних погребальных памятников. Примером может служить комплекс памятников у ст. Белый Уголь, включавший мавзолеи золотоордынского времени и более поздний кабардинский курганный могильник; курганный могильник в Урочище Гора, в котором основная масса кабардинских курганов сгруппировалась вокруг насыпи, отличавшейся большей высотой и диаметром, содержащей погребение золотоордынского воина и т.п. Возможно, и могильник у пос. Хакуарда является поликультурным археологическим памятником. Так, при описании его раскопок Н.А. Шафиев отмечает более внушительные размеры кургана № 3, где были обнаружены кости коня, по сравнению с остальными раскопанными насыпями, а также то, что при сооружении каменного панциря кургана № 3 были использованы «камни размером гораздо больше, чем в других курганах»[19]. Но погребальный инвентарь не сохранился. Датировать погребение очень сложно. К сожалению, во всем могильнике у пос. Хакуарда раскопано очень мало курганов, антропологические материалы из исследованных погребений обработаны не были. Теперь только продолжение полноценных полевых исследований памятника может внести ясность в проблему этнокультурной принадлежности оставившего его населения. Как бы то ни было, проблема остается открытой, что не дает нам оснований в настоящей работе рассматривать данный могильник при изучении погребального обряда кабардинцев.

Следует остановиться еще на одном очень важном вопросе. В настоящем исследовании были использованы материалы могильников, в число которых, помимо курганных групп адыгов, вошли, по всей видимости, и погребальные памятники абазин. И хотя четкое описание погребального обряда абазин эпохи средневековья – это задача будущих исследований, в настоящей работе рассмотрение их погребений закономерно.

Во-первых, адыги и абазины близкие по этническому родству народы, принадлежащие одной языковой семье, объединенные проживанием на одной территории, переживавшие общие исторические перипетии и шедшие по очень сходным путям социального, культурного и этнического развития. Общим было и влияние на причерноморских адыгов и абазин распложенной к юго-востоку Абхазии, гораздо более заметное, нежели остальной адыгской этнической общности.

Видимо, именно формированием общего культурного адыго-абазинского анклава на Северо-Восточном побережье Черного моря объясняется

бытование отличного от погребальных традиций кубанских адыгов обычая захоронений в каменных ящиках в XIV–XV вв.

Показательно, что ряд поздних источников XVIII – начала XIX вв. относят причерноморские субэтносы шапсугов, натухайцев, абадзехов не к числу адыгских «племен», а к абхазо-абазинскому этническому массиву и, как правило, до первой четверти XIX в. эти «племена» обобщенно обозначались «абазы». Так, П.-С. Паллас в числе «племен» Большой Абазы называет шапсугов («Шапсих. Эти абазы, имея мало земли для обработки и скота, живут охотнее грабежами») и натухайцев («Натукаш самые могущественные из всех абазов, живущих по эту сторону Кавказа..»)[20]. Автор XIX в. Л.Я. Люлье замечает: «Кабардинцы и другие адыгские племена, сохранившие феодальное управление, называют абадзехов, шапсугов и натухажцев общим именем абадзе-чиль, что значит: абазинские народы»[21]. Интересно, что черноморские субэтносы, в свою очередь, воспринимали себя обособленно от остальных адыгов: «Абадзехи же, шапсуги и натухажцы называют все племена, сохранившие феодальное управление, … адыгечиль, т.е. адыгские народы»[22]. Как отмечал Л.И. Лавров, «мы стоим перед, казалось бы, странным явлением: значительная часть черкесских племен (а именно: шапсуги, натухаджи, абазехи, гуае, жаны, бжедуги и махоши) долгое время среди самих же черкесов не признавались черкесскими, а именовались абазинами. К абазинам же причисляли и прибрежный народ убыхов, говоривший на своем особом языке»[23].

Очень выразительны результаты этнографических изысканий. Сравнительное исследование черт материальной и духовной культуры черноморских адыгов с хозяйством, религиозными культами, а также языковыми особенностями кубанских адыгов, с одной стороны, и абхазо-абазинскими народами (абхазами, убыхами и садзами), с другой, привели А.В. Сивера к выводу о наличии общего культурного пространства в рамках Черноморского побережья Северного Кавказа. Субъекты этого пространства вполне осознавали свое единство, но не в рамках адыгской или абхазо-абазинской общности, а в рамках специфического объединения, известного по источникам как «Агучипс»[24].

Во-вторых, следующим шагом на пути решения проблемы изучения эволюции погребального обряда стало создание информационно-поисковой системы «ADYG». Источниками для нее послужили несколько десятков научных отчетов о полевых исследованиях, хранящихся в архивах Института археологии РАН, Института истории материальной культуры РАН, несколько десятков публикаций материалов раскопок, документация о раскопках и археологические коллекции из курганных могильников, находящиеся на хранении в фондах Государственного исторического музея и Государственного Эрмитажа.

На сегодняшний день ИПС «ADYG» объединила информацию о 187 адыгских и абазинских курганных могильниках и о более чем 1500 погребениях. Она состоит из 5 основных блоков «Могильник», «Курган», «Погребение», «Погребенный», «Погребальный инвентарь». Дополнительно были созданы еще 3 блока, содержащих информацию о подкурганных погребальных конструкциях: «Гроб», «Колода», «Каменный ящик». В общей сложности каждое погребение описывается по 237 признакам. Блоки связаны между собой единым шифром для каждого погребения.

При составлении набора признаков, по которым формируется база данных о погребальных памятниках адыгов, методическим ориентиром послужил код для описания погребального обряда И.С. Каменецкого[25], работы Г.Е. Афанасьева[26], А.Г. Атавина[27], А.В. Васильева[28], Д.С. Коробова[29], Винидиктова А.П., Берлизова Н.Е., Пьянкова А.В., Зеленского Ю.В.[30] Статистический анализ данных проводится в системе STATISTIKA. Электронные таблицы содержат как численную, так и текстовую информацию.

ИПС «ADYG» состоит из нескольких блоков. Блок признаков «Могильники», включает информацию обо всех раскапывавшихся памятниках (место расположение курганной группы, порядковый номер в БД, название могильника, шифр памятника (название могильника – фамилия исследователя – год проведения раскопок на памятнике), количество курганов в могильнике / из них раскопанных, исследователь и годы исследования памятника, датировка, архивные данные и публикации).

Основу ИПС «ADYG» образуют четыре самостоятельных блока: «Курган», «Погребение», «Погребенный», «Погребальный инвентарь». Блоки связаны между собой единым шифром для каждого погребения, состоящим из четырех частей: название могильника – фамилия исследователя – год проведения раскопок на памятнике – номер кургана. Признаки, формирующие информационную нагрузку трех первых блоков ИПС «ADYG» («Курган», «Погребение», «Погребенный»), являются типообразующими при изучении погребального обряда адыгов XIV–XVIII вв. Все нетипичные, случайные признаки, выявленные при исследовании археологических объектов, вынесены в отдельные информационные поля «Особенности» каждого из блоков.

Блок «Курган» объединяет информацию о диаметре и высоте кургана, о структуре насыпи (земляная, каменно-земляная, каменная), о наличии внешних каменных конструкций (обкладок и панциря), а также информацию о сохранности кургана.

Блок «Погребение» аккумулирует основные характеристики подкурганного погребального сооружения, систематизированные по типообразующим признакам. По количеству погребенных – кенотаф, одиночное погребение, парное, коллективное. По месту расположения погребения – в условном центре кургана, в стороне от центра (западный сектор, северный сектор, восточный сектор, южный сектор). По расположению погребения относительно горизонта – на искусственном возвышении, на уровне древнего горизонта, в могильной яме. По типу грунтовых могильных ям: без подбоя; с подбоем. По особенностям профиля грунтовых могильных ям без подбоя: яма с отвесными стенками; яма со ступеньками вдоль всех бортов; яма со ступенькой вдоль восточного борта (в ногах погребенного); яма со ступенькой вдоль южного и северного (продольных) бортов; яма со ступенькой с северного и восточного бортов; яма с сужающимися ко дну стенками; яма щелевидной конструкции. Наличие каменных простых погребальных конструкций (подсыпка, вымостка, обкладка (могильной ямы, погребенного и т.д.), облицовка стен ямы, наброска, перекрытие, а также одиночные камни или группы камней в изголовье и / или в ногах погребенного). Наличие деревянных (органических) простых погребальных конструкций (подстилки, циновки, настилы, рамы, перекрытия). Каменные сложные конструкции (каменный ящик, крепидообразная гробница). Деревянные сложные конструкции (гроб, колода, склеп). Ориентировка погребения. Особенности (в т.ч. наличие угля, мела или глиняной обмазки в погребении).

Блок «Погребенный» содержит информацию об останках умершего: Ориентировка (западный сектор, северный сектор, восточный сектор, южный сектор), поза (не восстанавливается, вытянуто на спине, на правом боку, другая (указывается)), положение левой руки (вытянута вдоль туловища, кисть под тазом, кисть на груди, другое (указывается)), положение правой руки (вытянута вдоль туловища, кисть под тазом, кисть на груди, другое (указывается)), положение нижних конечностей (не восстанавливается, вытянуты параллельно, сведены / разведены в коленях / стопах, другое (указывается)), положение черепа (на затылке, на правом виске, на левом виске, другое (указывается)), пол погребенного (не определяется, мужчина, женщина), возраст погребенного (не определяется, младенец, подросток, юный, зрелый, пожилой), примечания (преднамеренное членение

скелета, сведения о ранениях, фиксируемых по останкам погребенных и т.п.). В этом блоке содержится также информация о наличии в погребении инвентаря. Здесь следует отметить, что в базе данных «Погребенный» фиксируются все выявленные в ходе полевых исследований особенности, связанные с расположением скелета. Так, например, учтены следующие варианты поз погребенных: не восстанавливается; нарушено; вытянуто, на спине; на животе; небольшой разворот на правый бок; на правом боку; на левом боку. Но типообразующими из этих вариантов являются только два – положение умершего вытянуто на спине и на правом боку.

В блоке «Погребальный инвентарь» учтены все выявленные в погребальных комплексах находки, информация о которых содержится в источниках – полевых отчетах и публикациях. Погребальный инвентарь систематизирован по функциональному назначению вещей: бытовые вещи и орудия труда; предметы вооружения; поясная гарнитура и детали одежды; украшения; предметы туалета; сосуды; неопределимые находки. В этой базе данных содержится также информация о количестве каждого типа предметов в погребении (например, количество стрел, поясных наборов, ножей и т.п.), а также материал изготовления предметов (например, кожаный ремень или пояс из плотной ткани; золотые, серебряные или бронзовые серьги и т.п.).

Дополнительно были созданы еще три базы данных, содержащих информацию о подкурганных погребальных конструкциях: «Гроб», «Колода», «Каменный ящик».

В блоке «Гроб» содержатся сведения о длине конструкции (общей и внутренней), ширине (в головах, в ногах, внешняя – внутренняя), толщина длинных и торцевых досок, высота (общая, внутренняя), материале изготовления (порода дерева), а также о конструктивных особенностях сооружения. Строительный материал: плахи, доски, брусья. Форма: подпрямоугольные, трапециевидные (ширина у изголовья больше/меньше чем в ногах); удлиненно-овальные (углы скруглены). По пропорциям: узкие – широкие. Крепление: с помощью дополнительных приспособлений (скобы, гвозди, штыри) и без них (пазами). Положение стенок: вертикально; под наклоном (дно шире / уже устья). Ручки: наличие – отсутствие. Конструкция ручек: с двух концов гроба сооружались перекладины. Дно: наличие – отсутствие дна. Конструкция дна: из 1 доски, из нескольких досок. Крышка: наличие – отсутствие крышки. Конструкция крышки: из продольных плах; из поперечных досок. Форма крышки: плоская (из 1 продольной доски, из 2 продольных досок, из нескольких продольных досок); выпуклая (полуколода); двускатная. Крепление крышки: крышка впускалась внутрь и держалась на брусьях вдоль каждой из стенок; крепилась к торцовым железными штырями; крепилась пазами к стенкам; нависала над ящиком гроба, при этом верхняя часть торцовых стен, выступающих за боковые, скруглены.

В блоке «Колода» находится информация о размерах погребальных конструкций данного типа, о структуре (полуколода; колода: цельная, из 2 полуколод), о материале изготовления (порода дерева), положение в погребении полуколоды: перевернута вверх дном или на дне.

Блок «Каменный ящик» включает информацию о данном типе погребальных конструкций. Структура: однокамерные сооружения, двухкамерные конструкции, трехкамерные. По форме: подпрямоугольные, подквадратные, подтрапециевидные.

Конструктивные особенности каменных ящиков определяют ряд признаков. Положение стен (вертикальное – наклонное). Взаиморасположение боковых и торцевых стен: длина торцевых стен превышает ширину ящика; длина боковых стенок превышает длину камеры ящика или равна ей. Боковые стенки упираются в торцевые, торцевые упираются в боковые. Структура стен: боковые составлены из 2 (нескольких) плит, из одной сплошной плиты; торцевые стенки – из одной плиты. Наличие – отсутствие дна. Дно:

из одной большой плиты, из нескольких плит, дно представлено каменной наброской или вымосткой. Наличие – отсутствие перекрытия. Перекрытие: из одной плиты, из нескольких плит, наброска из булыжника.

3. Следующей методической задачей изучения могильников адыгов явилось дифференцирование их по хронологическим группам. Проблема датировки адыгских курганных могильников имеет собственную историографию, рассмотрение которой не входит в задачи настоящей работы. Отсутствие четкого хронологического деления адыгских могильников связано, прежде всего, с тем, что подавляющее большинство комплексов содержит рядовой и плохо датирующийся погребальный инвентарь, бытование которого исследователи прослеживают на всем протяжении существования подкурганного ингумационного обряда – с XIV по XVIII вв. Часть погребений – безынвентарны.

Основная идея в решении задачи хронологического дифференцирования курганных могильников заключалась в выявлении из всего многообразия особенностей погребальных памятников тех признаков, которые бы наиболее четко фиксировали эволюционные изменения погребального обряда адыгов.

С этой целью была выделена группа надежно датируемых памятников, в которую вошли 45 могильников (24% из всех исследуемых памятников). Датировка могильников этой группы определялась по предметам – хроноиндикаторам, которые были выявлены в погребениях этих могильников. К числу таких находок были отнесены: для периода XIV–XV вв. – монеты золотоордынских ханов, сабли со средней длиной и кривизной, с прямыми горизонтальными или опущенными концами перекрестия, с дуговидным перекрестием[31], спиральные кольца в 1,5 и 2 оборота, бубенчики, металлические зеркала, поясные чаши и ковшики, стеклянные стаканы с воронковидно вогнутым дном, прямым раструбообразно расширяющимся к устью стенками[32]; для периода рубежа XV–XVI вв. и XVII в. длинные (до 130 см) сабли большой кривизны, с изгибом клинка в нижней трети, с прямым перекрестием и опущенными вниз под прямым углом концами, штыковидным окончанием клинка подромбического сечения, наконечники копий с пропеллерообразным сечением, парные массивные поясные бляхи, немецкий счетный жетон XVII в.[33]; самую позднюю группу находок – хроноиндикаторов, маркирующих комплексы конца XVII–XVIII вв. составили шашки, складные бритвы современного типа, керамические курительные трубки[34].

Необходимым условием для включения памятника в эту группу являлось его полноценное описание по всем выделенным признакам. Целый ряд памятников, включая могильники белореченской группы, в которых были выявлены находки, позволяющие определять абсолютную датировку комплексов, не были задействованы в данной части исследования, поскольку мы не располагаем подробной информацией об особенностях каждого могильника, а лишь общей характеристикой белореченской группы, которую выполнила В.П. Левашева, основываясь на полевых отчетах Н.И. Веселовского[35].

Чтобы проверить результат датирования выбранных 45 могильников по погребальному инвентарю был применен метод дискриминантного анализа. Результатом проведения данной операции стал график (рис. 1), который показывает, что признаки, характеризующие каждый из памятников, также четко разделяются хронологически.

Факторный анализ всех признаков, характеризующих группу памятников из 45 датированных по погребальному инвентарю могильников показал, что памятники распределяются на группы под действием двух факторов. Каждый фактор нагружает целый набор признаков погребального обряда. Наибольшую нагрузку первого фактора обнаружили признаки: могильная яма со ступеньками, положение умершего на правом

боку, положение черепа погребенного на правом виске; определяющим для второго фактора стал признак «погребение в каменном ящике». Вычленение из всего ряда анализируемых признаков именно этих 4 со всей очевидностью отражает основную линию эволюции погребального обряда адыгов – от традиционных языческих представлений в сторону канонического мусульманского обряда.

4. Следующим шагом стало рассмотрение особенностей погребального обряда в каждой из трех хронологических групп могильников. В первую группу могильников XIV–XV вв. вошли 15 памятников, расположенных на территории от Северо-Восточного побережья Черного моря на западе до р. Лаба на Востоке. Для могильников первой группы характерны земляные насыпи, в одном могильнике выявлены каменно-земляные насыпи. Каменных курганов нет. Широко распространены каменные обкладки насыпей по основанию, но совсем нет каменных панцирей над курганами. Погребения совершались на горизонте. Характерной конструкцией ряда погребений являются каменные ящики. Не выявлены колоды. Только в одном могильнике появляются погребения в гробах, но полностью реконструировать конструкции не удается. Погребения как индивидуальные, так и коллективные. Не выявлена облицовка могилы деревом, а также деревянные перекрытия. Все погребения содержат погребальный инвентарь. Проведение факторного анализа позволило выделить наиболее значимые для дифференциации могильников внутри этой группы признаки: коллективные погребения (0,962164), наличие каменных ящиков (0,869316) и погребение умершего на уровне древнего горизонта (0,814183).

В группу рубежа XV–XVI вв. и XVII в. вошли 19 могильников, расположенные на всей территории расселения адыгов в средневековье – новом времени: от северо-восточного черноморского побережья до Сунжи и Фортанги. Для могильников этого времени характерно возведение земляных насыпей, но в отличие от предыдущего периода в большем количестве встречаются каменно-земляные и распространяются каменные насыпи. Увеличивается число одиночных погребений, до преобладания этого признака. Не выявлены каменные ящики. В одном могильнике (Октябрьский) появляются ямы с заплечиками. Уменьшается нагрузка признака «погребение на горизонте». Появляются крепидообразные гробницы и колоды. Большое количество погребений этого времени совершены в гробах. Распространяется практика облицовки стен могильной ямы деревом, во многих случаях выявлены деревянные перекрытия. Преобладающее положение умершего – вытянуто на спине, но известны случаи разворота покойного на правый бок, а черепа умершего на правый висок. Появляются безынвентарные погребения. Общая тенденция – обеднение состава и количества погребального инвентаря.

Факторный анализ признаков выявил набор признаков, которые мы можем считать характерными для могильников этого временного периода: крепидообразные гробницы (0,916460), погребения в могильных ямах (0,893700), индивидуальные погребения (0,738807), погребения в гробах (0,701879).

В третью группу были включены 10 могильников конца XVII–XVIII вв. Для них характерны земляные насыпи и почти не известны насыпи других типов, каменные курганы не встречены. Лишь в одном могильнике зафиксированы насыпи с каменным панцирем. Распространены погребения как в грунтовых ямах, так и на горизонте. Большое количество ям с заплечиками, ям щелевидной конструкции, в одном случае выявлена яма с подбоем – ляхдом. Нет каменных ящиков. В одном могильнике выявлены гробницы-крепиды. Исчезают гробы и колоды. Широко распространены деревянные перекрытия ям, в заметно меньшей степени – облицовка стен могилы деревом. Преобладают одиночные,

встречаются парные, но одновременные захоронения. Увеличивается доля погребений, где умерший уложен на правом боку с разворотом головы к югу. Преобладают безынвентарные погребения.

Характерными признаками для памятников этого периода стали: ямы со ступеньками (0,885921), положение умершего на правом боку (0,885921), черепа на правом виске (0,885921), безынвентарные погребения (0,708872).

Таким образом, в результате статистического анализа признаков мы получили общие характеристики погребальных памятников каждой из трех хронологических групп, а также набор типичных для каждого из выделенных периодов признаков погребального обряда. Следует подчеркнуть, что выделенные признаки, как типичные, так и не типичные для каждой из хонологических групп, отражают трансформацию погребального обряда, происходящую во времени, т.е. его эволюцию, но не выявили всего многообразия изменений, происходящих в пространстве, иными словами, не дают полной картины локальных особенностей обряда на каждом из хронологических горизонтов.

5. Полученные результаты дают представление об основных направлениях и хронологических этапах эволюции погребальных традиций адыгов. С XIV в. среди адыгов утверждается подкурганный ингумационный обряд погребения умерших. По сведениям письменных источников, в это время наряду с языческими представлениями адыги исповедуют христианство.

По датируемому 30-ми гг. XIII в. сообщению католического миссионера, прибывшего «в страну Сихия, в город, что именуется Матрика», «вождь и народ называют себя христианами, имея греческое писание и греческих священников»[36]. Иоанн Шильтбергер в своем «Путешествии по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год» пишет о земле черкесов, населенной христианами, исповедующими греческую веру[37].

Широкому распространению христианства среди адыгов в это время также способствует и католические миссионеры из основанных в XIII в. в Причерноморье итальянских колоний.

Погребальные памятники адыгов явственно фиксируют изменения в духовной культуре адыгов, связанные с широким распространением христианства. Вероятно, именно в результате влияния христианских традиций среди адыгов распространяется обычай ингумационных погребений в могильных ямах и в гробах.

О степени христианизации адыгов мы узнаем из великолепного источника второй половины XV в., сочинения итальянского путешественника, географа и этнографа Джорджио Интериано, побывавшего у адыгов: «Они исповедуют христианскую религию и имеют священников по греческому обряду. Знатные не входят в храм до шестидесятлетнего возраста, ибо, живя, как и все они, грабежом, считают это недопустимым, дабы не осквернять церкви. По прошествии же этого срока, или около того времени, они оставляют грабеж и тогда начинают посещать богослужение, которое в молодости слушают не иначе, как у дверей церкви и не слезая с коня… Священники у них служат по-своему, [употребляя] греческие слова и начертания, не понимая их смысла»[38].

Наибольшее количество погребений в гробах приходится на период XV–XVI в. и выявлено в кабардинских курганах. В это же самое время М. Броневский, польский дипломат и государственный деятель, характеризуя кабардинцев, пишет: «И хотя они называются христианами и известно, что большая часть их была таковыми еще во времена генуэзцев, но, лишенные в дальнейшем храмов и [покинутые] священниками, они теперь сохраняют лишь смутное представление о религии. Большинство из них – идолопоклонники»[39].

Последняя четверть XV в. ознаменована распространением в Северном Причерноморье внешнеполитической активности османского государства,

оказавшей непосредственное воздействие на жизнь народов Западного Кавказа, проживавших по соседству с подчинившимся султану Крымским ханством и попавших в сферу завоевательных интересов османских султанов. В период крымско-османского владычества среди адыгов распространяется ислам. Однако распространение его происходило далеко не мирным путем. Что вызывало и сопротивление адыгов, и вплоть до XVII в., по-видимому, основная часть населения не была исламизирована. С XVII в. признаки обращения адыгов и Северо-Западного Кавказа, и Центрального Предкавказья в ислам становятся более заметны.

По погребальному обряду кабардинцев влияние ислама просматривается на материалах погребений могильника Октябрьский, где были выявлены ямы со ступеньками, черепа умерших уложены на правый висок). С конца XVII в. у кабардинцев распространяется практика строительства мавзолеев кешене для представителей знати. Прекращение этой традиции относится к концу XVIII в.[40] Помимо мавзолеев, кабардинцы возводили стелы. Для западных адыгов строительство мавзолеев не характерно.

Аналогичная ситуация наблюдается и на материалах Закубанья: К концу XVII в. практически исчезает обряд погребения в гробах, который можно связывать с влиянием христианских обычаев. В то же время в комплексах XVII в. хорошо заметно влияние ислама. Среди западных адыгов также распространяется обычай возведения каменных стел. На курганах разрушенного могильника Пащенкова поляна были обнаружены плиты с арабскими надписями XVIII в., в том числе и с абсолютной датировкой 1727 г.[41]

С XVIII в. распространение ислама по памятникам археологии фиксируется на большей территории расселения адыгов. Упрочение позиций мусульманского вероисповедания отражает эволюция погребального обряда адыгов этого времени в сторону увеличения числа погребений, совершаемых в могильных ямах и глубины могильных ям, появления деревянных обкладок стен могильных ям и особенно – деревянных перекрытий могил, появления не характерных для более ранних памятников адыгов могил с подбоем – ляхдом в продольной боковой стенке, обращенной в сторону Кыблы, а также ям с заплечиками или ступеньками, на которые опирается деревянное перекрытие, или ям т.н. щелевой конструкции, при которой щель (шакк или хуфра) сооружается посередине могилы, в нее опускается покойник, а уступы используются в качестве опор для перекрытия. Изменяется положение умершего в погребении, тело которого разворачивают на правый бок, череп укладывают на правый висок. Увеличивается число безынвентарных погребений и уменьшается количество и разнообразие вещей в наборе сопроводительного инвентаря. К числу признаков мусульманского погребального обряда отнесем также сооружение «надгробий» в виде каменных стел над курганными насыпями.

Источники свидетельствуют о том, что процесс обращения адыгского населения в ислам в XVIII и начале XIX в. протекал не равномерно, во многом зависел от внешних факторов, особенно от прочности военных и политических позиций каждой из сторон русско-османского противостояния. Так, в письме 1827/1828 гг. верного Османской империи шапсугского (натухайского) князя Зан-оглу Сефер-бея о мерах по распространению ислама среди одного из субэтнических групп адыгов Северо-Западного Кавказа говорится: «Три четверти племени шапсугов приняли ислам, остальные не стали мусульманами и не повинуются. Они стараются вновь привлечь на свою сторону и других. Наставление их на истинный путь зависит от независимости коменданта Анапы от Османского государства и наличия у него большого количества воинов»[42].

Материалы исследованных археологических памятников также показывают, что не были изжиты традиционные языческие верования. Их

отражение в погребальных памятниках проявляется в традиции подкурганного обряда, совершении погребения на уровне древнего горизонта, сооружении разнообразных каменных околомогильных конструкций (каменная обкладка погребений, гробницы-крепиды, помещение нескольких крупных камней в изголовье и ногах погребенного и т.д.), сооружение каменной обкладки курганной насыпи, сопровождение умершего набором погребального инвентаря. Так были совершены погребения в могильнике Лысенков I: под курганными насыпями, окруженными каменными обкладками, на уровне древнего горизонта, в сопровождении погребального инвентаря. На позднюю датировку исследованных погребений, не ранее XVIII в., указывает обнаруженная в одном из курганов шашка[43].

В горных районах Северо-Западного Кавказа языческие представления оказались особенно прочными[44]. Л.И. Лавров вспоминал, как он, будучи студентом Ленинградского университета приехал летом 1930 г. на практику к черноморским шапсугам в первый же день столкнулся со свидетельствами поклонения местного населения священным рощам[45].

Восприятие мусульманских традиций и обрядов происходило избирательно, так же как ранее лишь некоторые христианские традиции получили распространение в местной среде в весьма специфической форме, они обогатили сложную картину верований населения, основу которых составляли древние языческие представления.

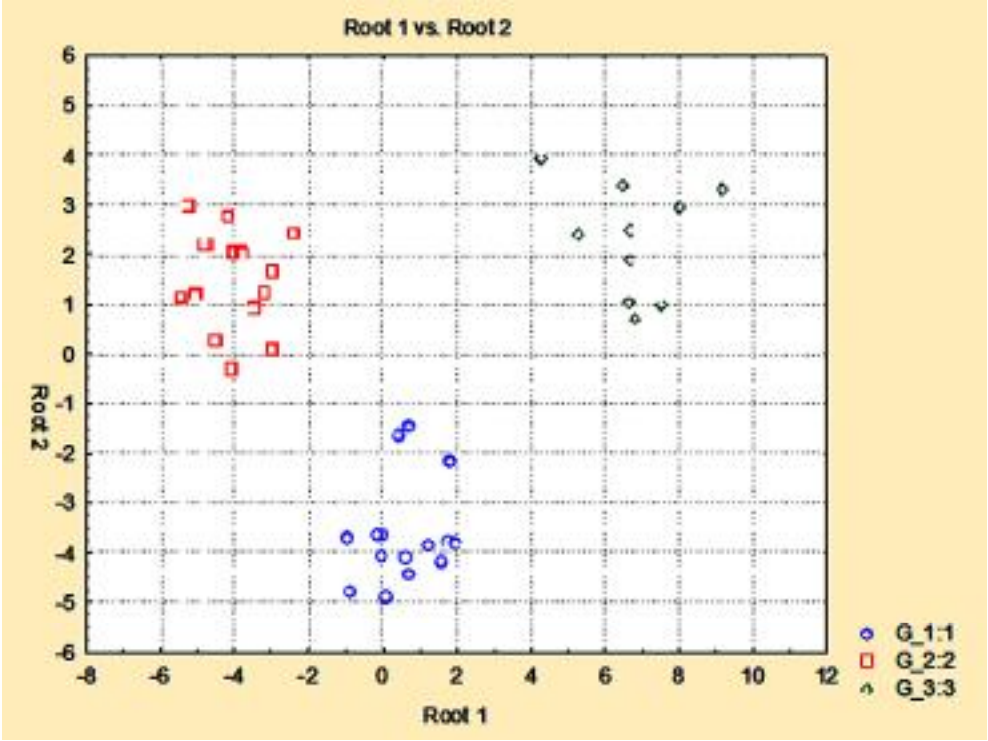


Рис. 1. Результат дискриминантного анализа признаков погребального обряда трех хронологических групп могильников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Левашева В.П.* Белореченские курганы // Археологический сборник. Труды государственного исторического музея. М., 1953. Вып. XXII. С. 164–213.

2. *Милорадович О.В.* Кабардинские курганы XIV–XVI вв. // Советская археология. М., 1954. XX. С. 343–356.

3. *Алексеева Е.П.* Очерки по истории черкесов в XIV–XV вв. // ТКЧНИИ. Черкесск, 1959. Вып. III.

4. *Лавров Л.И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1959. С. 193–236.

5. *Нагоев А.Х.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000.

6. *Стрельченко М.А.* Особенности погребального обряда могильников Северо-Западного Кавказа XIII–XV вв. // Древности Кубани. Краснодар, 2003. Вып. 19. С. 30–38.

7. *Минаева Т.М.* Археологические памятники Черкесии // Труды Черкесского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Черкесск, 1954. Вып. II.

8. *Минаева Т.М.* Кабардино-черкесские курганные могильники в Ставропольском крае // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1954. Вып. 6. С. 287–305.

9. *Милорадович О.В.* Указ. соч. С. 343–345.

10. *Алексеева Е.П.* Указ. соч. С. 62–73.

11. *Стрельченко М.А.* Материальная культура адыгейских племен Северо-Западного Кавказа в XIII–XV вв. // Рукопись дисс… канд. истор. наук. Архив ИА РАН. 1969. Р-2. № 2033.

12. *Чеченов И.М.* Древности Кабардино-Балкарии (Материалы к археологической карте). Нальчик, 1969.

13. *Тешев М.К.* Адыгские погребальные сооружения в развитом и позднем средневековье в Туапсинском районе и на черноморском побережье Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.

14. *Нагоев А.Х.* Указ. соч.

15. *Фоменко В.А.* Пятигорье в XV – середине XVIII века. Пятигорск, 2002. С. 61–63. Рис. 17.

16. *Даутова Р.А.* Кабардинские курганы на территории Чечено-Ингушетии // Конференция по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения. Тезисы докладов. М., 1982. С. 87–88.

17. *Нагоев А.Х.* Указ. соч. С. 25–39.

18. *Шафиев Н.А.* Отчет археологической экспедиции Кабардино-Балкарского государственного университета за 1963 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 2690. Л. 8.

19. *Там же.*

20. *Паллас Петр Симон.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974. С. 215–216.

21. *Люлье Л.Я.* Общий взгляд на страны, занимаемые черкесам (адыге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними горскими народами / Ландшафт, этнографические исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 54.

22. *Там же.*

23. *Лавров Л.И.* «Обезы» русских летописей // Советская этнография. 1946. № 4. С. 165.

24. *Сивер А.В.* Шапсуги. Этническая история и идентификация. Нальчик, 2002. С. 43–62.

25. *Каменецкий И.С.* Код для описания погребального обряда. Часть I // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. М., 1983; *Каменецкий И.С.* Код для описания погребального обряда. Часть II // Археологические открытия на новостройках. М., 1986. Т. I.

26. *Афанасьев Г.Е.* Донские аланы. М., 1993.

27. *Атавин А.Г.* Информационно-поисковая система «Номад» (печенеги, торки, половцы в междуречье Дона и Волги) // Базы данных в археологии. М., 1995. С. 34–52.

28. *Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007.

29. *Коробов Д.С.* Информационно-поисковая система «ALAN». Аланские катакомбные могильники Северного Кавказа IV–IX вв. // Базы данных в археологии. М., 1995. С. 98–124; *Он же.* Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. М., 2003.

30. *Винидиктов А.П., Берлизов Н.Е., Пьянков А.В., Зеленский Ю.В.* Код для описания погребальных памятников // Древности Кубани. Краснодар, 2002. Вып. 18. С. 4–20.

31. *Левашева В.П.* Указ. соч. С. 179. Рис. 3, 25; *Стрельченко М.А.* Вооружение адыгейских племен в X–XV веках (По материалам Убинского могильника). С. 149. Рис. 2.

32. Крым. Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Серия Археология. М., 2003. С. 269. Табл. 102: 3, 7, 20, 43.

33. *Нагоев А.Х.* Указ. соч. С. 50–52. Рис. 8–10; *Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., Кизенек А.Н., Дмитрук В.В.* Исследование курганного могильника Бжид 2 в 2001 г. // Исторические записки. Исследования и материалы. Новороссийск, 2003. Вып. 4. С. 87, 89. Рис. 17: 1; 19:1; 25:1.

34. *Аствацатурян Э.Г.* Оружие народов Кавказа. М.–Нальчик, 1995. С. 30; *Новичихина Л.Ю.* Керамические курительные трубки из окрестностей ст. Благовещенской // Древности Кубани. Краснодар, 2002. Вып. 18. С. 40–41. Рис. 1.

35. *Левашева В.П.* Указ. соч.

36. О существовании Великой Венгрии, обнаруженной братом Рихардом во время господина Папы Григория Девятого // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов (далее – *АБКИЕА*). Нальчик, 1974. С. 31.

37. Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, азии и Африке с 1394 года по 1427 год // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 38–39.

38. *Интериано Джорджио.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 47.

39. *Броневский М.* Описание Татарии // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 54.

40. *Лавров Л.И.* Об арабских надписях Кабардино-Балкарии // Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. С. 258.

41. *Анфимов Н.В.* Отчет о работе Черноморской археологической экспедиции 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1385.

42. История адыгов в документах Османского государственного архива. Нальчик, 2009. Вып. 1. С. 43–44.

43. *Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н.* Работы Адыгейского отряда ИА РАН в Абинском районе Краснодарского края // Археологические открытия 2007 года. М. (в печати).

44. *Хан-Гирей.* Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов. Нальчик, 1974. С. 72; *Лавров Л.И.* Указ. соч., 1959. С. 235.

45. *Лавров Л.И.* Этнография Кавказа. Л., 1982. С. 21.

Фоменко В.А. (г. Нальчик)

АДЫГИ В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ КУБАНЬ В XIV–XVIII вв.

(по данным археологии)[1]

Верхнее Прикубанье (Карачаево-Черкесию) можно считать территорией одной из наиболее рано освоенных адыгами. Некоторые исследователи полагают, что уже майкопскую археологическую культуру можно связывать с предками адыгов[2]. Протоадыгская принадлежность майкопской культуры, позволяет предполагать, что предки адыгов обитали на территории Карачаево-Черкесии уже в III тысячелетия до н.э., так как памятники майкопской культуры в верховьях Кубани хорошо известны (например у г. Усть-Джегута)[3]. Однако некоторые современные исследователи проявляют заметную осторожность в вопросах прямого отождествления праабхазо-адыгов с майкопской культурой[4]. Следует заметить, что попытки связать памятники майкопской культуры с другими этносами, например, тюркскими оказались несостоятельными[5].

Верхнее Прикубанье входило в ареал распространения дольменной археологической культуры. Дольмены эпохи бронзы (II тыс. до н.э.) известны на реке Кривой (приток Кяфара) в Зеленчукском районе[6]. Большинство ученых считает строителями дольменов предков современных адыгов и абхазов[7].

В эпоху поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н.э.) территория современной Карачаево-Черкесии и юго-восточных районов Краснодарского края была охвачена т.н. прикубанским очагом металлургии и металлообработки[8]. Археолог А.А. Иессен выделил верхнекубанскую группу этого очага по находкам характерных изделий из бронзы в верховьях Кубани и Зеленчуков, на Теберде и Кяфаре.

Анализ археологических памятников верховьев Кубани и Зеленчуков (территории нынешней Карачаево-Черкесии) показывает, что далекие предки адыгов жили в этом регионе задолго до массового заселения адыгами этих мест во второй половине XIII–XIV вв.[9] Однако археологическое изучение бытовых и погребальных памятников Верхнего Прикубанья раннего железного века и раннего средневековья позволяют говорить о полиэтничном составе местного населения, связанном с проникновением и оседанием здесь ирано- и тюркоязычных кочевников[10].

Огромный исследовательский интерес представляет эпоха позднего средневековья. Многочисленные курганные могильники XIV–XVII вв. и письменные источники засвидетельствовали массовое заселение изучаемого региона адыгскими этническими образованиями[11].

Относительно времени массового переселения адыгов в центральные районы Северного Кавказа наиболее распространенной остается точка зрения Э.В. Ртвеладзе (рубеж XIV–XV вв.)[12]. Вместе с тем, почти хрестоматийным стало предположение, что расселение восточных адыгов-кабардинцев к востоку от Кубани до Терека произошло до XIII–XIV вв.[13] Существуют и другие версии. Например, утверждение В.Н. Кудашева о том, что: «Кабардинцы заняли места, где живут и в настоящее время, не раньше конца XV или начала XVI в.»[14]. В последнее время эта гипотеза становится все более популярной. Так, В.М. Аталиков предположил, что массовое

переселение адыгов на восток от Кубани произошло в конце XV в. после захвата восточного Причерноморья и Приазовья Османской империей[15]. От себя замечу, что заселение Верхнего Прикубанья и более восточных районов следует рассматривать как сложный длительный и многоэтапный процесс, который начался задолго до XIII в. и продолжался до второй половины XV в.

По мнению Н.Г. Ловпаче переселение адыгов на восток, начинается ранее XIV в., но четко прослеживается по распространению курганов с начала указанного столетия. В Закубанье интенсивное распространение курганов наблюдается также с XIV в. в Убинском могильнике[16]. Вслед за Н.Г. Ловпаче можно предположить, что группы адыгского населения не являвшиеся носителями типичного курганного обряда погребения могли обитать в верховьях Кубани и сопредельном Пятигорье уже в IX–XIII вв., где раннесредневековые памятники весьма разнообразны. Например, грунтовые могильники, каменные склепы и скальные погребения вряд ли являлись сугубо аланскими. В XIV в. адыгское население могло занимать некоторые равнинно-предгорные районы Предкавказья, с той же вероятностью, что и центральное и северо-восточное Закубанье. Вполне возможно, что адыгское население в Центральном Предкавказье в XIV и первой половине XV в. не было стабильным, а находилось здесь в виде военных отрядов с целью сбора дани, ослабления потенциального противника, для сопровождения купцов и миссионеров. Ослабление Золотой Орды после похода войск Тимура и ее распад, образование Крымского ханства, взятие турками городов в Крыму и на северо-восточном побережье Черного моря, в результате чего здесь закончилось генуэзское торговое владычество – все это в корне изменило политическую ситуацию на Северном Кавказе[17].

Касаясь социального и политического развития восточных адыгов Л.И. Лавров справедливо подчеркнул, что огромное значение для них имело переселение из Закубанья на просторы Центрального Предкавказья. Адыгская (кабардинская) верхушка получила возможность расширить производящее хозяйство (прежде всего скотоводство, носившее экстенсивный характер). Это сопровождалось ускорением прежде замедленных темпов развития феодальных отношений. И в XIX в. феодальные отношения у кабардинцев остались более развитыми, чем остальных адыгов. Становление феодализма в условиях территориального обособленности кабардинцев от родственных им адыгских племен Закубанья сопровождалось процессом складывания кабардинской народности. Итоги переселения адыгов на восток от Кубани Л.И. Лавров считал главными в этнической истории кабардинского народа[18].

Цель работы – рассмотреть важнейшие археологические памятники адыгов долины Верхней Кубани XIV – середины XVIII вв. Хронологические рамки работы определяются временем окончательного формирования адыгского (черкесского) этноса в Верхнем Прикубанье от XIV в. до периода походов российских войск генерала И. де Медема к Кубани на рубеже 60–70-х гг. XVIII в., существенно ограничивших самостоятельность здешнего населения.

Адыгские курганные могильники XIV–XVIII вв. широко известны на территории Верхнего Прикубанья (Карачаево-Черкесская республика). Сведения о них систематизировала Е.П. Алексеева. Евгения Павловна выделила отличительные черты этих курганов во внешнем виде, обряде погребения и инвентаре. К сожалению, только некоторые позднесредневековые курганные могильники Карачаево-Черкесии частично раскапывались. Некоторые курганы датированы ордынским и постордынским временем условно по характерному внешнему виду – небольшие многочисленные скученно расположенные насыпи. Часть позднесредневековых адыгских курганов XIV–XVIII вв. расположена в долине реки Кубань. Поздние курганные

могильники являются важнейшим видов археологических памятников на территории Карачаево-Черкесской республики.

Основные исследователи этих памятников истории и культуры – Татьяна Максимовна Минаева[19], Евгения Павловна Алексеева[20], Ханафи Хаджи-Муратович Биджиев[21], Герман Хаджи-Умарович Текеев[22]. Курганные могильники XIV–XVIII вв. Верхнего Прикубанья нельзя назвать хорошо изученными. Раскапывались (частично) только некоторые позднесредневековые могильники.

Публикаций позднесредневековых адыгских памятников Верхнего Прикубанья в целом немного, в основном они касаются отдельных комплексов. Отсутствуют также опубликованные сводные данные по археологическим объектам, не считая материалов более или менее полных археологических карт[23].

Все это, безусловно, приводит к тому, что основным источником по археологии Верхнего Прикубанья продолжают оставаться научные отчеты о раскопках и разведках.

Объем настоящей статьи не позволяет привести полное описание исследованных археологами памятников. Поэтому привожу только краткую (обобщенную) характеристику могильников и лишь описание отдельных курганов.

Курганный могильник на водоразделе между Малым Зеленчуком и Кубанью в верховьях балки Байталчапкан исследовался Т.М. Минаевой в 1949 и 1953 гг.[24] Могильник располагался у подножия горы Эльбурган на пологом склоне с левой стороны балки. Татьяна Максимовна указывает, что, вероятно, площадь этого могильника когда-то распахивалась, а потому большинство насыпей довольно сильно оплыли и только наиболее крупные курганы, которые оставались незатронутыми распашкой, сохранили четкую полусферическую форму. Т.М. Минаева насчитала на данном могильнике около 70 курганов и заметила, что особенностью этого могильника является более широкое размещение курганов по отношению друг к другу, чем в других синхронных могильниках.

Татьяна Максимовна раскопала здесь 8 курганов. Приводим краткие сведения о них в таблице:

№	насыпь			погребение		
	высота	диаметр	остатки тризны	количество гробов	пол погребенного	наличие сабли
1.	1,8	13,5	-	1	м	+
2.	2,5	15	+	1	м	+
3.	0,8	7,5	+	1	м	+
4.	0,75	9	+	1	м	+
5.	0,6	6	?	1	детское	-
6.	0,7	6	-	1	м	-
7.	0,6	4,5	-	1	м	-
8.	0,7	6	-	1	ж	-

Было замечено, что все курганы этого могильника с мужскими захоронениями располагались цепью по самой высокой части склона; курган с женским и детским погребениями находились ниже их по склону[25].

На могильнике в устье речки Байтал-Чапкан Т.М. Минаевой исследованы 3 кургана, давшие интересный материал.

Курган 1. Высота – 0,6 метра, диаметр – 6 метров. Насыпь состояла из булыжника, перемешанного с землей. В центральной ее части камня было меньше. Под центром .насыпи, на уровне древнего: горизонта, показался деревянный гроб, ориентированный по линии запад-восток, с легким уклоном к СЗ – ЮВ. Длина гроба – 2,5 метра, ширина – 0,7 метра, как в

западном, так и в восточном концах равная. Гроб был опущен в материк на всю свою высоту. Он имел вид узкого длинного ящика, со скошенными внутрь стенками. Покрыт он был колодой с вертикально обрезанными концами.

В гробу лежал мужской костяк головой на запад, на спине, вытянуто, руки вдоль туловища. Бедренные кости у коленных сочленений пробиты каким-то острым плоским орудием. Диаметр пробоин 3 см. Под правой тазовой костью лежала плоская железная стрела; вторая стрела лежала на тазе. У бедренной кости с правой стороны костяка найдены две железные пряжки, одна круглая маленькая, другая четырехугольная – более крупная. Под левой бедренной костью оказался железный нож длиной 0,21 метра, шириной – 2,5 сантиметра, в деревянных ножнах.

Курган 2. Высота – 0,6 метра, диаметр – 5,5 метра. Насыпь сложена из булыжника и битого камня. Под центром насыпи на уровне горизонта обнажился деревянный проб, ориентированный с запада на восток. Длина гроба – 2,2 метра, ширина – 0,7 метра. По форме он повторяет собою гроб из кургана 1.

В гробу лежал женский костяк головой на запад, на спине, вытянуто, руки вдоль туловища. Возле черепа с двух сторон найдены бронзовые позолоченные плоские кольца. Одна из поверхностей колец украшена резными ободками. На одном из них сохранился кусочек ремешка. У кисти правой руки, вдоль бедра лежал железный ножик. В углу проба, возле правой ступни, стояла сильно истлевшая деревянная коробка, окованная железом и инкрустированная костью. Внутри коробки ничего не оказалось.

Курган 3. Высота – 0,6 метра, диаметр – 8 метров. Верхняя часть насыпи состоит из булыжника, нижняя из земли. Под центром насыпи на уровне горизонта обнаружен деревянный гроб, совершенно того же вида, как в курганах № 1 и № 2. Длина гроба – 2,3 метра, ширина – 0,7 метра. Гроб был закрыт колодой.

На дне гроба лежал женский костяк, головою на запад, вытянуто, руки вдоль туловища. Бедренные кости у коленных сочленений были пробиты; как то наблюдалось у костяка в кургане № 1. С двух сторон черепа найдены кольца из бронзового прута. У поясничных позвонков с правой стороны лежал костяной предмет в виде шила с резным орнаментом. Возле левой бедренной кости – железный нож и кожаный мешочек с каким-то порошкообразным желтоватым веществом. На ногах до колен сохранились остатки сапог из тонкой кожи. У ступней ног стояла деревянная коробка, в ней лежали железные ножницы.

В 1977 году в зону строительства автодороги Инжиччукун – Верхнее Жако попала часть выше упомянутого могильника в верховьях балки Байталчапкан. Курганы располагались на южных склонах горы Эльбурган в 8 км к востоку от аула Эльбурган, Хабезского района. На могильнике ко времени раскопок сохранилось 47 насыпей. Строящаяся дорога проходила через эту группу курганов, захватывая 13 курганов. Экспедицию Карачаево-Черкесского областного музея краеведения, возглавил археолог Г.Х.-У. Текеев. В июне – августе 1977 года были исследованы подлежащие сносу курганы[26].

Общая характеристика раскопанных в 1977 году курганов такова. Насыпи круглые и полушаровидные, Диаметры насыпей от 5 до 12 м, высота – от 1 до 3 м. В насыпях всех курганов встречены древесные угли и по одному-два кремня. Подкурганные погребения были совершены с ориентировкой на запад в дубовых гробах, расположенных по центру курганной насыпи, иногда с небольшим отклонением.

По особенностям строения, описанные курганы относятся, в основном, к одному типу, а именно – насыпи из суглинка и глины. В четырех курганах 3, 5, 7, 12 имелись каменные кольца – кромлехи. Могильные ямы располагались, в основном, под центральной частью насыпи курганов. Глубина

ям колеблется от 0,4 м до 1,2 м. Все захоронения ориентированы с запада на восток. Гробы, встречаемые в этих курганах, изготовлялись из толстых дубовых досок, а покрывались дубовыми плахами. Гробы были составные, крепились доски без железных гвоздей и скоб. Гробы, обнаруженные при раскопках в урочище Байталчапкан, оказались истлевшими, но при аккуратной расчистке можно было хорошо проследить их форму.

При всех погребениях встречались или отдельно брошенные угли или же угли значительным слоем лежали под черепом или у ног.

№	насыпь			погребение		
	высота	диаметр	наличие кромлеха	количество гробов	пол	наличие сабли
1.	1,4	8		3	м; ж+м	
2.	0,5	7,2		1		
3.	1,8		+	1	м	+
4.	0,4	5		1	детское	
5.	0,8	8	+	1	ж	
6.	1	7,8-7,2		1	м	
7.	0,8	6	+	1	м?	
8.	0,8	6,6-6		1	м	
9.	1,6	12		1	м	+
10.	1,2	13,2		1	м	+
11.	0,4	6-5		1	детское	
12.	0,9	8	+	1	м	
13.	0,9	7,8		1	м	

Погребальный инвентарь имели как мужские, так и женские, кроме детских погребений. Характерной чертой всех погребений является отсутствие остатков «загробной» пищи. Ни костей животных, ни сосудов с напитками в них не найдено.

Инвентарь мужских погребений состоял почти исключительно из предметов вооружения: сабли, наконечников стрел, ножа, наконечника копья. Первое место по количеству в нем занимали наконечники стрел. Например, в кургане 10 найдено 13 экземпляров наконечников стрел.

Сабли найдены в 3 курганах могильника. Помещались они всегда с левой стороны погребенного мужчины, причем иногда она лежали рукоятью вниз, к ступням костяка. Все найденные сабли оказались однотипными, но разные по величине. По форме сабли изогнутые со штыкообразно заостренными концами клинка. От ножен сохранились железные пряжки для крепления ножен к ремням.

Обязательным для мужских погребений являлся нож, однолезвийный с толстой спинкой. Ножи носились в деревянных ножнах, украшенных берестой или обтянутых кожей. Во всех погребениях непременной находкой являлось кресало, которое имело вид железной толстой пластинки с загнутыми концами. В одном случае при мужском костяке оказался наконечник копья.

Инвентарь женских погребений несколько беднее. В состав его входят височные подвески представляющие собой кольца из серебряного прута. В женском захоронении был найден серебряный наперсток. Из орудий труда в женских погребениях встречены ножницы для стрижки овец.

Курганный могильник у южной окраины села Важное был исследован летом 1982 года экспедицией Карачаево-Черкесской областной станцией юных туристов. Руководил экспедицией Герман Хаджи-Умарович Текеев. Были раскопаны 2 кургана, оказавшихся на участке строящейся фермы совхоза «Красногорский»[27]. Эти курганы входили в состав группы из состоящей из 7 курганов и расположенной на правом берегу реки Кубань, в 1 км

к юго-западу от южной окраины села Важное Усть-Джегутинского района, в 400 м от шоссе, идущего из Черкесска в Карачаевск.

Кроме того, при разведках; был обнаружен еще один могильник юго-западнее от места раскопок на расстоянии 1,5 км второй аналогичный курганный могильник. Следует сказать, что в 1976 году у села Важного 3 адыгских кургана раскопал Биджиев Х.Х. Ханафи Хаджи-Муратович раскапывал также аналогичные курганы у селения Кубина (очевидно, в устье Байталчапкана)[28].

В долине реки Кубань известны и другие позднесредневековые адыгские памятники. Курганные группы этого времени известны у города Усть-Джегута на берегу реки Джеганас и в других местах. У Усть-Джегуты Т.М. Минаевой были зафиксированы остатки мавзолея XIV в.[29]

«В богатой, но разграбленной гробнице» в долине Кубани у поселка Шестая шахта по сведениям краеведа С.Д. Мастепанова был найден медный гроб, описание которого не известно. По сведениям Е.П. Алексеевой еще один медный гроб происходит из адыгских курганов XIV–XV вв. в долине Кубани у аула Сары-Тюз[30]. При исследовании Сентинского храма В.И. Марковиным была расчищена каменная гробница, где находилось не полностью разграбленное богатое погребение девушки-подростка, совершенное в гробу, обитом медными листами. Дата погребения по золотому украшению и другим вещам определяется XI–XII вв. Хотя установлено, что кладбище Сентинского храма функционировало до конца XIV в.[31] Аналогия погребениям в медных гробах известна в Белореченском могильнике XIII–XV вв. Находки погребений в медных гробах возможно, свидетельствуют о том, что знать из южноевропейских колоний Крыма или Восточного Причерноморья еще в дозолотоордынскую эпоху осваивала торговый путь по долине Кубани, причем не всегда успешно[32].

Как видно из приведенных выше сведений, адыгские позднесредневековые курганные могильники расположены не по всей верхней части долины Кубани, а занимают довольно компактную территорию, концентрируясь у современных селений Кубина и Важное, а также в соседнем урочище Байталчапкан (левый приток Кубани). Сосредоточение курганных групп в определенном районе позволяет предполагать длительное обитание здесь какого-то племени восточных адыгов. На территории долины Кубани к северу от Усть-Джегуты и до Эркин-Шахара адыгских позднесредневековых курганов пока не выявлено.

На севере верхнекубанской земли в устье Смертной балки расположено уникальное фортификационное сооружение – крепость Хаджикале. В литературе довольно часто упоминаются крепости конца XV – первой трети XIX восточного Причерноморья и Приазовья[33]. Однако о располагавшейся на значительном удалении от морского побережья – в верховьях Кубани, крепости Хаджи-кале известно очень не много.

Остатки крепости Хаджи-кале находятся в северной степной части Карачаево-Черкесской республики у слияния Кубани и Малого Зеленчука близ станицы Беломечетской.

Крепость в этом районе упоминается еще в работе турецкого путешественника Эвлии Челеби в XVII в. посетившим Прикубанье. Он кратко описывает крепость Шад-керман расположенную у слияния реки Дженджек (Зеленчук – *В.Ф.*) и Кубани. Это деревянная крепость четырехугольная в плане, цитадель сложена из кирпича, имеется ров с деревянным висячим мостом. Кадием сюда был назначен Тухтар Хаджи-Али из кумыков. В крепости обосновались 100 кумыкских джигитов. Кроме того, гарнизон состоял из 50–60 джигитов. В крепости находились соборная и квартальная мечети, постоялый двор и баня. Как сообщает Э. Челеби крепость была построена кабардинским князем Мисост-беем (судя по контексту в XVII в. – *В.Ф.*) для защиты от калмыков и взята под управление крымским ханом Мухаммед-Гиреем[34].

По сведениям Ш.Б. Ногмова, крепость с мечетью была основана во время похода крымско-османских войска во главе с Алегот-пашой на Кабарду. В составе войска отправившегося через Закубанье «на поражение кабардинцев были многие муллы, эфенди, хаджи … строя при этом в некоторых местах мечети и крепости. …Они успели многих закубанцев обратить к исламу и основать в их земле крепость и мечеть, назвав ее Хаджи-кале. Развалины этой крепости сохранились и до настоящего времени; место это называется Хаджи-тагой или «долина хаджи»»[35].

На карте, составленной Е.Д. Фелицыным, на левобережье верхней Кубани обозначено турецкое укрепление Хаджи-Кале (в переводе с турецкого – крепость паломника)[36].

В работе Р.У. Туганова приводятся сведения, что крепость Хаджи-кале была основана в 1761 году старшим сыном старшего князя Кабарды Бомата (Мугамет-бека) Кургокина (Атажукина). По сведениям Р.У. Туганова Темрюко Атажукин твердо придерживался антирусской ориентации, был в Крыму и Турции, совершил хадж (паломничество) в Аравию, получив звание хаджи. В 1761 году Темрюко с семьей переселился в на левый берег Кубани основав там Хаджи-кале – поселение с мечетью и оружейными мастерскими[37]. Упомянутую выше версию Ш.Б. Ногмова о происхождении этой крепости Рашид Умарович не комментировал.

В середине 90-х гг. XX в. развалины Хаджи-кале были осмотрены краеведом В.Г. Мозговым, а в 2006 году и автором этих строк. Укрепление располагалось на правой стороне урочища Смертная балка. В среде местного ногайского населения наряду со словом Ажикала для обозначения упомянутых выше развалин используется топоним Акмешет[38]. Второе название связано с некогда находившейся на территории Хаджи-кале мечетью, сложенной из белого камня (известняка?). С прежним существованием здесь ориентира – белокаменной мечети связано также название станицы Беломечетской основанной на противоположном берегу Кубани в 1826 году. Крепость Хаджи-кале имела сравнительно небольшие размеры. Сохранились оплывшие ров и вал крепости с въездным проемом. На территории крепости и вблизи ее рва прослежены впадины – остатки существовавших здесь жилищ или других построек. Интересно, что из района слияния Кубани и Зеленчуков происходит серебряная османская монета султана Мустафы III (1757–1771 гг.)[39].

Следует сказать, что выше на Кубани и ее притоках находятся пять старинных похожих по архитектуре боевых каменных башен, из которых наиболее известна Адиюх. Одна из них расположена в самых верховьях Кубани у старого селения Хурзук. Исследователь этой башни И.М. Мизиев отмечал необычно ровную для средневековья поверхность Хурзукской башни[40]. Подчеркивает сходство Хурзукской башни с Адиюх и Л.И. Лавров[41]. Кызыл-калинскую боевую башню исследовала археолог Е.П. Алексеева и отметила черты сходства этой башни с Хурзукской и Адиюхской башнями[42]. Возможно, аналогичная башня располагалась в балке Клевцовой у пос. Новоисправненского[43]. Была высказана гипотеза о том, что Хурзукская, Кызыл-калинская, Новоисправнеская башни и башня Адиюх относятся к довольно позднему времени. Вполне вероятно, что эти боевые каменные башни составляли единую систему укреплений созданных в Верхнем Прикубанье в 60-х гг. XVIII в. кабардинским князем Темрюк-Хаджи Боматовым одновременно с земляной крепостью Хаджи-кале (окрестности поселка Эркин-Шахар)[44].

Следует предположить также, создание системы каменных укреплений в верховьях Кубани и ее притоках может свидетельствовать о попытке Крыма и Османской империи установить контроль над местным населением (абазинами, адыгами, карачаевцами, ногайцами). Названные крепости могли быть использованы и для контроля важнейших региональных

торговообменных и скотопрогонных путей, что также усиливало в крымско-османское влияние в Верхнем Прикубанье[45].

Большой интерес представляет недавно опубликованные сведения о башне Тугановых (Тыгьонэмэ якъал). Это старинное каменное сооружение, башня «адыго-аланского» рода Тугановых, располагалось на восточной окраине нынешнего Армавира на левом берегу Кубани. Краевед Р.К. Аракелов предположил, что башня входила в состав сигнальной системы, некогда имевшейся в этом районе. Возвышаясь над поймой Кубани, башня выполняла несколько функций: контролировала проход по реке, служила для подачи сигнальных огней, а также являлась жильем для семьи феодалов. Двое стариков, видевших башню Тугановых, утверждали, что она по общему виду напоминала башню Адефий (Адиюх – *В.Ф.*) на р. Малый Зеленчук, сохранившуюся до наших дней[46]. Башня Тугановых, судя по архитектуре, также была построена в середине XVIII в., а ее расположение позволяет предположить, что верхнекубанские каменные башни были частью линии укреплений созданных при содействии крымцев вдоль Кубани. В низовьях Кубани известны укрепления XVII–XVIII вв.[47], но в Среднем Прикубанье (от Невинномысска до Краснодара) из укреплений известна только Тыгьонэмэ якъал.

Следует сказать также, что равнинная часть долины Кубани административно входила в состав Крымского ханства и система укреплений у выхода из гор на равнину могла возникнуть намного раньше 60-х гг. XVIII в.

Созданная в верховья Кубани в начале 60-х гг. XVIII в. линия или сеть боевых каменных башен прекратила функционирование вместе с крепостью Хаджи-кале уже в конце 70-х гг. того же столетия. В это время в западной части Кабарды действовал мощный отряд российских войск генерала И. де Медема при поддержке калмыцкой конницы[48]. По условиям Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г. равнинная часть междуречья Кубани и Лабы становилась зависимой от России[49].

Трудно что-либо уверенно сказать о судьбе населения Хаджи-кале на рубеже XVIII–XIX вв. Вероятно, эти люди ушли в более удаленные районы Закубанья, а позднее частью переселились вместе с Темрюко Атажукиным в Кабарду. Известно, что он в 1771 году находился в Турции, спасаясь от русских. Умер Т. Атажукин в 1780 году и был похоронен в Кабарде близ устья реки Гунделен[50]. Вполне возможно, что часть прежних обитателей Хаджи-кале поселилась в Аджи-ауле (Хьэжыхьэблэ), основанном сыном князя Темрюка – Измаил-беем Атажукиным в 1810 году и названном по прозвищу отца – хаджи. Аул этот существовал не более двух десятков лет и находился на восточном подножии горы Бештау[51]. Потомки переселенцев из Аджи-аула проживают сегодня в селении Малка (восточная часть села называется Хьэжыхьэблэ), селениях Каменномостское, Батех, Этоко и других населенных пунктах Кабарды[52].

Таким образом, крепость Хаджи-кале была построена на западных территориях Кабарды не позднее XVII в. и возобновлена (перестроена) в 60-х гг. XVIII столетия, вместе с другими укреплениями (каменными башнями) сыграв важную роль в истории региона.

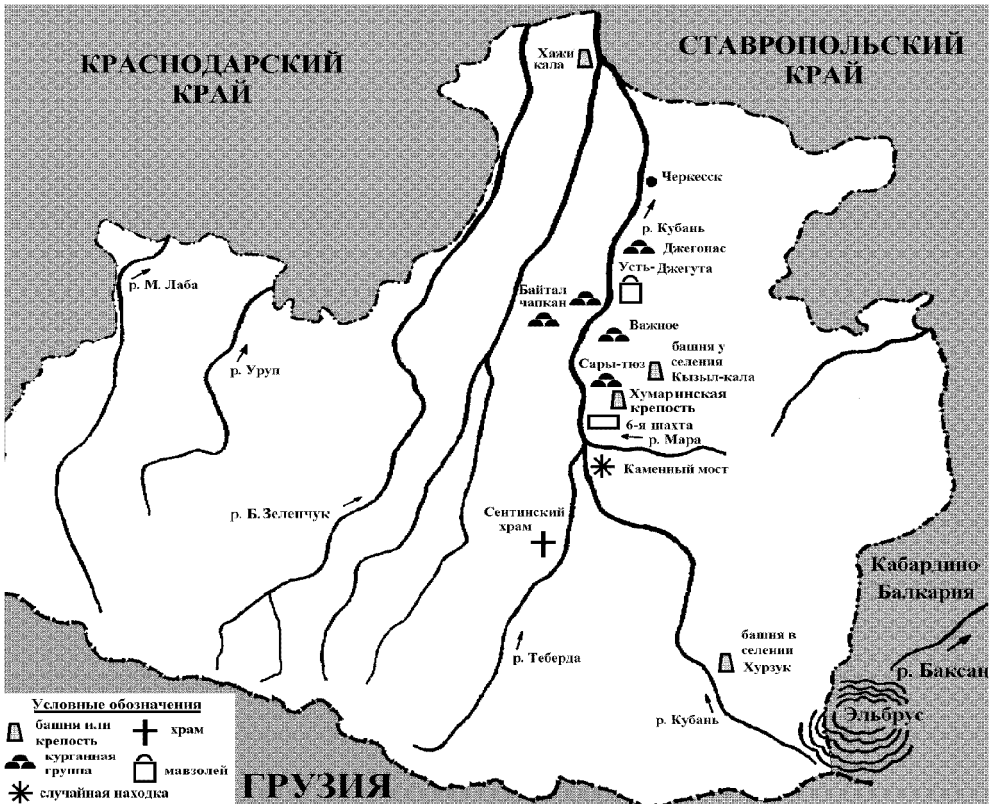


Рис. 1. Схема позднесредневековых адыгских археологических памятников, расположенных в долине Кубани (Карачаево-Черкесия).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статья была написана в 2006 г. и публикуется без изменений.

2. *Марковин В.И.* Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. М., 1974; *Бетрозов Р.Ж.* Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991; *Бетрозов Р.Ж.* Этническая история адыгов. Нальчик, 1996.

3. *Нечитайло А.Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1974; *Биджиев Х.Х.* Большой курган у аула Кубина в Карачаево-Черкесии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

4. *Кореневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. М., 2004.

5. *Марковин В.И.* Ответ на статьи, присланные в связи с дискуссией о майкопской культуре // Советская археология. М., 1990. № 4. С. 153–157.

6. *Марковин В.И.* Дольменные постройки в бассейне р. Кяфар // Советская археология. М., 1983. № 3. С. 90–109.

7. *Лавров Л.И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды Абхазского НИИ. Сухуми, 1960. Вып. XXXI. С. 101–178; *Марковин В.И.* Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. М., 1974; *Марковин В.И.* Испун – дома карликов. Заметки о дольменах Западного Кавказа. Краснодар, 1985.

8. *Пессен А.А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л., 1951. Вып. 23.

9. *Алексеева Е.П.* Предки адыгов на территории Карачаево-Черкесии в древности и раннем средневековье (к историографии пробелов) // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Майкоп, 1992.

10. *Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1962. Вып. 106; *Минаева Т.М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971;

Ложкин М.Н. Аланы на Урупе // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.

11. *Алексеева Е.П.* Кабардинские и западно-черкесские курганы Карачаево-Черкесии как источник по изучению этнической истории адыгов // Археология и вопросы этнической истории народов Северного Кавказа. Грозный, 1979; *Челеби Э.* Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2.

12. *Ртвеладзе Э.В.* К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа // Третьи Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Грозный, 1973.

13. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. С. 193–205.

14. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. К., 1913. С. 5–11.

15. *Аталиков В.М.* Наша старина. Нальчик, 1996.

16. *Ловпаче Н.Г.* Этническая история Западной Черкесии. Майкоп, 1997.

17. *Фоменко В.А.* Белореченские курганы XIII–XV вв.: вопросы социально-политических и этногенетических реконструкций // Социальное развитие России: состояние, проблемы, перспективы. Материалы научно-практической конференции. Майкоп, 2005.

18. *Лавров Л.П.* Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // Советская этнография. М., 1956. № 1.

19. *Минаева Т.М.* (1896–1973) – археолог-кавказовед, сотрудник Ставропольского краеведческого музея и преподаватель Ставропольского пединститута, кандидат исторических наук. В 40–50-х гг. проводила обстоятельные археологические разведки в долинах Большого и Малого Зеленчуков, а также Кубани. Ею были выявлены и частично исследованы адыгские позднесредневековые могильники (Байталчапканские, Карабежгонские и другие курганы) (См.: *Алексеева Е.П., Невская В.П., Т.М. Минаева* – археолог-кавказовед // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Серия историческая. Ставрополь, 1974. В 7.).

20. *Алексеева Е.П.* (1921–1994) – выдающийся историк-кавказовед, археолог и историограф, доктор исторических наук (1969). Долгие годы работала в секторе истории Карачаево-Черкесского НИИ (современный Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований). В 50–60-х годах Евгения Павловна проводила планомерные раскопки археологических памятников Верхнего Прикубанья с целью воссоздать картину этногенеза здешнего адыгского (черкесского) населения. Раскапывала позднесредневековые могильники у селений Жако (1953–1954) и Бесленей (1956–1957). Т.М. Минаевой и Е.П. Алексеевой были подведены первые итоги исследований адыгских курганов в Верхнем Прикубанье. В конце 60-х – начале 90-х гг. Е.П. Алексеева развивала свою концепцию развития адыгского этноса в Верхним Прикубанье (См.: Фоменко В.А. Вехи жизни и научного творчества // Алексеева Евгения Павловна. Био-библиографический очерк. Армавир, 1995; *Озова Ф.А.* Е.П. Алексеева // Карачаево-Черкесскому институту гуманитарных исследований 70 лет. Черкесск, 2002).

21. *Биджиев Х.Х.-М.* (1939–1999) – известный ученый (археолог-полевик, историк-медиевист) и преподаватель высшей школы, доктор исторических наук (1994). В 70–80-х гг. XX в. проводил многочисленные археологические исследования (раскопки и разведки) на территории Карачаево-Черкесии. Кандидатская диссертация (1972 г.) была посвящена памятникам материальной культуры Карачая XIV–XVIII вв. (См.: Известные люди Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1997. Т. 1. С. 133–134; *Озова Ф.А.* Биджиев Х.Х. // Карачаево-Черкесскому институту гуманитарных исследований 70 лет. Черкесск, 2002. С. 63–64).

22. *Текеев Г.Х.-У.* (Р. 15.02.1937) в 1970–1980-х годах проводил раскопки позднесредневековых курганов в долине верхней Кубани.

23. *Минаева Т.М.* Археологические памятники Черкесии // Труды Черкесского НИИ. Черкесск, 1954. Вып. II; *Алексеева Е.П.* Очерки по истории черкесов XIV–XV вв. // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Серия историческая. Черкесск, 1959. В 3; *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М., 1992.

24. *Минаева Т.М.* Указ. соч.; *Минаева Т.М.* Кабардино-черкесские курганные могильники в Ставропольском крае // Материалы для изучения Ставропольского края. Ставрополь, 1954. Вып. VI.

25. *Минаева Т.М.* Кабардино-черкесские курганные могильники в Ставропольском крае // Материалы для изучения Ставропольского края. Ставрополь, 1954. Вып. VI.

26. *Текеев Г.Х.-У.* Отчет археологической экспедиции областного музея краеведения о раскопках в урочище «Байталчапхан». Черкесск, 1977. Отчет хранится в архиве Института археологии РАН. Фонд Р-1. Д. 6926; См. также: *Текеев Г.Х.-У.* Раскопки в урочище Байталчапкан // Археологические открытия 1977 года. М., 1978.

27. *Текеев Г.Х.-У.* Отчет археологической экспедиции Карачаево-Черкесской областной станций иных туристов. Черкесск, 1982. Отчет хранится в архиве Института археологии РАН. Фонд Р-1. Д. 10056.

28. *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М., 1992.

29. *Карданов А.А.* К истории изучения археологических памятников адыгов XIV–XVII вв. // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989; *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М., 1992.

30. *Алексеева Е.П.* Указ. соч.

31. *Марковин В.И.* Исследование Сентинского храма и некрополя в Карачаево-Черкесии // Историко-археологический альманах. Армавир, 1996. В 2. С. 80–202.

32. *Фоменко В.А.* Белореченские курганы XIII–XV вв.: Вопросы социально-политических и этногенетических реконструкций // Социальное развитие России: состояние, проблемы, перспективы. Материалы научно-практической конференции. Майкоп, 2005.

33. *Приймак Ю.В.* К хронологии османского присутствия в Северо-Восточном Причерноморье (конец XV – первая треть XIX вв.). Армавир, 1997; *Рудницкий Р.Р.* Исторические предпосылки создания Азово-Моздокской оборонительной линии. Пятигорск, 2003.

34. *Челеби Э.* Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. Вып. 2. С. 84.

35. *Ногмов Ш.* История адыхейского народа. Нальчик, 1994. С. 145.

36. *Фелицын Е.Д.* Военно-историческая карта Северо-Западного Кавказа с 1774 года до окончания Кавказской войны. Отдельный оттиск хранится в библиотеке Пятигорского краеведческого музея.

37. *Туганов Р.У.* Измаил-бей. Нальчик, 1972.

38. *Мозгов В.Г.* Из опыта эколого-археологической работы близ границ Средней Кубани // Прочноокопский историко-культурный многоугольник. Материалы конференции. Армавир, 1994. С. 54.

39. *Прокопенко Ю.А.* Клады и находки единичных монет на территории Ставропольского края и Карачаево-Черкесии // Из истории земли ставропольской. Ставрополь, 1995. С. 10, 30. Рис. 19.

40. *Мизиев И.М.* Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970. С. 19.

41. *Лавров А.П.* Башня Адиюх в Черкесии // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.–Л., 1940. Вып. VII. С. 99–100.

42. *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М., 1992. С. 142–143.

43. *Алексеева Е.П.* Указ. соч. С. 174.

44. *Фоменко В.А.* О некоторых работах по истории Верхнего Прикубанья XV–XVIII вв. // История и культура народов Северного Кавказа. Пятигорск, 2005. Вып. 1.

45. *Фоменко В.А.* Хаджи-кале // Тринадцатые чтения по археологии Средней Кубани. Материалы конференции. Армавир, 2006. С. 21–23.

46. *Аракелов Р.К.* Очерки топонимии Армавира и его окрестностей. Армавир, 2004.

47. *Соловьев В.А.* Суворов на Кубани. Краснодар, 1992; *Приймак Ю.В.* К хронологии османского присутствия в Северо-Восточном Причерноморье (конец XV – первая треть XIX вв.). Армавир, 1997.

48. *Потто В.А.* Два века терского казачества. Владикавказ, 1912.

49. *Потто В.А.* Указ. соч.

50. *Туганов Р.У.* Измаил-бей. Нальчик, 1972.

51. *Фоменко В.А.* Пятигорье в XV – середине XVIII века. Пятигорск, 2002. С. 25–27.

52. *Афаунов А.* О местожительстве и потомках Ш.Б. Ногмова // Ногмов Ш. История адыхейского народа. Нальчик, 1994. С. 185–186, 189.

Озова Ф.А. (г. Черкесск)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КНЯЖЕСКОЙ ДИНАСТИИ ЧЕРКЕСИИ

О времени правления Абдан-хана. В истории Кавказа князь Инал известен как основатель княжеской династии Черкесии. Черкесские историки Ш.Б. Ногма и Хан-Гирей писали, что Инал «имел все качества великих и добродетельных людей», что «современники почитали его человеком сверхъестественным, причастным святости», что князь Инал был «наименован святым»[1]. В народе его, как и знаменитых рыцарей-нартов адыгов, называли Инал Неф/Нэф (кяхские диалекты черк. яз.) / Нэху (кабард. диалект черк. яз.) – Инал Светлый[2]. Грузинские источники называют его Инал Великий[3].

В результате многочисленных экспансионистских войн, происходивших на территории Черкесии, как в период Позднего Средневековья, так и в Новое время, ее летописания, существование которых подтверждалось черкесскими князьями («князья их тех мыслей, что они имеют несколько старых книг, содержащих древнюю историю земли их»[4]), оказались уничтоженными. В основе истории княжеской династии Черкесии лежат, прежде всего, генеалогические предания. Именно с этим обстоятельством связана неопределенность в вопросе датирования времени правления князя *Инала*, так как фольклорная традиция, как это обычно бывает, относит ко времени его жизни героические события различных эпох. На сегодняшний день в научной литературе имеется две точки зрения на временную принадлежность эпохи князя Инала:

1) конец VIII – начало IX вв.[5]; 2) конец XIV – начало XV вв.[6]

Задачей этой статьи является историческая интерпретация одной из версий родословной черкесских князей (конец XVIII – начало XIX вв.), рукопись которой хранится в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и в государственном архиве Кабардино-Балкарской республики (копия)[7]. Эта версия предания в принципиальных чертах совпадает с генеалогической историей черкесских князей, зафиксированной в сочинениях Ш.Б. Ногма, Э. Челеби, Я. Потоцкого, Ф.Д. де Монпере, Э. Спенсера. Однако архивный вариант дополняет версии перечисленных авторов в ряде важных и принципиальных деталей. Историческая интерпретация рукописи позволяет датировать время жизни пращура князя Инала Абдан-хана началом XIII в., а эпоху Инала – концом XIV – началом XV вв.

Не может не интересовать вопрос: как возникла держава Инала?

Ш.Б. Ногма, опираясь на черкесские предания и на труды ближневосточных историков Табари и Джиафара[8], писал, что родословная великого князя Инала брала свое начало от Араб-хана – князя из Вавилонии, правившего в Египте. Потомки Араб-хана после долгих перипетий оказались в Северо-Восточном Причерноморье, где стали правителями адыгов[9]. Согласно сведениям Ш.Б. Ногмы и Хан-Гирея после Араб-хана (Арап-хана) правили его потомки – Абдан-хан – Кес – Адо (Адед-хан) – Хурофатлае (Хурфелай) – Инал[10]. Генрих-Юлиус Клапрот, опираясь на информацию собранную «из уст черкесских старейшин» во время путешествия на Кавказ в

1807–1808 гг., также отразил в своем сочинении широко распространенное в черкесской среде предание о происхождении их князей[11]. У Я. Потоцкого (1798) эта цепочка выглядит так: Ноэ-Сем-Радун, Лаун, Раун – Абдун-хан – Кирсай (Kissrai)/Кесс (Kess) – Аду-хан – Хруфатайя-Инал(ь), т.е. ведет свое начало от старшего сына пророка Ноя Сема[12].

Автор IV в. Эпифаний также причисляет меотов к потомкам библейского Ноя, но не от его старшего сына Сема, а от младшего – Яфета[13].

Иналид по происхождению князь Александр Мисостов также вел свою родословную от Яфета. Эта версия о происхождении адыгов встречается и у другого адыгского мыслителя – Нури Цагова: «Яфис адыгэм ядэщ. Адыгэм ядэщхуэр IэIэтщ. IэIэт ядэр Таргъумщ. Таргъум ядэр Кимырщ. Кимыр ядэри Нухь и къуэ Яфисыращ» (Яфис/Яфет – отец адыгов. Дед адыгов – IэIэт. Отец IэIэт'а – Таргум. Отец Таргум'а – Кимр/Кимер. Отец же Кимр'а/Кимера – сын святого Нуха /Ноя Яфис»[14].

«Картлис цховреба» дает представление о том, как имя потомка библейского Ноя Кавказа стало эпонимом народов Северного Кавказа[15]. Хроника «Жизнь картлийских царей» Мровели Леонти (XI), которой открываются все известные списки средневековых грузинских хроник «Картлис цховреба» возводит кавказские народы – армян и картлийцев, ранов и мовакановъ, эров и леков, мегрелов и кавкасианов (подразумевая под последними автохтонов Западного Кавказа на территории от реки Терек до «западных пределов» Главного Кавказского хребта) к их общему отцу Таргамосу. «Сей Таргамос был сыном Таршиса, внуком Иафета – сына Ноева. Был тот Таргамос героем. <…> Среди сынов его отличились восемь братьев, герои многосильные и славные, которых звали так: первого – Гаос, второго – Картлос, третьего – Бардос, четвертого – Мовакан, пятого – Лек, шестого – Эрос, седьмого – Кавкас, восьмого – Эгрос»[16].

Следует отметить, что «Повесть временных лет» также подтверждает грузинскую летопись Мровели Леонти «Жизнь картлийских царей» и черкесские предания по вопросу происхождения адыгских князей. Перечисляя народы, принадлежавшие царству Яфета, она называет среди них одну из древних протоадыгских общностей – «Меоти»[17].

Э. Челеби сообщал, что князь Инал вел свою родословную из Аравии, от рода пророка Мухаммада – Курейш[18].

Версия родословной черкесских князей, записанная скорописью в конце XVIII – начале XIX вв., хранящаяся, как уже упоминалось, в РГВИА, совпадает в наибольшей степени с генеалогической историей черкесских князей представленной в сочинении Я. Потоцкого. Однако архивная версия дополняет вариант Я. Потоцкого в нескольких обстоятельствах, имеющих принципиальный характер для нашего исследования. Приведем здесь пространную цитату из этого документа (в оригинальной редакции). «Ной Праведник, имел трех сыновей. Старшей был Сим, который имел четырех сыновей, старшей Ларун, от которого произошли в Арабии ханы: а от трех ево братьев, Радуна, Лауна и Рауна, произошел и княжей единой род: вышли ж де оне из Аравии, по причиняемой им притеснений, в разные страны и пределы; но из оных называемой Абдан-хан с своими подданными в небольшем числе был прибегнут в под покровительство царю Константину, а от него, испрося позволение, отправился х кесарю Римскому, у коего живучи при милости де несколько времени; а потом по случаю некоторых междуусобиц испрося позволение, отправилися в Крым. И жили на речке называемой Кабарда: где от него Абдуна был рожден сын, коего называли Кесрием, для того что он Абдун у кесаря был содержан при милости, а по черкески стали звать Кес; потом оттуда вышли на судах в Суждук, а оттоле перешли в устье реки Кубани, в урочище называемой Кызылташ, которой от Сугужука расстоянием 6 часов езды; и там умножаясь в разные неподалеку удобные места поселилися, где Абдан умре, а по нем сын ево Кес

зделался халифом, то есть властителем; после ж ево смерти вступил сын ево Аду хан; а по нем сын ево, Хруфалая, был халифом; а по нем сын ево Инал, которой был человек ласковий и благоразумием дарований, и при ево правлении из разных мест многие люди собирались к нему, и управлял он немалое время и оставшейся от него золотой крест и по [сей] день в Кабарде сохраняется»[19].

Вопрос о происхождении князя Инала был, прежде всего, вопросом о политико-правовой легитимности власти черкесских князей. В.Н. Сокуров оценивает «попытку» «возведения адыгской княжеской династии к Ною» как «идеологическую диверсию», делая вывод, что эта генеалогическая легенда «имеет идеологически заданное «миссионерское» происхождение»[20]. Однако такую оценку вряд ли можно назвать адекватной тем сведениям, которые передаются таким количеством источников, которыми мы располагаем, начиная, по меньшей мере, с IV в. Смысл и значение генеалогических версий о происхождении князя Инала раскрывается средневековым воззрением на природу царской власти на Земле. Царская власть в представлениях средневековья имела божественную природу, согласно этой доктрине она возникла впервые на Земле в Египте с воцарением здесь потомков Святого Ноя/Пророка Нуха, а оттуда – распространилась по всем странам. Именно поэтому судьбы всех царствующих династий Земли неразрывным образом связывались с Египтом[21], с территорией Аравии. Необходимо обратить внимание на немаловажный аспект процитированного предания, который совпадает с представлениями, бытовавшими во всем мире: *все* царские династии Земли вышли из Египта «в разные страны и пределы» в их числе и царская династия Черкесии[22]. Вопрос об этом процессе – исходе из Египта – находится в сфере мифологической истории. Проблема же воцарения в стране одной из ветвей ее княжеского рода, шегакской[23] (один из черкесских субэтносов – *О.Ф.*) княжеской династии, вполне может найти свое научное разрешение.

Исключительное положение в социальной и политической иерархии Черкесии Иналидов подчеркивали титулы, использовавшиеся писарями при записях их генеалогических историй. В известных нам родословных встречается 9 видов терминов для обозначения их царственного положения:

тюркские

– во-первых, сами имена князя-объединителя «Инал» или «Акаб-гу» являются именами-титулами; Инал – лицо, имеющее знатное происхождение, высокородный человек; Акаб-гу – правитель, родственник соверена, западный правитель, наместник, или – свободный, независимый, благородный; А.В. Гадло указывал на интересный факт, «что адыгская фольклорно-эпическая традиция сохранила этот титул в сказаниях о нартах» – Ябгашха Бессердечный[24]. С другой стороны, бытование тюркского имени-титула в Черкесии не может вызывать удивление при знании своеобразного обычая этой страны, о котором писал Дж. Интериано (вт. пол. XV – начало XVI в.): «Новорожденному дают имя того, кто первым из посторонних войдет в дом после родов, и если это грек, латинянин или вообще носит иностранное имя, то всегда прибавляют к этому имени [окончание] «ук»; например – Петро – Петрук, Пауло – Паулук»[25].

– тегин/тегенн/дегеню - принц[26];

– хан – в средние века – государь, в Монгольской империи – правитель улуса[27];

– мурза – принц, царевич[28];

арабский

– халиф – титул верховного правителя, соединявшего духовную и светскую власть[29];

русский

– государь[30] / великий князь[31]; властитель[32];

черкесский

– пщы/пшьи – властелин, государь; «произошло от слова нахипсш или выше, которое на черкесском языке употребляется обыкновенно для обозначения высшей степени достоинства. <…> Это название присвоилось классу, облеченному верховною властию, а впоследствии сделалось нераздельно с названием власти вообще»[33].

Эти титулы использовались людьми, записывавшими текст родословных, для обозначения исключительного социального статуса черкесских князей династии Абдан-хана-Кесрия/Кесса/Кеса-Инала. Записывая родословные им было проще использовать более знакомые им «восточные» (хазарские, монгольские, татарские, арабские) или русские термины, чем сложные в фонетическом отношении черкесские слова. Титулование князя Инала «акабгу», «тегином», «ханом», «халифом», «мурзой», «государем, великим князем» было призвано показать его как верховного правителя, соверена, наделенного как духовной, так и светской властью, но никак не хазарина, не монгола, не татарина, не араба, не русского. Первые историки черкесского происхождения Ш.Б. Ногма и Хан-Гирей приводят адыгский термин, сохранившийся в преданиях и использовавшийся в их родном языке, для обозначения понятия «властелин, государь» – пщы/пшьи.

А.В. Гадло подчеркивал, что «сказание об Инале, сохранившееся в устной адыгской традиции как часть генеалогического предания, отражает историческую реальность». Он придавал ему большое значение, как новому источнику средневековой истории Кавказа, который позволяет более полно представить существо процессов, происходивших внутри адыгской общности[34]. В связи с такой постановкой проблемы на себя обращают внимание два вопроса: когда и на каком историческом фоне возникла династия Абдан-хана и время правления его потомка князя Инала.

Вопрос о времени правления Абдан-хана не ставился исследователями. Фредерик Дюбуа де Монпере отмечал, основываясь на сведениях грузинских летописей, знакомых ему в переводе Броссе, что время правления Абдан-Хана приходилось на конец XIV – начало XV вв. Время правления князя Инала он относит на сто лет позже тех дат, которые даются Ш.Б. Ногмой, – на начало XVI в. Ф.Д. де Монперэ писал, что Инал «был известен по всему Кавказу и отличался удачей в войнах. Под управлением этого вождя джихи (зихи – *О.Ф.*), конечно, и произвели свой набег на Имеретию в 1509 г. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что это Цандия Инал Дафита, называемый грузинской летописью Броссе «ненавистным», тот самый вождь, который отразил нападение мингрельцев и гурийцев, когда они хотели отомстить джихам за их набег, и совершенно разбил тех и других. Дадиан, многие князья и военачальники подверглись избиению, другие были захвачены в плен. Малакий, патриарх Абхазии, явился в лагерь Инала для выкупа тех, кого пощадил меч. Эта согласованность грузинской летописи с генеалогическими преданиями представляет тем больший интерес, что она дает возможность установить определенное время правления Инала, между тем как Паллас, Иван Потоцкий и Клапрот имели об этом неясные данные»[35]. Однако надо отметить, что эти сведения вносят еще большую сумятицу в вопрос о датировке эпохи князя Инала и склоняют к предположению, что имя «Инал», являясь династическим именем черкесских государей, могло принадлежать нескольким (возможно двум) представителям этой династии, в том числе и легендарному правителю Иналу. Относительно легендарного князя Инала представляется, что наибольшего доверия заслуживают сведения Ш.Б. Ногма, указывавшего на 1427 г. как на дату смерти князя Инала[36], определяя тем самым время его жизни и правления второй половиной XIV – началом XV вв. Эти даты подтверждаются и генеалогическими историями черкесских князей XVII–XVIII вв. Так, согласно родословным князей Черкасских тесть Ивана Грозного Темрюк Идаров, известный с 1557 г.

как великий князь Кабарды, «приходился праправнуком (по другим версиям – правнуком) Иналу, т.е. отстоял от него на четыре-пять поколений, что вполне может составлять от ста до ста пятидесяти лет»[37]. Кабардинские князья в 1753 г. в своем прошении на имя императрицы Елизаветы Петровны указывали, что князь Инал правил в то время, когда «в Крыму ханом был Джанбек-Хан», имея в виду, по всей видимости, хана Золотой Орды Джанибека, сына хана Узбека, правившего в 1342–1357 гг.[38] Эти указания исключают датировку эпохи легендарного князя Инала началом XVI в.

Часть преданий связывает возникновение династии черкесских князей с существованием династии черкесских султанов и черкесского государства в Египте (1382–1517): «Наконец, из Мсыра (Египта – *О.Ф.*) пришел князь Инал и объединил адыгов»[39]. О связях между Черкесией и Египтом свидетельствуют как археологические[40], так и письменные источники. Так, известно, что в 1288 году на деньги рожденного в Крыму султана Египта черкесского происхождения Эльмелик-Эззахыра Бейбарса в Крыме-Солхате была построена очень красивая мечеть[41]. Однако, С.Х. Хотко – специалист по истории мамлюкского Египта, убедительно доказывает, что род черкесских пщи не мог восходить к египетскому султану Иналу Ашрафу (ум. в 1461)[42]. Опровергает мамлюкскую версию и внимательное прочтение преданий, согласно которым князь Инал – потомок династии Абдан-Хана, воцарившегося в стране за 100–150 лет до рождения Инала[43]. Таким образом, очевидно, что легендарный князь Инал – не пришелец, а потомок династии черкесских государей уже на протяжении полутора веков до него правивших в этой стране, на что указывают все варианты генеалогического предания.

Следует отметить, что многие ученые и путешественники, посетившие Черкесию или проживавшие в ней в разное время, из которых можно особо выделить Яна Потоцкого (1798), Эдмонда Спенсера (1836), Леонтия Яковлевича Люлье (владел черкесским языком, свыше 40 лет провел на русской службе в Причерноморье (1820–1862), из них пять лет прожив непосредственно среди черкесов[44]), зафиксировали абсолютно устойчивое в историческом сознании черкесского народа представление, что князь Инал правил страной в конце XIV – начале XV вв.[45]

В генеалогической версии Я. Потоцкого и в архивной рукописи, которую мы цитировали выше, имеется указание на момент воцарения Абдан-хана над адыгской общностью: время византийского императора Константина[46]. В этом предании император Константин выступает эпонимом. Идентификация императора Константина представляется сложной, о чем в свое время писал и Я.Потоцкий[47], так как в Византийской империи правило 11 императоров с именем Константин. Однако упоминание в тексте родословной «кесаря Римского» (римский цезарь (Kissar)), к которому Абдан-хан отправился с позволения «царя Константина», указывает на то, что это событие могло иметь место только после захвата Константинополя крестоносцами и создания Константинопольской империи или Романии или, как ее именуют исследователи, Латинской империи. Поэтому в тексте предания речь могла идти, на наш взгляд, лишь о Константине Ласкаре (1204–1205), провозглашенном византийским императором в день штурма Константинополя крестоносцами 13 апреля 1204 г.[48] Константин Ласкарь, спустя несколько часов после своего избрания, бежал из Константинополя в Никею, где и был коронован. Он пробыл в Никее до конца 1204 г. Именно Константин XI, как доказывает П.И. Жаворонков, был последним императором Византийской империи и первым василевсом династии Ласкарей[49]. Напрашивается вывод: Абдан-хан, будучи одним из адыгских князей, род которого находился под покровительством византийских императоров, после захвата Константинополя, ездил к Константину XI в Никею. После этого визита он посетил в Константинополе императора / кесаря Романии / Латинской империи, позиционировавшего свою

империю правопреемницей Византии[50]. Предание гласит, что Абдан-хан «впоследствии с позволения «кесаря Римского» «отправилися в Крым и жили на речке называемой Кабарда»[51]. Иналид по происхождению князь А.М. Мисостов указывал на время выселения черкесских князей из Египта» – «в шестом столетии после Магомеда» (т.е. с 1132 г. по 1232 г. – *О.Ф.*)[52]. Якоб Рейнигтс, находившийся на Кавказе в 1770–1780-е гг., также упоминал VI в. хиджры (т.е. с 1122 по 1222 г. – *О.Ф.*) как время поселения «зинджей» (зихов – *О.Ф.*) «на реке Кабар в Крыму»[53]. Если исходить из этих сведений, то время жизни Араб-хана/Абдан-хана можно отнести к периоду после 1122–1132 гг. Все эти данные не противоречат друг другу, а, напротив, согласуются. Они позволяют отнести возникновение династии черкесских государей Абдан-хана-Инала на начало XIII в. (1204–1205 гг.).

Домен Абдан-хана. Абдан-хан, от которого, согласно преданиям, надо вести родословную черкесских князей Иналидов, возвратился от римского кесаря в Таврику. Точнее, в ее юго-западную, нагорную часть, где недалеко от Херсона протекает река Бельбек, верховья которой продолжали именовать Кабардой и в XIX в. Затем, по прошествии какого-то времени, он с некоторою свитою переправились «на судах в Суджук[54], а оттоле перешли в устье реки Кубани, в урочище называемой Кызылташ, которой от Суджука расстоянием 6 часов езды; и там умножаясь в разные неподалеку удобные места поселилися…»[55].

Современному читателю, имеющему в распоряжении лишь отрывочные сведения об исторической географии Черкесии средних веков, представляется довольно странным нахождение адыгских князей на Таврике. Однако, еще русские академики П.С. Паллас и Г.-Ю. Клапрот были убеждены, что Таврика являлась исконной землей черкесов[56]. Нурий Цагов, черкесский историк и просветитель, также утверждал, что Крымский полуостров издревле был частью этнической территории адыгов[57]. Э. Спенсер писал, что происхождение черкесов «все еще остается покрытым мраком. То, что они когда-то были могущественным народом, а их язык был распространен не только по всему Кавказскому перешейку и в Крыму, но и вдоль берегов Кубани и Дона, подтверждено книгами древнегреческих историков»[58]. Два памятника византийской литературы начала IX в. – «Хронография» Иоанна Исповедника и «Житие Стефана Нового» называют Таврику (Крым) Зихией[59].

Большая заслуга в разработке проблем черкесской национальной истории средневековья принадлежит А.В. Гадло. Именно он впервые широко использовал материалы поместных соборов Константинопольской патриархии (к которой относились раннесредневековые адыгские епархии), церковных преданий, различных апокрифических сочинений, среди которых и сочинение монаха Епифания (конец VIII – начало IX вв.) «Житие апостола Андрея», Равенская космография (IX), сочинения византийских писателей-историков, начиная от Прокопия Кесарийского (ок. 500 – после 565) и заканчивая Иоанном Цецесом (Цецем) (XII) для воссоздания картины исторического развития адыгских общностей средневековья. Александр Вильямович, произведя анализ письменных источников, исторической этнонимики, черкесской топонимики и материалов археологических исследований второй половины XX в., смог расширить и углубить сложившиеся представления о средневековой истории адыгской общности[60].

Ключевое место в реконструкции средневековой адыгской истории занял этноним косогдиане/сугды. А.В. Гадло пришел к заключению, что «адыги в период средневековья были известны не только под живыми этнонимами (напр., зихи, касоги – *О.Ф.*), но также и под этнонимом-маской, заимствованным византийскими авторами из античной историко-географической традиции <…>. Таковым был этноним согдиане (согды, сугды, сугдеи)». Благодаря вышеназванным источникам и исследованиям

этноним сугды, имевший в апокрифических сочинениях метафорическое значение, получил вполне определенную локализацию. Этноним косогдиане/сугды был связан с этнической группой сагинов, упоминавшихся в VI в. Прокопием Кесарийским в левобережье Кубанской дельты на территории античной Синдики (современный Анапский район Краснодарского края – *О.Ф.*) и с адыгским племенем сагаки (схегакэ, шагахи, хегаки) или шегаки (согласно европейской традиции)[61], занимавшим тот же район вплоть до 1864 г. и влившихся в XIX в. в адыгскую общность натухайцев. «…Свидетельства византийских источников VIII–X вв. и восходящих к ним сочинений более позднего времени, в том числе древних переводных сочинений о согдианах-сугдах, – писал А.В. Гадло, – следует воспринимать как отражение истории одного из адыгских этно-территориальных объединений, которое существовало наряду с объединениями зихов, занимавших Черноморское побережье, и касогов, в основном владевших бассейном левых притоков Кубани». Таким образом, был сделан вывод, что на адыгских землях к началу VI в. сложились не две независимые конфедерации (Зихская и Касожская), как это было ранее принято считать, а три – Сагинская, Зихская и Касожская[62].

В «Житии апостола Андрея» монаха Епифания различаются нижние и верхние Сугдеи[63]. Нижние, приморские шегаки, исконно обитали вблизи дельты Кубани на землях древней Синдики. Верхние – жили выше дельты в степном Закубанье[64]. Расселение шегаков на Таврике А.В. Гадло связывал с хазарской экспансией на территорию Сагинской конфедерации во второй половине VII в. Низовья Кубани и Таманский полуостров стали для хазар плацдармом для завоевания Таврики и политического давления на адыгские конфедерации. Церковные документы второй половины VII–VIII вв. подтверждают наличие многочисленного адыгского населения на востоке и юго-западе Крыма. В начале VIII в. в восточной части Крыма на месте древнего эмпория, существовавшего здесь с 212 г., появилось поселение, получившего у греков название Сугдея (современный Судак – *О.Ф.*)[65]. При Константинопольском патриархе Германе (715–730) здесь была создана новая Сугдайская епископия[66]. Византийские источники называют территорию Таврики в VIII в. Зихией[67]. Епархиальные списки VIII в. относят к системе Зихской (Зихийской) епархии как древние кафедры Херсона и Боспора (их епископы присутствовали на I Вселенском соборе в Никее (325 г.)), так и Никопсийскую и Сугдайскую епископии[68]. Таким образом, церковные документы и письменные источники вкупе с данными археологии позволяют сделать вывод о том, что адыги, по меньшей мере с конца VII в., представляли основное население восточной и юго-западной Таврики. Известно, что многочисленное адыгское население проживало здесь вплоть до завоевания Крыма османами в 1475 г.

Согласно рассматриваемому здесь преданию Абдан-хан после прибытия на Таврику вскоре ее покинул и поселился в местечке Суджук (лежит ныне в развалинах при Цемесской или Новороссийской бухте[69]), где «обитавшие там адыхейцы приняли их ласково»[70]. Последнее обстоятельство может свидетельствовать только об одном, что Суджук и Кызылташ, куда Абдун-хан отправился через некоторое время, и где выстроил свою резиденцию крепость Шенджир[71], находились, как и территория юго-западной и восточной Таврики, в его владении.

К вопросу о развитии автохтонной государственности Черкесии. Амвросий (333/340–397 гг.) писал: «Азия, Понт, эниохи, скифы-кочевники, скифы таврские и меотийские царства и все босфораны подчиняются римской власти»[72]. По сведениям Прокопия Кесарийского (ок. 500 – после 565 гг.), в древности правитель страны зихов назначался римским императором[73]. Такая тесная взаимосвязь с греко-римским миром способствовала тому, что Кавказ стал одним из первых регионов, подвергшихся христианизации.

С другой стороны, утверждение христианства на Западном Кавказе было подготовлено существовавшими здесь издревле, еще с хаттских времен, монотеистическими представлениями: верховный Бог Тха (Тхьэ – черк.) протоадыгов являлся «синкретичным богом, вобравшим в себя, наряду с языческими чертами, сущностную сторону иудейско-христианского бога»[74].

Известно, что время начала христианской проповеди на Кавказе относилось к первому веку новой эры. Территория Причерноморья считалась апостольским уделом Андрея Первозванного. Каталог апостолов Сафрония указывает, что апостол Андрей проповедовал Евангелие в числе многих народов зихам и «Косогдианам (и Согдианам)»[75]. В свое третье пребывание в Причерноморье апостол Андрей снова посетил Зихию, в том числе и город на границе Авасгии и Зихии – «Никопсис Зикхийский» (в переводе с черк. – долина реки Нечепс (Ныджэпсыхъуо)) и верхнюю Сугдею[76].

Христианская традиция, бравшая свое начало со времен апостола Андрея (40-е гг. I в.), не прерывалась на Западном Кавказе и во время гонений на христиан в Римской империи. Один из авторитетных историков Православной церкви митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков) полагал, что Никопсийская епархия была основана еще апостолом Андреем. Он считал, что христианство стало бытовать в адыгских землях, по крайней мере, с IV в. Боспорская и Херсонская кафедры, входившие в систему Зихийской (Зихской) епархии, были основаны в III – начале IV вв. Как упоминалось выше подписи представителей Боспора Домна и Кадма стояли под актами I Вселенского собора (325 г.), епископ Херсона Филипп также присутствовал на этом Никейском соборе[77]. Херсонские иерархи были самовластными (автокефальными) и независимыми в управлении своими епархиями до времен Халкидонского Собора (451 г.), подчинивших их Константинопольскому патриархату[78].

К V в. относится усиление зихов и превращение Зихии в самое сильное политическое образование Северо-Западного Кавказа. Древние авторы называвшие земли между Черным и Азовским морями, Доном, Волгой, Каспийским морем и Кавказским хребтом Сарматией, подразделяли ее на две провинции: «Первая носила имя Зихии (Ζικχια – Zichia) и простиралась вдоль всего берега Азовского моря и Керченского пролива, приблизительно от самого устья Дона до Кавказа, а на восток неопределенно – где граничили с нею аланы. Вторая называлась Аланией и обнимала собою все остальное пространство Сарматии у Кавказа и Каспийского моря и от устья Дона и Меотического берега на северо-восток до Волги»[79]. Очевидно, что Зихия приобрела в то время совершенно особое значение в политике только что народившейся Византийской державы. Таврика и абхазские княжества, лежавшие к югу от Гагринского прохода (т.е. Авазгия и Апсилия), находились под властью Константинополя. С геополитической точки зрения было необходимо сомкнуть цепь византийских фортов и включить тем самым хотя бы побережье Зихии во владения империи[80].

К началу VI в. относится первое свидетельство о существовании на территории Зихской конфедерации особой церковно-административной организации: под постановлениями Константинопольского синода (526 г.) стоит подпись ее главы епископа Дамиана. Центром Зихской епархии в то время предполагалось сделать Фанагорию на Тамани, где в 20-е гг. VI в. была учреждена епископия, но после ее разорения на рубеже 20–30-х гг. VI в. кочевниками, было решено учредить новую епископию южнее Фанагории, в Никопсисе, известном проповедью апостолов Андрея Первозванного и Симона Ханаанеанина (Кананита). Покинутый на рубеже V–VI вв. Никопсис был возрожден и с VI в. стал центром одной из епархий Зихии[81].

Христианизация адыгских земель получила мощный импульс в период правления Юстиниана I (482 или 483–565). Прокопий Кесарийский писал, что в 30–40 гг. VI в. зихи уже ни в чем не повиновались Византии.

Юстиниану не удалось подчинить себе адыгские конфедерации и направить их силы против своих врагов[82]. Однако, несмотря на это, между адыгскими князьями и византийским императором сложились многосторонние связи. Как известно, философия имперской власти в Византии была такова, что она трактовала крещение как некое признание политического приоритета Византии. Понятия «христиан» и «ромей» были в некотором роде синонимами в представлении современников[83]. Церковная суприматия империи была неразрывно связана с ее военно-политической суприматией. Отражением наличия конфессиональных и военно-политических отношений кавказских правителей с константинопольским императорским двором стало широкое военное (крепости и укрепленные лагеря) и храмовое строительство (как внутри крепостей, так и вне их) на всем Кавказе, и в частности, на территории адыгских конфедераций. Во времена Юстиниана в странах Кавказа сложились предпосылки для зарождения автохтонной раннефеодальной государственности[84].

Эпоха Юстиниана I, по сведениям как письменных, так и археологических источников «оставила неизгладимый след в истории и культуре Западного Кавказа»[85]. Этому, прежде всего, способствовал масштаб личности Юстиниана Великого. Среди адыгов император Юстиниан был чрезвычайно известен, их предания сохранили почтительное отношение к нему среди народа: «Имя Юстиниана было в таком уважении между адыхами, что, для подтверждения своих слов, народ клялся юстиниановым *столом* и юстиниановым *троном*. <…> В древности наш народ никогда не клялся именем всевышнего существа, но произносил для подтверждения истины имя уважаемого человека»[86]. Согласно преданиям, адыги являлись, союзниками императора: «греческий император Юстиниан, по сказанию старцев, Юстин или Юстук, был союзником адыхейского народа и даже называл себя адыхейским витязем»[87]. Предания подтверждаются византийскими источниками. Анонимный автор, писавший о военном искусстве эпохи Юстиниана I, и «Стратегикон Маврикия» подтверждают, что во времена Юстиниана I восточно-римская кавалерия в основном состояла из наемников варварского происхождения. Их называли «союзниками» (phoideratoi). Командовал ими назначаемый императором чиновник. Основу их составляли германцы (эрулы, лангобарды, гепиды), кавказцы[88]. Кавказские воины защищали границы империи, не допуская персов к Черному морю[89]. Юстиниан I «высоко ценил храбрых адыгских всадников»[90]. «Все удивлялись необычайным почестям, которые воздавались Юстинианом царям Лазики и кавказским князьям»[91]. «С помощью наших предков, – писал Ш.Б. Ногма, – он одолел врагов империи. Так, между прочим, особенно сохранилась память о победе, одержанной над готами и их союзниками. После того Юстиниан обратил милостивое внимание на адыхов и стал прилагать старание к обращению их в христианство. Адыхе приняли его от греков без сопротивления, что и послужило к сближению двух народов. <…> Под влиянием союза с Юстинианом, греческое духовенство, проникши в Кавказские горы, внесло к нам миролюбивые занятия искусствами и просвещение. К этой эпохе относится строение божиих храмов в нашей земле»[92].

Конфессиональные и военно-политические интересы империи на Кавказе напрямую были сопряжены и с экономическими выгодами. Константинополь в то время был средоточием мировой торговли и контролировал обмен товаров между Европой и Азией. В связи с тем, что все торговые пути с Китаем находились в руках Персии, византийские купцы были вынуждены выплачивать им огромные торговые пошлины. Все усилия византийцев направленные на уничтожение персидской гегемонии в восточной торговле оказались тщетны. При императоре Юстиниане I поиски торговых путей и защита интересов купцов были неотъемлемым элементом государственной политики. В VI в. византийские дипломаты, являвшиеся

одновременно купцами и христианскими миссионерами, в поисках новых торговых путей проникали в глубь Африканского континента, в страны Азии а также в Крым и на Кавказ. Именно в эпоху Юстиниана окончательно сложились предпосылки таких важнейших моментов в истории Кавказа, как функционирование серии ответвлений Великого Шелкового пути через перевалы Западного и Центрального Кавказа[93].

Известно, что Причерноморье и Кавказ с античных времен являлись житницей Европы[94]. В средние века также имел место интенсивный вывоз продуктов скотоводства и рыболовства из Причерноморья и Таврики в Константинополь и в страны Европы[95].

Динамичное социально-экономическое развитие адыгских общностей в раннем средневековье, утверждение на их территориях христианства (монах Епифаний, посетивший Зихию в конце VIII – начале IX вв. свидетельствовал, что христианство уже в значительной степени было распространено среди закубанских адыгов[96]) способствовали их этнической консолидации и усилению центростремительных тенденций в развитии адыгской автохтонной раннефеодальной государственности, что, судя по имеющимся источникам, по крайней мере, к концу VIII в., нашло свое проявление в следующем:

– утверждение за всей адыгской общностью объединенного этнонима независимо от занимаемого той или иной группой района – касаг/косог или зихи/джики. (Восточные народы, хазары и народы Закавказья называли адыгов касаг/косог/кашак; жители Таврики (Крыма – *О.Ф.*) – сугды (косогдиане, согдиане); византийцы и европейцы – зихи; абасги, апсилы и грузины – джики);

– начало формирования в среде самих адыгов общего этнического самосознания;

– упрочение внутренних этнокультурных связей;

– начало распространения внутри общности одного языка-диалекта (сугдийского языка-диалекта), выступавшего в качестве языка посредника в межплеменном и межтерриториальном общении;

– существование адыгской письменности на греческой графической основе на базе сугдийского диалекта;

– устремления сугдийско-зихско-касожского православного священничества к единению страны, выразившиеся, прежде всего, в создании адыгской письменности[97].

Раннесредневековое адыгское государство, возникшее во второй половине VIII в.[98], подверглось вскоре дроблению. Процесс политической децентрализации был во многом сопряжен с дальнейшей феодализацией адыгской общности. О политическом разделении государства свидетельствовало дробление церковной организации[99], так как церковные епархии согласно принципа канонической территории в христианской традиции совпадали территориально с политико-административно-территориальными границами. Изменение статуса и количества Зихских епархий на протяжении обозначенного времени свидетельствует о возвышении или падении тех или иных феодальных уделов. Автор начала IX в. Феофан Исповедник свидетельствовал, что в VIII в. единая Зихская епархия включала в себя автокефальные архиепископии, непосредственно подчиненные патриарху Константинополя: Херсон, Боспор, Никопсис. К Зихской церкви принадлежало и епископство Тамани. На рубеже VII–VIII вв. образуется архиепископская кафедра в Сугдее[100], которая также принадлежала к системе Зихской церкви. На протяжении столетий старшим иерархом единой Зихской епархии выступал архиепископ Херсона. В начале VIII в. кафедральным городом Зихии стал Никопсис Зихийский[101]. Однако на рубеже VIII–IX вв., согласно одной из версий исторической судьбы Никопсиса Зихийского, он был аннексирован Абхазским царством (впоследствии он слился со старым епархиальным центром Авазгии в Себастополисе)[102].

Согласно Notitia episcopatuum 7 и 8 (901–912) единая Зихская епархия больше не существовала[103]. Этот факт свидетельствовал о распаде политического объединения адыгов, сложившегося в середине VIII в. на землях Кубанской дельты[104].

Необходимо сказать и о том, что феодальная раздробленность, ослабив адыгскую общность, привела к активизации экспансии на ее земли. Экспансия шла как со стороны упомянутого уже Абхазского царства, так и со стороны Хазарского каганата, Византийской империи и Аланского царства.

Такой «интерес» к этим территориям был связан с той ролью, которую адыгские земли играли в международной жизни раннего средневековья. Ведь обладание торговыми путями в то время по их рентабельности можно сравнить с современной торговлей энергоносителями или новейшими технологиями. В VII–VIII вв. за преобладание в этом регионе соперничали Византийская империя и Хазарский каганат, в результате которого, по мнению ряда византистов, в конце VIII – начале IX в. в Таврике был установлен кондоминатный период – период двоевластия Византийской империи и Хазарского каганата, просуществовавший до 40-х гг. IX в.[105] Из этого противостояния Византия вышла победительницей. Как пишет известный медиевист С.Б. Сорочан, в 841 г. «имперские амбиции Византии в Таврике на какое-то, пусть непродолжительное, время, наконец, оказались удовлетворены. Организация стратигата на территории Крымского полуострова, порожденная не одной причиной, а целым комплексом долго вызревавших разнообразных причин, наконец, состоялась»[106]. Особый военно-административный округ во главе со стратигом охватил территорию прилегающих к городу и более отдаленных «мест» (областей – климата) в Юго-Западной, Южной и отчасти Юго-Восточной Таврике, по меньшей мере, вплоть до Сугдеи, то есть был сравнительно протяженным[107].

Авторы первой половины X в. Константин Багрянородный и Мас'уди описывают картину феодальной раздробленности в адыгских землях. Константин Багрянородный в качестве обособленных областей выделял «землю Херсона и Климатов», являвшуюся на то время военно-административным округом Византийской империи; землю Боспора; крепость Таматарху с окрестностями, от которой в 18–20 милях находилась река Укрух (Кубань – *О.Ф.*), «разделяющая Зихию и Таматарху»; «а от Укруха до реки Никопсис, на которой находиться крепость, одноименная реке, простирается страна Зихия. Ее протяженность 300 миль. Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагия – страна Касахия»[108].

Константин Багрянородный упоминает о постоянных набегах алан на зихов[109]. Арабский географ Мас'уди также отмечал, что отсутствие политической консолидации, символом которой является единный государь, способствовало успеху экспансии алан в стране касогов/кашаков. Он считал, что, в случае единения касогов/кашаков, ни один народ, в том числе и аланы, не смогли бы им противостоять[110].

В нотациях, составлявшихся в течение X в., архиепископии Херсона, Боспора, Тамани вновь объединены как Зихские кафедры, как части одной Зихской епархии. Как считал А.В. Гадло после падения Хазарского каганата в середине 60-х гг. X в. имела место попытка реставрации единой Зихской епархии – древней церковно-административной организации, объединявшей наиболее авторитетные кафедры Северо-Восточного Причерноморья. С этими процесамии связана и попытка возрождения политического объединения адыгов. В 70-е годы X в. происходит перемещение центра экономических и социально-политических процессов адыгской общности из области приграничной к Авазгии в низовья Кубани, в Таматарху; соответственно – из Никопсиса[111] в Таматарху перемещается и центр Зихской епархии. С той поры Таматарха становится как политическим центром, так и основным христианским церковным оплотом

адыгских земель. Персидский аноним «Худуд ал-алем» называл Таматарху в 80-е гг. X в. городом Касек, одним из этнических имен всех адыгов[112].

В период между 988 и 1043 гг. значительную роль в военных силах Византийской империи стал играть русский корпус. Русский отряд принимал участие в завоевательных войнах Василия II (976–1025)[113]. Продвижение князя Владимира в Северное Причерноморье (988–989) было связано с обращением к нему в 988 г. византийских императоров Василия II и Константина VIII за помощью в подавлении мятежа поднятого византийским военачальником Вардой Фока (987–989). Согласно заключенному между сторонами договору князь Владимир обязался подавить этот мятеж. Владимир же при условии принятия крещения, получал покровительство императоров, которое должно было быть закреплено династическим браком князя Владимира с византийской принцессой Анной. В 988 году Владимир крестился в Херсонской архиепископии, принадлежавшей к системе Зихской епархии. В 989 году его войска ликвидировали восстание Фоки. В ответ на попытку императоров избежать бракосочетания Владимира и Анны, Владимир осенью 989 года осадил и взял штурмом главный форпост Византии в Таврике и на Кавказе Херсон, объявив, что это предупреждение перед походом на Константинополь. Анна была отправлена в Херсон, где и состоялась свадьба. После женитьбы Владимира на принцессе Анне он вернул Византии Херсон и ушел назад в Киев[114].

В дельте Кубани обосновалась русская дружина, она оккупировала Таматарху (Тмутаракань), наиболее богатый город Причерноморья того времени. Было образовано так называемое Тмутараканское княжество[115]. Во главе этого княжества князь Владимир поставил своего седьмого малолетнего сына (из двенадцати) Мстислава. Этим актом Тмутаракань была включена в состав вассальных Киеву земель и ставилась под защиту византийских императоров и их союзника великого князя Владимира. Как это было принято в то время, русский князь присвоил себе лишь прерогативы высшей власти, сохранив социально-политическую структуру и самоуправление местного населения[116]. «Повесть временных лет» возвращается к фигуре князя Мстислава через 34 года, в сообщении под 1022 г. в связи с противоборством князя Мстислава и князя Касожского Редеди, вызванного, по всей видимости, борьбой за прерогативы высшей власти в адыгских землях. Князь Касожский Редедя предстает в Лаврентьевской летописи как соверен единого политического организма[117]. Согласно традициям эпохи спор решено было разрешить личным поединком между представителями противостоящих сторон. Князь Мстислав, вызванный князем Редедей на рукопашный поединок, «зареза Редедю [и] шед в землю его взя все именье его [и] жену его и дети его и дань възложи на Касогы и пришед Тьмутораканю …»[118]. Подтверждают наличие политической консолидации адыгских земель вокруг единого центра – Матархи / Тмутаракани и археологические данные. Моливдовулы (свинцовые печати) тмутараканского князя Олега (в крещении Михаил – *О.Ф.*), правившего здесь в конце XI – начале XII вв. с изображением архангела Михаила и греческой надписью: «Господи, помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии»[119], свидетельствуют о том, что князь Касожский Редедя являлся совереном значительной территории – Таманского полуострова, Зихии, восточной и юго-западной Таврики (обозначены топонимом-маской «Хазария»).

Известно, что на следующий год после взятия Тмутаракани, князь Мстислав вернулся к Киеву с дружиной касогов и хазар и одержал победу над князем Ярославом. После чего – «сел» в Чернигове[120], оставив на княжении в Тмутарокани сына Евстафия. А.В. Гадло полагал, что князь Мстислав имел глубокую связь с адыгским миром. Своего единственного сына он назвал необычным для русской княжеской семьи, но популярным на Кавказе христианским именем Евстафий[121]. После смерти Евстафия в

1033 г., Мстислав (ум. в 1036 г.) посадил на княжение в Тмутаракани своего зятя, одного из сыновей Редеди, воспитанного им[122].

С.М. Соловьев писал, что Тмутаракань в русской истории играла ту же роль, что и Киев во времена Рюрика: «Киев в то время был притоном варягов, всякого рода искателей приключений, чем впоследствии были Тмутаракань и Берлад (молдавский город – *О.Ф.*)». Во второй половине XI в. русские князья, вовлеченные в междоусобную борьбу на родине, вспоминали о Тмутаракани, как о месте, где можно было сколотить хорошую дружину и попытаться с ее помощью, как это сделал князь Мстислав Владимирович в 1023 г., добыть себе достойный удел на Руси[123].

К 1059 г. Византия завладела Восточным Крымом (Сугдеей). Падение к тому времени экономического значения Херсона, заставило ее искать случая к овладению богатой Матархой[124]. В 1079 г. по соглашению с византийским двором великому князю Всеволоду удалось сослать в Византию тмутороканского князя Олега. Олег и стал орудием замыслов императора Алексея I Комнина (ок. 1048–1118). В 1083 г. Олег вернулся в Матарху и с помощью империи снова утвердился здесь. «Разгадку всей этой истории следует видеть, по всей видимости, – писал Г.Г. Литаврин, – в том, что, помогая Олегу вернуться, византийский император обеспечил себе верховные права на Тмуторокань. Подтверждение этому можно усмотреть в сообщении Мануила Страворомана о том, что Алексей I сделал приобретение на «Боспоре Киммерийском», где и находилась Тмуторокань»[125] (1116 г., после смерти князя Олега в 1115 г. – *О.Ф.*). С 1094 г. упоминания о Тмутаракани исчезают из русских летописей. О том, что история с Тмутараканским княжеством способствовала, прежде всего, осуществлению замыслов византийской дипломатии в этом регионе свидетельствует и тот факт, что Зихская епархия, центр которой находился в Матархе, не только не вошла во вновь созданную Русскую митрополию, но и не признала своей зависимости от Киевской церкви[126]. Она продолжала напрямую подчиняться Константинополю.

Ш.Б. Ногма сообщал, что касогам удалось вернуть себе Матарху в ходе ожесточенной борьбы. Хронологию этих столкновений сложно определить. Вероятнее всего, они имели место на протяжении всего времени существования иностранного владычества в Матархе / Тмутаракани. Тмутароканский престол долгое время был яблоком раздора между различными представителями Рюриковичей[127]. Касожские князья также стремились вернуть себе полный контроль над Матархой. «Много было сражений кровопролитных, – пишет Ш.Б. Ногма, – много погибло людей, много разорено жилищ, много истреблено имущества, но намерение адыхейцев было непоколебимо: отомстить жестоко за смерть Редеди и уничтожить Тамтаракай (имеется в виду иноземную власть над территорией Матархи – *О.Ф.*). Ш.Б. Ногма отмечает, что война продолжалась некоторое время «с величайшим упорством с обеих сторон», наконец адыги «победили своих врагов и разорили всю область Тамтаракайскую. <…> С того времени ведется пословица-проклятие у адыхейских племен: Тамтаракай ух! – «Будь ты Тамтаракаем!»»[128].

Несмотря на борьбу, шедшую вокруг престола в Матархе / Тмутаракани, она в XI в. продолжает оставаться крупнейшим административным, церковно-культурным и торгово-экономическим центром адыгских земель. Учреждение здесь в конце XI в. зихского архиепископства[129] может иллюстрировать развитие процесса политической консолидации Зихии / Касогии вокруг единого политического центра. Вывод о процветании Матархи в XI–XII вв. подтверждается как археологическими[130], так и письменными источниками. Об этом свидетельствует крупнейшее произведение средневековой арабской географии – труд ал-Идриси «Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям», 1154 г.). Согласно ал-Идриси Матарха была средоточием всех торговых путей из

Византии в Причерноморье. «По данным лоций Тмутаракань посещали все суда, направлявшиеся в Северо-Восточное Причерноморье»[131]. В сочинении ал-Идриси Матарха несколько раз упоминается как конечный пункт плавания из Константинополя. По полноте и точности описания маршрут Константинополь – Матарха, – как отмечает автор фундаментального исследования посвященного сочинению ал-Идриси И.Г. Коновалова, – ничуть не уступает описанию собственно византийских городов, а характеристика Матархи не менее подробна, чем сообщение о Константинополе или Трапезунде[132]. Матарха являлась вторым портом по своему значению после Константинополя[133]. Ал-Идриси называет Матарху вечным городом, существующим «с незапамятных времен, и неизвестно, кто его построил. Там есть виноградники и обработанные поля. Его владыки очень сильны, мужественны, благоразумны и решительны[134]. Их почитают за смелость и господство над соседями. Это большой город с множеством жителей, с процветающими областями; там имеются рынки и [устраиваются] ярмарки, на которые съезжаются люди из самых отдаленных соседних стран и близлежащих округов»[135]. Из сообщений ал-Идриси следует, что в подчинении у владык Матархи была большая округа, что владыки Матархи в XII в. проводили самостоятельную политику, обеспечивавшую экономическое процветание города и его господство над ближайшей округой[136]. По мнению осуществившего французский перевод «Нузхат ал-муштак» ал-Идриси П.А. Жобера речь могла идти о касожских правителях[137].

На протяжении XII века в византийских источниках Матарха упоминается как часть Зихии, которая находилась под протекторатом Византийской империи. Так в 1140-х гг. Иоанн Цецес писал о «Стране матархов» как части империи, а Мануил I Комнин в 1166 г. титуловался в том числе и «государем зихским и хазарским (топоним юго-западной и восточной Таврики – *О.Ф.*)»[138]. Во второй половине XII в. Византия передала генуэзцам исключительные привилегии на торговлю на Черном море (договор 1169 г. императора Мануила I с генуэзцами, подтвержденный Исааком Ангелом в 1192 г.). Им не было разрешено заходить только в два порта: Матарху и Россию, что свидетельствовало о том, что Керченский пролив с прилегавшими городами продолжал оставаться крупнейшим экономическим центром Евразии[139].

В связи с падением Византийской империи в 1204 г. изменилась и политическая ситуация в Северо-Восточном Причерноморье: падение империи неминуемо должно было отразиться и на странах, находившихся с нею в одной системе государств. С точки зрения политических законов феодального средневековья обращение Абдан-хана сначала к провозглашенному императором Византийской империи Константину XI Ласкарю, а затем – к кесарю вновь провозглашенной Ромеи/Латинской империи, которая пыталась выступить правопреемницей Византийской империи[140], выглядело вполне логично и закономерно. На основе приведенных фактов можно сделать вывод, что род Абдан-хана являлся ветвью княжеского рода Шегакии, о чем нам сообщает Ш.Б. Ногма, что он управлял здесь и прежде, до XII в., владея уделом, земли которого располагались на Таврическом полуострове, на берегах Керченского пролива и в низовьях Кубани. Смена шегакскими князьями сюзерена – византийского василевса на кесаря / императора Ромеи, фактически означала, зная ситуацию на территории бывшей Византийской империи в начале XIII в., что они оказались предоставленными сами себе. О чем может свидетельствовать такое положение предания: «Потом князья со всем народом не давая знать Кесарю переправясь море через гавань Кызылташ где впадает в море Кубань поселились на оной реке …»[141]. Возможно, именно в связи со всеми этими событиями начало XIII в. зафиксировалось в народной памяти как время возникновения династии черкесских *государей*.

Ш.Б. Ногма писал, что через несколько лет после поселения на реке Кабарда Абдан-хан умер, и «молодой Кес, несмотря на свое несовершеннолетие, принял бразды правления». Правление Кеса запомнилось современникам. «Он, – писал Ш.Б. Ногма, – показал твердость характера, благородство души и редкое мужество; будучи честолюбив, подобно тем людям, которые чувствуют свои способности и мужество, успел привлечь к себе окрестных адыгов до такой степени, что они признали его своим князем, или повелителем, дав ему название Пшир-Кесшь. <…> Мудрое и благоразумное правление распространили власть Кеса почти над всеми адыхейскими племенами…»[142]. Таким образом, Кес был провозглашен в сане верховного правителя («халифа»), соединявшего как сакральную, так и светскую власть. Несомненно, что власть черкесских государей установилась в стране до захвата татаро-монголами крупнейшего политического, культурного и конфессионального центра, столицы черкесов Матархи (г. Касек´а[143]) и гибели осенью 1237 г. их *государя* Тукары.

По примечанию переводчиков летописи Рашид Ад-Дина имя черкесского правителя читается невнятно: BI – ناقوبد; Iباقوبا-; راقوتد – A[144]. Однако, предпочтение отдается варианту «Тукара». На черкесском языке это имя звучит как Ту+къа (къуэ)+р, соответствуя наиболее распространенной модели в системе образования личных имен черкесского языка[145], когда антропонимическая модель образуется с помощью именного суффикса «къуэ», означающего слово «сын». В имени Ту+къа(къуэ)+р в потоке речи происходит делабиализация суффикса «къуэ» в звук «къа».

Суффикс «р» еще в XIX веке стабильно выполнял в фамильных именах функции аффикса определенности (см., например, списки феодальных фамилий всех субэтнических групп Черкесии в труде Хан-Гирея «Записки о Черкесии»), он соответствует суффиксам «ов» и «ин» в русском языке. Этот аффикс определенности сохраняется и активно используется в языке по сей день, в том числе и в сфере антропонимики. В некоторых фамилиях он уже является омертвелым аффиксом, существует множество случаев, когда «р» настолько прочно занимает место в фамильном имени, что он зачастую не осмысливается аффиксом.

Соотношение звуков «Т» и «Д» – является закономерным фонетическим соответствием в черкесском языке, что дает возможность идентифицировать Тукара и как Дукара. Возможно, что имя Ту-къуэ / Ду-къуэ бытовало в XI–XII вв. в качестве одного из династических имен черкесских князей. Это предположение подтверждается, как генеалогическими списками черкесских князей, где в качестве сына князя Кеса называется А-Ду, так и эпиграфической надписью на черкесском языке, выполненной греческим алфавитом на уникальном Этокском памятнике (1130), относящимся к той же эпохе, когда царствовал Тукара в Черкесии (…–1237). Имеющаяся на Этокском памятнике из Пятигорья эпиграфическая надпись содержит личное имя, читаемое как Ты (Ту)-къуэ, которое принадлежало деду некоего Бека, которому был воздвигнут этот памятник[146]. И.А. Гильденштедт отмечал, что эта «статуя у черкесов называется Дука Бек»[147]. В антропонимическом арсенале черкесов по сей день существуют фамилии Ту (Туов), Тукъуэ (Туков)[148].

Таким образом, можно утверждать, что правление в адыгских землях Абдан-хана приходилось на начало XIII в. После Абдан-хана правил Кес, именовавшийся подданным и, – как писал Ш.Б. Ногма, – Пшир–Кесшь[149]. Именно его имя, на наш взгляд, дало название новой стране – Пшир-Кесшь'ей. Это словосочетание можно перевести с черкесского языка как: Государь Кес' владеющий или принадлежащий (-ая) Государю Кесу. Транслитерация его имени в тюркском языке породила, на наш взгляд, топоним Черкесия и экзоним черкес. Государь черкесов Тукара (1237) может быть идентифицирован как сын Кес'а – А-До/А-Ду черкесских преданий.

О времени правления легендарного князя I Инала. Гипотеза Александра Вильямовича Гадло о времени правления князя Инала в конце VIII – начале IX вв. базировалась на одном из известных вариантов предания о княжеской династии Черкесии[150]. Она, как утверждали ее первые публикаторы, содержалась в качестве преамбулы к «жалобе кабардинских князей, направленной в 1825 г. И.И. Дибичу». Следует отметить, что сам А.В. Гадло не ссылается на оригинал документа, о котором идет речь. Он ссылался на монографию С.К. Бушуева «Из истории русско-кабардинских отношений»[151], в которой содержится отрывок из этой «жалобы» в виде генеалогической истории кабардинских князей. С.К. Бушуев не дает ссылки на источник информации. Нам неизвестно, действительно ли в 1825 г. имела место «жалоба кабардинских князей, направленная в 1825 г. И.И. Дибичу». Однако мы располагаем серией документов, посвященных встрече «главнейших князей и знатнейших узденей» Кабарды с бароном Дибичем 3 мая 1827 г., на которой Дибичу были сообщены просьбы кабардинской аристократии «о сохранении их прав и обычаев страны»[152]. В РГВИА хранится подлинный документ «Объяснение прошений и жалоб словесно представленных Начальнику Главного Штаба Его Императорского Величества господину генерал-адъютанту и генералу от инфантерии кавалеру барону Дибичу кабардинскими князьями и узденями в проезд его высокопревосходительства через Кабарду». В нем 14 страниц, которые содержат два текста. Один из них написан на арабской графической основе, другой – его русский перевод. В конце документа имеется приписка: «со слов просителей писал и переводил кабардинского суда секретарь капитан Шарданов». Документ содержит 19 подписей: 7 – князей, 10 – узденей и 2 – «депутатов черного народа»[153]. Приведем здесь пространную цитату из этого документа: «Кабардинские Князья и народ родом из Египта. Сначала Арапхан явился в Константинополь к Кесарю и с позволения Его имели жительство около Крыма на речке называемой Кабарда. Потом Князья со всем народом не давая знать Кесарю переправясь море через гавань Кизилташ где впадает в море Кубань поселились на оной реке жили 7 лет. Из них Князь Инал за Кубанью помер происходящие от него князья Бесленеевцы и Кемирговцы (так в тексте – *О.Ф.*) с подвластными остались за Кубанью а протчие переселились сюда составя Большую и Малую Кабарду, что было спустя после Магомета 150 лет и по нашему исчислению составит переселение сего народа в Кабарду назад тому 1093 года разделясь потом на шесть фамилий, а именно в Большой Кабарде Атажукину, Мисостову, Бекмурзину и Кайтукину в Малой Таусултанову и Глохстанову. [Некоторые Князья] в том числе и сам Инал находясь еще в Крыму и на Кубани во время совещания с греками приняли христианскую веру»[154]. Часть этого текста была опубликована в монографии С.К. Бушуева. В свое время Х.А. Поркшеяном в адрес этой версии генеалогического предания было высказано множество критических замечаний, с большей частью из которых нельзя не согласиться[155]. Этот вариант предания не содержит ничего принципиально нового в сравнении с другими, за исключением тех конкретных цифр, которые были использованы А.В. Гадло для датирования времени жизни князя Инала.

Сам Александр Вильямович высказывался, что точка зрения Ш.Б. Ногма вкупе с устной адыгской традицией, источниковедческую ценность которой он особо оговаривал, выглядела лучше фундированной[156]. Предпринятая нами историческая интерпретация еще одной версии адыгского генеалогического предания подтверждает точку зрения Ш.Б. Ногмы и большей части кавказоведов о принадлежности эпохи князя Инала к концу XIV – началу XV вв. Благодаря эпонимам – василевс Константин и кесарь Римский удалось идентифицировать время воцарения в стране князя Абдан-хана, основоположника династии черкесских князей. Таким образом, до воцарения князя Инала его предки правили в Черкесии порядка 150–200 лет

(как на это указывают многие источники, в том числе и принадлежащие Ш.Б. Ногме). Возможно, в генеалогической цепочке между Абдан-ханом и князем Иналом было не 4 имени, а гораздо больше[157]. Подобная ситуация является нормальной для большинства генеалогических историй. Ян Потоцкий, составивший в свое время генеалогическое древо Иналидов, писал: «Сегодня я перерисовал и раскрасил мое генеалогическое дерево и могу сказать, что я изготовил весьма благородное растение, достойное фигурировать в генеалогических лесах Германии. Однако оно представляется срубленным, поскольку некоторые неясности скрывают основание этого почтенного пня; однако так же обстоит дело со всеми родами в Европе»[158].

Следует отметить, что при всей существенности вопроса о датах жизни легендарного князя Инала, наибольшую значимость имеет факт выявления при исследовании преданий о князе Инале того обстоятельства, что на протяжении средних веков шло развитие автохтонной феодальной адыгской государственности. Предпосылки ее зарождения сложились в Зихии уже в эпоху Юстиниана I. К середине VIII в., когда страна в Византийской империи и в Европе была известна как Зихия, а в восточных странах – как Касогия, в этом процессе были достигнуты значительные успехи: адыгский этнолингвистический массив явился миру как единая государственно-политическая общность. Процесс развития государственности получил свое дальнейшее развитие в период феодальной раздробленности путем усиления и вызревания крупных княжеских уделов. Благодаря письменной традиции X столетие предстает перед нами как время политической децентрализации страны (это не мешает арабским, византийским и русским источникам определять адыгов как крупную политическую силу Кавказа[159]). К началу XI вв. «соверенные права главы адыгской общности уже полностью конституировались и стали обычными социальными нормами, иными словами, – заключает А.В. Гадло, – что адыги к этому времени уже не только вступили на путь формирования собственного государства, но и прошли значительный отрезок на этом пути»[160]. Известно, что в 10–20-х гг. XI в. политическая власть была сконцентрирована в руках соверена князя Касожского Редеди. Именно с конца X в. город Таматарха становится крупным культурно-политическим и конфессиональным центром для всей адыгской общности.

Совершенно очевидно, что движение адыгских земель к консолидации вокруг единого политического центра носило дискретный характер. Эта дискретность была связана, прежде всего, с фактором значительных экспансионистских вызовов адыгскому этнополитическому массиву на протяжении всего периода Средневековья. Сейчас мы можем говорить лишь о некоторых вехах на этом многотрудном пути. Можно заключить на основе вышеизложенного, что наивысшая политическая консолидация на территории адыгских конфедераций была достигнута в начале XIII в. Наиболее значимой из них можно назвать воцарение в начале XIII в. в адыгских землях шегакского княжеского дома. В пользу этого вывода может свидетельствовать и тот факт, что на рубеже именно XII–XIII вв. автокефальная архиепископия Матархи или как она зачастую фигурирует в источниках – Зихии, была переведена в ранг митрополии[161]. Это дает основания видеть в Матархе первую столицу Черкесии – самой обширной страны Кавказа, объязанной своим возникновением династии Абдан-хана-Кесрий´я / Кеса-Инала.

Из потомков Абдан-хана наибольшую известность получил легендарный князь Инал, чья заслуга состояла в политической консолидации черкесских земель после татаро-монгольской зависимости. На время правления (1204/1205–1864) единственной царской династии Черкесии – иналидов пришлось ее процветание и гибель в результате Кавказской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев // Вступительная статья и подготовка текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 1994. С. 94, 95; *Хан–Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 148.

2. Ошибка в переводе слова «неф/нэф» (светлый) не с кяхских диалектов черкесского языка, а с кабардинского диалекта («косоглазый», «раскосый», «слепой») была допущена Я. Потоцким, Г.-Ю. Клапротом с подачи их информаторов, принадлежавших к кабардинскому субэтносу (*Потоцкий Я.* Путешествие в астраханские и кавказские степи // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (далее – АБКИЕА). Нальчик, 1974. С. 231, 259). С тех пор она многократно тиражировалась в различных изданиях. В книге «Кабардинский фольклор» эта ошибка уже имела идеологическую подоплеку (Под ред. Г.И. Бройдо, Ю.М. Соколова. М.–Л., 1936; 2-е изд., доп. Нальчик, 2000. С. 153–157, 623). Однако такое прозвище не вяжется с тем отношением народа к личности князя Инала, которое сохранилось в преданиях и зафиксировано подавляющим числом авторов. Надо отметить, что эпитет «неф/нэф/нэху» – один из самых распространенных в адыгском эпосе «Нарты». Он употреблялся прежде всего, по отношению к нарту Саусруко, добывшему огонь для нартов. Например, в бжедугской версии песни «Бой Саусрыко с Тутарищем»: поется: «Саусырыкъои ти нэфыба…» – «Саусырыко – наш свет…»; в шапсугской версии: «Сэусрыкъоу синефа…» – «Саусрыко – мой свет…»; в кабардинской версии: «Сэусрыкъоу си нэху…» – «Сосрыко – мой свет…» (Народные песни и инструменальные наигрыши адыгов // Под ред. Е.В. Гиппиус. Т. II. Нартские пшинатли // Сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев. М., 1981. С. 26, 43, 47). Именование князя Инала Светлым совершенно закономерно в контексте преданий о нем как о великом и справедливом государе, к которому тянулись как отдельные люди, так и целые народы. Эпитет «светлый» очень традиционен и ныне употребляем в черкесском языке. Ошибочный перевод эпитета неф/неху, наряду с его именами-титулами Инал и Акабгу, способствовали тому, что в литературе возникло предположение о его неадыгской принадлежности, что он был человеком «с выраженными признаками южносибирского монголоида» (*Гадло А.В.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России // Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина. Л., 1978. С. 32–33). Эта версия теряет один из важнейших аргументов при правильном переводе этого эпитета. Анализ титулов Инала, которые встречаются в преданиях и генеалогических историях, приводящийся ниже в этой статье, дезавуирует, на наш взгляд, и второй аргумент в пользу тюркского происхождения Инала.

3. *Трахо Р.* Черкесы. Мюнхен, 1956. С. 14.

4. Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащие новейшие подробные описания живущих в оных народов, и достопамятности древнего и нынешнего тех земель местоописания. С приобщением географич. карт // Перевод с франц. Ф. Шишкевича. СПб., 1810. С. 25.

5. *Бларамберг П.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 197; *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв. Л., 1979; *Он же.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных … С. 25–33; *Он же.* Тмутораканские этюды. II. (Держава князя Инала и его потомков) // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. II. С. 447–465; *Он же.* Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия //Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. III. С. 437–454; *Он же.* Северный Кавказ в XII – начале XIII века. Предания о Кабарде Тамбиеве // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. IV. С. 560–576; *Он же.* Крещение Руси и события 987–995 годов в Дербенде // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова // Отв. ред. В.В. Пузанов. СПб.–Ижевск, 2001. С. 48–56; *Он же.* Предыстория Приазовской Руси. СПб., 2004. С. 211–219.

6. *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев…С. 95; *Потоцкий Я.* Путешествие в астраханские и кавказские степи // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 228–229; *Он же.* Путешествие по астраханским степям и по Кавказу // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков. Нальчик, 2006. С. 377–379; *Спенсер Э.* Описание поездок по западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию,

Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 году // Предисловие, перевод и комментарии К.А. Мальбахова. Нальчик, 2008. С. 15; *Люлье Л.Я.* Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (адыге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними горскими народами // Материалы для истории черкесского народа. Нальчик, 1991. Вып. 1. С. 311.

7. ЦГА КБР. Ф. Р.-1209. Оп. 13. Д. 3. Л. 1. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20510. Л. 1.

8. *Жемухов С.Н., Мисостов А. М.* У истоков адыгской историографии // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. II. С. 314, 324.

9. *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев … С. 92–94; В других версиях родословных – Абдан-хан или Абдун-хан. Клапрот считал, что Араб-хан и Абдан-хан – это одно и то же лицо. АБКИЕА. С. 231.

10. *Ногмов Ш.Б.* Указ. соч. С. 93–94; *Хан–Гирей.* Записки о Черкесии … С. 146–147.

11. *Клапрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. … // АБКИЕА. С. 259.

12. *Потоцкий Я.* Путешествие в астраханские и кавказские степи … // АБКИЕА. С. 228, 229.

13. Античные источники о Северном Кавказе // Хрестоматия. Нальчик, 2004. С. 209, 210.

14. *Мисостов А.* История несчастных черкесов. Нальчик, 2004. С. 24; *Цагов Нурий.* Мусульманская история (на черк. яз.) // Архивы и общество. Нальчик, 2010. № 12. С. 154.

15. *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей // Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана // Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М., 1979. С. 3, 43, 44.

16. *Мровели Леонти.* Указ. соч. С. 21, 43, 44; *Косвен М.О.* Материалы по истории и этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. С. 28–31.

17. Повесть временных лет. В 2-х частях. Ч. I // Пер. с древнерусского Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.–Л., 1950. С. 9–10; Ч. 2 // Статьи и комментарии Д.С. Лихачева // Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.–Л., 1950. С. 209.

18. *Челеби Э.* Книга путешествия // Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. Вып. 2. С. 57–58.

19. ЦГА КБР. Ф. Р.-1209. Оп. 13. Д. 3. Л. 1. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20510. Л. 1.

20. *Сокуров В.Н.* Об изменении династической идеологии адыгских князей и возведение рода к Ною // Архивы и общество. Нальчик, 2007. № 1. С. 66.

21. *Флоря Б.* Царский жребий // Родина. М., 2004. № 12. С. 6.

22. ЦГА КБР. Ф. Р.-1209. Оп. 13. Д. 3. Л. 1. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20510. Л. 1.

23. Шегаки или хегаки – название адыгской общности, которое было искажено греками и превратилось в сагинов/сугдов/согдиан. Сугдами греки называли низовых прикубанских адыгов, исконно обитавших на землях древней Синдики (современный Анапский район Краснодарского края); *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев … С. 96; *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси … С. 204, 205; *Он же.* Византийские свидетельства о Зихской епархии … С. 100.

24. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. // Документы и материалы в двух томах // Сост.: Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов // Ред.: Т.Х. Кумыков, Е.Н. Кушева. (Далее – КРО). М., 1957. Т. 1. С. 383, 384; *Гадло А.В.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных … С. 31, 32; Нарты //Кабардинский эпос. 3-изд. (репринтное) с доп. к предисловии. Нальчик, 2002. С. 369–373.

25. *Интериано Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование … // АБКИЕА. С. 47.

26. *Люлье Л.Я.* Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (адыге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними горскими народами … С. 311; *Гадло А.В.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных … С. 32.

27. Большой энциклопедический словарь (далее – БЭС). Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.–М., 1997. С. 1305.

28. КРО. Тт. 1, 2.

29. ЦГА КБР. Ф. Р.-1209. Оп. 13. Д. 3. Л. 1. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20510. Л. 1; БЭС. С. 1304.

30. КРО. Т. 1. С. 3, 4.

31. КРО. Тт. 1, 2.

32. ЦГА КБР. Ф. Р.-1209. Оп. 13. Д. 3. Л. 1. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20510. Л. 1.

33. *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев … С. 94; *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии … С. 212; *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. В 2-х тт. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 255.

34. *Гадло А.В.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных … С. 33.

35. *Монперэ Де Ф.Д.* Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик, 2002. С. 124–125.

36. *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев … С. 95.

37. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом // Материалы, извлеченные из Московского архива Министерства Иностранных Дел. М., 1889. С. 1–3.

38. КРО. Т. 2. С. 190; БЭС. С. 349.

39. *Любимов С.В.* Титулованные роды Россійской империи. М., 2004. С. 38; *Абдоков А.П.* Откуда пошло название «Кабарда»? // Мир культуры. Нальчик, 1990. Вып. 1. С. 141, 143, 144; *Гадло А.В.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных … С. 27; *Хотко С.Х.* Очерки истории черкесов от эпохи киммерийцев до Кавказской войны. СПб., 2001. С. 157; *Спенсер Э.* Описание поездок по западному Кавказу … С. 15; *Мисостов А.М.* История несчастных черкесов. С. 24–59; *Бижев А.Х.* Черкесские мамлюки // Адыги. Нальчик, 1992. № 4. С. 94; *Карнович Е.П.* Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. М., 2007. Изд. 3-е. С. 179.

40. *Левашева В.П.* Белореченские курганы // Археологический сборник // Труды государственного исторического музея. М., 1953. Вып. XXII. С. 173.

41. *Андреев А.Р.* История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. М., 1997. С. 21 // [Электронный документ]. Проверено 11.12.2011. Получено с lib.ru/histori|Andreew_A_R|krim_histori/txt

42. *Хотко С.Х.* Черкесские мамлюки. Майкоп, 1993. С. 92, 93.

43. *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев … С. 92–94.

44. *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Т. I. С. 360; Материалы для истории черкесского народа. Нальчик, 1991. Вып. 1. С. 299.

45. *Потоцкий Я.* Путешествие в астраханские и кавказские степи … // АБКИЕА. С. 229; *Спенсер Э.* Описание поездок по западному Кавказу … С. 15; *Люлье Л.Я.* Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (адыге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними горскими народами … С. 311.

46. *Потоцкий Я.* Путешествие в астраханские и кавказские степи … // АБКИЕА. С. 229; ЦГА КБР. Ф. Р.-1209. Оп. 13. Д. 3. Л. 1. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20510. Л. 1.

47. *Потоцкий Я.* Путешествие в астраханские и кавказские степи … // АБКИЕА. С. 229.

48. История Византии. В 3-х тт. М., 1967. Т. 2. С. 345; М., 1967. Т. 3. С. 15, 30; *Жаворонков П.П.* У истоков образования Никейской империи (оценка деятельности Константина XI Ласкаря) // Византийский временник (далее – ВВ). М., 1977. Т. 38. С. 30.

49. *Жаворонков П.П.* У истоков образования Никейской империи … С. 31, 36, 37.

50. История Византии … Т. 2. С. 345, Т. 3. С. 15, 16.

51. ЦГА КБР. Ф. Р.-1209. Оп. 13. Д. 3. Л. 1. РГВИА.Ф. 846. Оп. 16. Д. 20510. Л. 1.

52. Вероятно после кончины Пророка Мухаммада в 632 г. *Мисостов А.М.* История несчастных черкесов … С. 24.

53. *Аталиков В.М.* Северный Кавказ в XIII–XV вв. // Живая старина //Журнал по проблемам краеведения КБР. Нальчик, 1993. № 3. С. 32.

54. «Суджук-кале лежит ныне в развалинах при Цемесской или Новороссийской бухтах». *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа … С. 93 (прим.).

55. ЦГА КБР. Ф. Р.-1209. Оп. 13. Д. 3. Л. 1. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20510. Л. 1.

56. *Спенсер Э.* Описание поездок по западному Кавказу … С. 18; АБКИЕА. С. 258; *Монперэ Де Ф.Д.* Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. С. 124.

57. *Цагов Нурий.* Мусульманская история … С. 167.

58. *Спенсер Э.* Описание поездок по западному Кавказу … С. 17, 18.

59. *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о зихской епархии … С. 103.

60. *Там же.* С. 93–106; *Он же.* К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины-шегаки) // XIII «Крупновскик чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1984. С. 70–72; *Он же.* Об одном средневековом наименовании адыгов // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1985 г. // Под ред. В.П. Курылева. Л., 1986. С. 10–11; *Он же.* Предыстория Приазовской Руси … С. 195.

61. *Гадло А.В.* К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины-шегаки) … С. 71, 72; *Он же.* Об одном средневековом наименовании адыгов … С. 10; *Он же.* Византийские свидетельства о зихской епархии … С. 100.

62. *Гадло А.В.* Об одном средневековом наименовании адыгов… С. 10; *Он же.* Предыстория Приазовской Руси … С. 204, 205.

63. Труды В.Г. Василевского. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1. С. 268.

64. *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси … С. 204, 205.

65. *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды // Краткий исторический очерк. Киев, 1906. С. 69.

66. *Макарий (Булгаков)* митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. М., 1994. Кн. 1. С. 121.

67. *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о зихской епархии … С. 103.

68. *Там же.* С. 95, 100, 101, 103; *Макарий (Булгаков)* митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 1. С. 121, 122; *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси … С. 204, 205; *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев … С. 96; *Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В.* Нижний Архыз и Сенты: Древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М., 2011. С. 22.

69. *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев … С. 93 (прим.).

70. *Ногмов Ш.Б.* Указ. соч. С. 93.

71. *Клапрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. …// АБКИЕА. С. 259; *Спенсер Э.* Описание поездок по западному Кавказу … С. 15, 16; *Гадло А.В.* Держава князя Инала и его потомков … С. 450.

72. Античные источники о Северном Кавказе … С. 211.

73. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. М. Арктос. 1996 // [Электоронный документ]. 05.11.2011. Проверено 20.12.2011. Получено с http://apsnyteka.narod2.ru/p/voina_s_gotami/kniga_iv_/index.html

74. *Бгажноков Б.Х.* Древняя религиозная система адыгов // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. VI. С. 317; *Ханаху Р.А.* От истоков к мировой религии. Природа слова «Тхьэ» // Мир культуры адыгов. [Электоронный документ]. 21.01.2009 10:51 Проверено 11.12.2011. Получено с http://www.aheku.org/page-id-955.html; Берсиров – Семисвечье на ветке боярышника: Религия страны адыгов // [Электоронный документ]. 5.11.2011. Проверено 11.12.2011. Получено с http://adigasite.com/archives/4505.

75. Труды В.Г. Василевского … Т. 2. Вып. 1. С. 225, 226, 227, 266, 268; Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 1. С. 109–112.

76. Труды В.Г. Василевского … Т. 2. Вып. 1. С. 268, 282.

77. *Макарий (Булгаков)* митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви … Кн. 1. С. 129; *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о зихской епархии … С. 95, 97.

78. *Макарий (Булгаков)* митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 1. С. 113.

79. *Макарий (Булгаков)* митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 1. С. 128.

80. *Бузаров А.Ш., Надюков С.А.* Христианство в Шапсугии: исторический аспект//[Электоронный документ]. Проверено 27.12.2011. Получено с http://www.vestnik.adygnet.ru//files/2005.2/119/buzarov2005_2.pdf

81. *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о зихской епархии … С. 94, 95, 96; *Он же.* Предыстория Приазовской Руси … С. 207.

82. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. М.: Арктос, 1996. [Электоронный документ]. Проверено 20.12.2011. Получено с http://apsnyteka.narod2.ru/p/voina_s_gotami/kniga_iv_/index.html; *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси … С. 207.

83. *Сорочан С.Б.* Рождение фемы. Херсон и Таврика в системе византийских преобразований VIII–IX вв. // Проблемы истории, филологии и культуры // В честь 70-летия профессора *Г.А. Кошеленко.* М.–Магнитогорск, 2004. Вып. 14. С. 341, 346.

84. *Воронов Ю.Н.* Западный Кавказ в эпоху Юстиниана (527–565 гг.) // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1984. С. 24, 25.

85. *Воронов Ю.Н.* Западный Кавказ в эпоху Юстиниана (527–565 гг.) … С. 24.

86. *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев … С. 76.

87. *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев … С. 76.

88. История Византии. Т. 1. С. 336; *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. / Конный воин в темные века (VI–IX в.). С. 3. //Сокращенный перевод с итальянского В.П. Гайдука // [Электоронный документ]. Проверено 19.06.2011. Получено с http://www.monsalvat.globalfolio.net/rus/manifest/artofwar/subjects/horsemen/kardini/kon_voin/index.php

89. История Византии. Т. 1. С. 229, 230; История дипломатии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1959. Т. 1. С. 109.

90. *Поркшеян Х.А.* К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху средневековья // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1957. С. 348–349.

91. История дипломатии. Т. 1. С. 109.

92. *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев … С. 76.

93. *Воронов Ю.Н.* Западный Кавказ в эпоху Юстиниана (527–565 гг.) … С. 24.

94. *Мейер Э.* Труды по теории и методологии исторической науки. М., 2003. С. 42.

95. Так, по расчетам И.А. Баранова, скотоводческие поселения только Юго-Западной Таврики, которая, согласно церковным документам VIII в., являлась частью зихской территории, с традиционным для Кавказа пастбищно-оттонным скотоводством во второй половине VII–VIII вв. ежегодно производили не менее 300 т. товарного мяса, а во второй половине VIII–IX вв. – около 900 т. От 6 до 12 тыс. т. избыточного зерна давало населению Юго-Западной Таврики занятие землепашеством. – *Сорочан С.Б.* Рождение фемы. Херсон и Таврика в системе византийских преобразований VIII–IX вв. С. 338; *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси … С. 198.

96. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. // Под ред ак. Б.Б. Пиотровского М., 1988. С. 137.

97. *Гадло А. В.* Тмутораканские этюды … С. 450–454; *Он же.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных … С. 30.

98. *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси … С. 205.

99. *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. М., 1973. С. 35.

100. *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о зихской епархии …С. 100, 101, 103, 104.

101. *Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В.* Нижний Архыз и Сенты: Древнейшие храмы России … С. 22; *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о зихской епархии … С. 94, 95, 98; *Он же.* Предыстория Приазовской Руси … С. 207; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. ... С. 137.

102. *Сорочан С.Б.* Рождение фемы … С. 341; *Гадло А.В.* Держава князя Инала и его потомков … С. 452, 453; *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси … С. 214.

103. *Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В.* Нижний Архыз и Сенты: Древнейшие храмы России … С. 22.

104. *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья … С. 102.

105. *Сорочан С.Б.* Рождение фемы … С. 339, 362.

106. *Сорочан С.Б.* Указ. соч. С. 362.

107. *Сорочан С.Б.* Указ. соч. С. 362, 364.

108. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей // Перевод Г.Г. Литаврина // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1989. С. 301, 302.

109. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей … С. 302.

110. *Мас'уди* о Кавказе // Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. С. 206–207; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей … С. 302; *Гадло А.В.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных … С. 29.

111. Вопрос о локализации Никопсиса Зихийского является спорным. См.: *Малюгина Е.В.* Историческая география северо-восточного Причерноморья по данным итальянских карт XIII–XV веков // [Электоронный документ]. Размещено: 3-04-2011,23:31. Проверено 19.06.2011. Получено с http://www.circas.ru/index.php?newsid=35; *Бузаров А.Ш., Надюков С.А.* Христианство в Шапсугии: исторический аспект//[Электоронный документ]. Проверено 27.12.2011. Получено с http://www.vestnik.adygnet.ru//files/2005.2/119/buzarov2005_2.pdf.

112. Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского // С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930. С. 31; *Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия … С. 443; *Он же.* Византийские свидетельства о зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья … С. 103, 104, 105; *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII–XV веках // Исторический вестник. Нальчик, 2007. Вып. V. С. 423.

113. История Византии … Т. 2. С. 348.

114. *Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия … С. 444, 445; История Византии. Т. 2. С. 235, 236; *Андреев А.Р.* История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. М., 1997. С. 21. [Электронный документ]. Проверено 20.06.2011. Получено с lib.ru/histori|Andreew_A_R|krim_histori/txt.

115. *Гадло А.В.* Крещение Руси и события 987–995 годов в Дербенде … С. 49.

116. Повесть временных лет. Ч. I… С. 83, 299; *Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия … С. 442, 445.

117. Повесть временных лет. Ч. I. С. 99; Ч. II. С. 369. А. В. Гадло относит эту позднюю интерполяцию Никона (1073) к 1015–1019 гг. *Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия … С. 440–441, 447.

118. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Изд. 2-е. Л., 1926. Стб. 146, 147. [Электронный документ]. Проверено 20.06.2011. Получено с www. lrc-lib.ru|rus_letopis|Laurence|gif_mm.ptp ; *Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия … С. 448.

119. *Мавродин В.В.* Тмутаракань // Вопросы истории. М., 1980. № 11. С. 181.

120. ПСРЛ. Т. 1 //Лаврентьевская летопись. Сб. 147. [Электронный документ]. Проверено 20.06.2011. Получено с www. lrc-lib.ru|rus_letopis|Laurence|gif_mm.ptp; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. История России с древнейших времен. М., 1988. Т. 1. С. 204–205.

121. *Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия … С. 442, 444.

122. *Гадло А.В.* Указ. соч. С. 442, 450.

123. *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1. С. 204, 205, 341, 350, 353, 354; *Зеленский Ю.В., Пьянков А.В.* Тмутараканские князья: Исторические портреты // Кубанский сборник. Краснодар, 2006. № 1 (22). С. 20–31.

124. После падения тмутараканского княжества, крепость Таматарха (ta Matarha) в византийских документах начинает именоваться Матархой.

125. История Византии. Т. 2. С. 351, 352.

126. *Гадло А.В.* Крещение Руси и события 987– 995 годов в Дербенде … С. 49.

127. *Зеленский Ю. В., Пьянков А.В.* Тмутараканские князья: Исторические портреты … С. 20–31.

128. *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев … С. 102.

129. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII–XV веках … С. 399.

130. *Воронов Ю.Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1970. С. 103.

131. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 166, 169.

132. *Коновалова И.Г.* Указ. соч. С. 167.

133. *Андреев А.Р.* История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. М., 1997. С. 18. [Электронный документ]. Проверено 20.06.2011. Получено с lib.ru/histori|Andreew_A_R|krim_histori/txt

134. И.Г. Коновалова указала на ошибку, допущенную во французском переводе сочинения ал-Идриси: «К сожалению, весьма распространенное в литературе утверждение о том, что в сочинении ал-Идриси упоминаются правящие Тмутараканью князья из «династии Олуабас», является результатом недоразумения, возникшего вследствие того, что Б.А. Рыбаков опирался не на арабский текст «Нузхат ал-муштаю», а на его французский перевод, в котором переводчик допустил в данном случае ошибку. Выражение улу ба'с шадид, начало которого П.А. Жобер принял за название династии, на самом деле является сказуемым именного предложения, где в качестве подлежащего выступает слово «владыки» (мулук), а предложение в целом буквально означает: «Его (города. – *И.К.*) владыки – обладатели силы, мужества, благоразумия и решительности». Ошибка П.А. Жобера была исправлена Б. Недковым, давшим верный болгарский перевод отрывка еще в 1960 г., однако даже те, кто ссылается на издание Б. Недкова, продолжают и по сей день пользоваться неправильным переводом П.А. Жобера и Б.А. Рыбакова». – *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 169. На основе этой ошибки Б.А. Рыбаков сделал вывод о княжении в Таматархе / Тмутаракани русских князей из династии Ольговичей; М.С Тхайцухов – абазинских князей Лоовых, а А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто и А.Л. Папаскир – абхазских или абхазо-абазинских князей. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси … С. 169; *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т.* Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. М., 1967. № 3. С. 107; *Папаскир А.Л.* Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. Сухум, 2005. С. 152; *Тхайцухов М.С.* Абазинское зарубежье. Черкесск, 2003. С. 7.

135. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси … С. 167, 168.

136. *Коновалова И.Г.* Указ. соч. С. 169, 170.

137. *Коновалова И.Г.* Там же. С. 169.

138. [Электронный документ]. Проверено 19.06.2011. Получено с http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/29397

139. *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды … С. 89; *Якобсон А.Л.* Крым в средние века … С. 81; *Насонов А.Н.* Тмуторакань в истории Восточной Европы // Исторические записки. М., 1940. Т. 6. С. 97.

140. История Византии. Т. 3. С. 15.

141. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 38.

142. *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев … С. 93–94.

143. Худуд ал-Алем … С. 31.

144. *Рашид Ад-Дин.* Сборник летописей. В 2-х тт. // Пер. с перс. А.А. Хетагуровой и О.И. Смирновой. М.–Л., 1960. Т. 2. С. 39.

145. *Интериано Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами… С. 47; Системы личных имен у народов мира. М., 1986. С. 14.

146. Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971. С. 111.

147. *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 281.

148. Приносим благодарность за помощь в осуществлении лингвистического анализа имени «Тукара» заведующей сектором черкесо-кабардинской филологии Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, кандидату филологических наук Темировой Раисе Хасановне.

149. *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев … С. 94.

150. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 198; *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе / К 300 – летию дома Романовых // Репринтное воспроизведение 1913. Нальчик, 1990. С. 4, 5.

151. *Бушуев С.К.* Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956. С. 23, 24.

152. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 5.

153. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 38, 38. Об. 39, 39. Об. 40, 40. Об. 41, 41. Об. 42, 42. Об. 43, 43. Об. 44, 44. Об. 45, 45. Об...

154. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 38.

155. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 198; *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе … С. 4, 5; *Поркшеян Х.А.* К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху средневековья … С. 336.

156. *Гадло А.В.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных … С. 33, 27.

157. Подобные «сокращения» генеалогических цепочек наблюдаются чрезвычайно часто и в более позднее время.

158. *Потоцкий Я.* Путешествие по астраханским степям и по Кавказу // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков … С. 376.

159. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 145.

160. *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси … С. 219; *Он же.* Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия … С. 447.

161. *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья … С. 106.

Загазежев Т.Р. (г. Нальчик)

СТАРИННЫЕ НАМОГИЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ с. АУШИГЕР

На возвышенности над селом Аушигер стоит старинный каменный намогильный памятник с арабской вязью и украшенный орнаментом в адыгском стиле (рис. 1). Преданий о памятнике никто в этом селе уже не помнит. Памятник оригинален тем, что арабская надпись на нем сделана в две строки на всю ее длину. На верхней части высечен короткий аят из Корана, в левой колонке (на первой строке) – дуа за усопшего. В правой колонке (на второй строке) написано:

الشهيد المرحوم في معركة الكفار موسى بن مكان غفر الله له

Перевод: Шахид, прощенный, погибший в войне с кяфирами Муса сын Маканы. Да простит его Аллах.

По внешнему виду он может быть датирован XIX веком. Раз погребенный является шахидом, который нашел свою смерть «в войне с кяфирами», значит погиб он в ходе Кавказской войны (в старинных адыгских песнях XIX в. русских называют кяфирами и гяурами).

В связи с отсутствием на памятнике изображения тамги, возникает вопрос – к какому же роду принадлежит Муса, сын Маканы?

Учитывая дороговизну изготовления такого каменного намогильного памятника, ее владельцем, конечно же, мог быть только человек из знатного рода. Адыги всегда называли сначала свою фамилию, род, из которого он вышел, и лишь после этого свое имя, тем более, если он являлся представителем знатного дворянского рода. Нужно предположить, что Макана, это не имя отца Мусы, а его фамилия. До сих пор старшее поколение обращаясь к кому-либо, говорит – «сын такого то», называя его фамилию. Например: «Жылокъуэ и къуэ», «Хъромэ и къуэ» и т.д. То есть, Жылокъуэ и Хъромэ, это их фамилии, а не имена их отцов, и понимать это следует как сын, представитель этого рода. На памятнике, как и в этом случае, «Муса сын Маканы» нужно понимать как «Муса из рода Макановых». Нужно отметить и то, что имени Макан, как таковой не известно ни в наши дни, ни в прошлом, если судить по той малой части фольклора, которую мы успели изучить. Это наверное объясняется его абазинским происхождением. Предков Макановых считают абазинами.

Сказители Аушигера, которые знают много преданий о фамилиях населяющих и населявших ранее это селение, не помнят этой фамилии (в 1866 г. к аулу Дугужукай был присоединен Захоххабль, а в 1921 г. селение переименовано в Аушигер в честь одноименной горы, под которой оно расположено). Но почему тогда возле Аушигера, в долине реки Черек похоронен человек из рода Макановых? В действительности такой дворянский род существовал в Кабарде. Х.М. Бекулов опираясь на архивные документы, пишет в своей книге, что аул Мачаней, как и ряд других дворянских аулов принадлежавших князьям Бекмурзиным и Кайтукиным, в 1825 г. числится на левом берегу Черека. В 1830 г. этот аул переехал на реку

Урвань, и уже в 1847 г. он снова стал числиться в списке аулов, расположенных по левому берегу Черека[1]. Еще за год до этого, данный аул располагался по р. Абрек – правому притоку Урвани. В «Докладе о переселении аулов Кабардинских узденей Анзоровых на другие места» по состоянию на 10 сентября 1846 г. записано, что «по р. Абреку, по обе стороны реки этой, земля принадлежит узденю Маканову»[2]. «Черкесы вообще, и кабардинцы в частности, населяют селения, которые они покидают через определенный промежуток времени или по причине засорения, или вследствие отсутствия достаточной безопасности; они уносят тогда приготовленный лес для постройки и домашнее имущество, сжигая остальное. Они ищут затем удобное место для поселения», – писал Петр Симон Паллас[3].

Возвращаясь к фамилии Макановых, следует отметить, что в русских документах он пишется в двух вариантах, как «Маканов» и «Мачанов»[4]. То же самое наблюдается и в его кабардинском произношении. Возьмем, например, предание «Мэчанэ и къуэм и хъыбар» (рассказ о сыне Мачаны). В одном и том же предании разные сказители эту фамилию произносят по разному (Мэчанэ и Мэканэ)[5]. В старинной песне об этом роде (Мэчанэхэ я уэрэд) они фиксируются как «Мэчанэ»[6]. Если взять в общем известные нам предания и песни об этой фамилии, то в большинстве случаев их называют Мэчанэ. В связи с отсутствием в арабском языке буквы «ч», при написании кабардинских слов, вместо этой буквы использовалась буква «к». Поэтому на памятнике оно может читаться в любом из двух приведенных выше вариантов. Интересно, что шахид Муса был похоронен на средневековом кабардинском кургане, расположенном на возвышенности над Аушигером, откуда просматривается обширная территория долины Черека. По данным Пшихачева Фарыза Джумааевича*, в Сирии шахидов так же хоронили на возвышенных местах.

В нижней части села Аушигер расположено кладбище, где находятся 6 старинных намогильных памятников. Раньше эти памятники были огорожены. Впоследствии близлежащие земли вокруг памятников жители села избрали кладбищем[7]. Из них три похожие друг на друга памятники с шлемообразными навершиями принадлежат братьям Шеретлоковым. Эти памятники сделаны в одинаковом стиле. Вероятно, их изготовил один мастер (рис. 2). Один памятник датируется 1261 г. по хиджре (1845 г.), а два других – 1262 г. по хиджре (1846 г.). Лицевая часть украшена адыгским орнаментом. В верхней части изображены газыри. Ниже следует текст на арабском языке. Как правило, на таких мусульманских памятниках высекаются довольно однообразные дуа за усопшего и короткие аяты из Корана. С боку высечены дата и тамга Шеретлоковых (рис. 3). Памятники принадлежат Махмуду, Муссе и Абдул-Кадиру. Особый интерес вызывает памятник Муссы (рис. 4), где написано:

موسى بن الحاج عمر ، أمير ولاية القبردي

Перевод: «Мусса сын Хаджи Умара, / Амир(а) Кабарды».

То есть их отцом является известный эфенди Кабарды Хаджи Умар Шеретлоков. Или, может быть, здесь имеется в виду другой Хаджи Умар? На карте Кабарды, Балкарии и Ставропольской губернии составленном в 30–40 гг. XIX в.[8], аул Шеретлокова отмечен на левом берегу реки Черек, ниже аула Догужокова. Если взять прежние границы аулов, то эти памятники находились бы между двумя вышеприведенными. Предположительно это было кладбищем аула Хаджи Умара Шеретлокова. Нам известны еще подобные кладбища того времени с малочисленными памятниками. Это кладбища аулов Махокова и Хостова (Махуокъуэхьэблэкхъэ, Хъуэстхьэблэкхъэ) на

* Пшихачев Фарыз Джумааевич. Кабардинец, репатриант, родился в Сирии.

реке Урвань. Например, на кладбище аула Махоковых старшее поколение помнит всего три памятника. Сейчас же от них остались только обломки (рис. 5). Является ли малое число каменных памятников следствием частых переселений аулов, или же причиной тому малый процент их относительно деревянных, которые довольно быстро сгнивали, пока что вопрос требующий дальнейшего изучения.

В описании населенных пунктов Кабарды, проведенном по указу генерала Ермолова, пишется, что на р. Урвань находился аул Умара Шеретлокова. В 1830 году он числится на левом берегу р. Черек, а в 1847 г. уже на р. Псыгансу. Туда аул переселился в 1846 г., что видно из следующего документа : «уздень Умар Хакулов с одним семейством и Пшемахо Гукежев с шестью семействами вольных переселились в аул Шеретлокова на р. Псыгансу»[9]. Дата на памятниках братьев Шеретлоковых по времени сходится с этими документами. Один из шести этих памятников датирован 1256 г. по хиджре (1840 г.). Кабардинский временный суд в 1848 г. сообщал, что эфенди Хаджи Умар Шеретлоков поселился на «землю по левому берегу Черека с аулом узденя Догужокова с разрешения начальства на общих правах в Кабарде»[10]. По словам старожила Бадракова Хабалы Хамудовича, к этому времени на этом кладбище хоронили и жителей а. Догужокова. К сожалению на двух памятниках (рис. 6; 7) из трех (без учета памятников Шеретлоковых), из-за плохой сохранности надписи переводчик не смог прочесть арабскую вязь, которые могли бы дать нам ценную информацию. На одном из них, на боковой стороне изображена тамга (рис. 8). В опубликованных работах Х.Х. Яхтанигова, Л.И. Лаврова и И.Х. Пшибиева[11], такой тамги не найдено. На памятнике без даты и тамги (рис. 9) после дуа за усопшую написано: «Къалатжан (Къалтижан) / дочь / Ашама».

Следует отметить, что над могилами Махмуда и Муссы Шеретлоковых лежат камни в виде курганчика (рис. 10).

С.Н. Бейтуганов предполагает, что одновременно существовало два аула Шеретлоковых. Он пишет: «До своего переселения за Кубань Таовы проживали в Кабарде. В одном из прошений Жанхот указывал на свою родословную : «Род наш издревле пользовался в Кабарде благородною фамилиею из первостепенных узденей, и отец мой, Эдык Таов, имел аул своего имени, впоследствии названный Шеретлоковым из одного лишь того, что брат его назван был этим именем; – и все это было еще почти, можно сказать, до смут, в Кабарде существовавших». Вскоре после «смут» отец Жанхот умер, и он оставшись «малолетним и не имея уже никакой роли в посредничестве бывших подвластных людей, по внушению матери перешел на временное жительство за Кубань». «Прошение интересно и тем, что содержит некоторые подробности об истории аула Шеретлокова. По сведениям Якуба Шарданова, в 1825 г. в Черекской долине находился аул узденя третьей степени Умара Шеретлокова в несколько дворов, где проживал и другой однофамилец – уздень третьей степени Магомет Шеретлоков. Имея в виду различия в сословном положении Шеретлоковых, можно сказать, что в одно время было два аула Шеретлоковых: тот о котором писал Жанхот Таов, мог быть назван аулом Шеретлока Таова, названный в последствии именем владельца. Что касается смутного времени, вероятно, имеются ввиду 1821–1822 гг.»[12]. По поводу именования селений не по фамилии, а по имени, Ю. Клапрот писал: «…названия деревень так же непостоянны, как их положения, названия даются обычно по имени главной семьи, которая владеет деревней, а чаще они названы по особым именам самого старшего из узденей, после смерти которого деревня называется по имени его наследника»[13].

Существует версия, что Хаджи Умар Шеретлоков не дворянин, а выходец из вольноотпущенников. Ч.Э. Карданов в своей книге пишет, что настоящей фамилией Умара была Гогутль (ГъуэгулI[14]). Жалуясь на Магомета

Шеретлокова в своем прошении в 1848 г. крестьянин Тура Бадраков говорил, что Магомет «хвастливо именуется прозванием владельца своего, оставя он свое прозвание Гогутхова»[15]. В документах в один и тот же период встречаются Шеретлоковы «узденй» и Шеретлоковы в сословии «вольные» (список Бейтуганова). Мы не склонны придерживаться мнения о не дворянском происхождении Хаджи Умара Шеретлокова. Человек у которого бабушка являлась дочерью узденя Темрюко Маканова[16], жена была из рода Тамовых (ветка рода дворян-дижинуго Боташевых, род который ныне прекратил свое существование)[17], а дочь была замужем за дворянином Дышековым[18], не мог быть вольноотпущенником. Основатель рода Шеретлоковых был выходцем из Шапсугии, который в XIX в. переселился в Кабарду[19]. Его потомки до сих пор проживают здесь. Если верить вышеприведенному прошению Жанхота Таова, что аул Таова переименовался в Шеретлоково и если оттуда берет свое начало другой род Шеретлоковых, получается, что существовали три неродственные друг другу однофамильцы. Это Шеретлоковы – шапсуги, Шеретлоковы – Таовы и Шеретлоковы – вольноотпущенники. Заметим, что в 60-х гг. XIX в. Хаджи Умар переселился в Турцию[20]. А в документе на 1 января 1864 г. в ауле Альпшаова «вместе с князьями Камбулатом Жамботовым, Касботом Адельгиреевым, узденем Шужей Шипшевым числится Хаджи Умар Шеретлоков»![21] В Турции в Узун юйле и поныне проживают два неродственных рода Шеретлоковых. Оба рода переехали туда из Кабарды[22]. Эта тема нуждается в тщательном исследовании. Касаясь надписи на памятнике Мусы Шеретлокова: «Муса сын Хаджи Умара / амир(а-?) Кабарды», неясно, кто подразумевается под «амиром»? Дело в том, что во время высылки Хаджи Умара в Воронеж «своими идейными и религиозными преемниками он назначил сыновей – Исхака эфенди Шеретлокова, Мусу и других[23]». Возможно, после высылки отца «амиром Кабарды» стал его сын Муса. Он и его брат Абдул-Кадир умерли в том же году (1846). Смерть двух братьев в один год мы не можем отнести к каким-либо военным действиям с Шамилем или против него. Исходя из выше приведенного документа видно, что Муса был жив еще после высылки Хаджи Умара. Выслан же он был после ухода Шамиля из Кабарды в свою резиденцию, которая в то время находилась в Чечне.

Ч.Э. Карданов в своей книге «Групповой портрет в Аушигере» пишет: «По свидетельству Я.М. Шарданова, секретаря Кабардинского временного суда, 30 января 1825 года Умару Шеретлокову было 45 лет. Его сыновьям: Исхаку – 17 лет, Мусе – 10 лет, Канамату – 8 лет, Абдулкадию – 6 лет». Из архивных документов нам известно, что у Хаджи Умара был еще сын по имени Ахмад[24]. Также, учитывая памятник Махмуда Шеретлокова получается, что всех вместе взятых, у него было шестеро сыновей (известных нам), не считая дочерей.

Из всего этого следует, что намогильные памятники Махмуда, Мусы и Абдул-Кадира находящиеся на кладбище в Аушигере принадлежат сыновьям известного политического деятеля Хаджи Умара Шеретлокова, который не был вольноотпущенником, а являлся выходцем из дворянской фамилии. На момент смерти Мусе было 31 год, а Абдул-Кадиру – 27. Также были не родственные фамилии Шеретлоковых, принадлежавших к различным сословиям.

На территории амбулаторной больницы с. Аушигер, по словам старожилов, располагался двор Догужоковых. Напротив нее, через дорогу, расположено заброшенное кладбище. Кладбище это давно заполнено. Там сохранились всего несколько памятников начала XX века. На одном из них, датированном 1325 г. по хиджре (1907 г.), сбоку имеется красивый орнамент (рис. 11; 12). Надпись на арабском не читается из-за повреждения.

Далее вместе стоят два мужских и один женский памятники. На женском памятнике, также из-за плохой сохранности, надпись не читается

(рис. 13). На одном из мужских памятников, украшенном орнаментом и датированном 1324 г. (1906 г.), изображены полумесяц, газыри с нагрудными карманами, мужской национальный пояс с кинжалом и пистолетом (рис. 14). Далее следует надпись на арабском:

الحاج المرحوم المغفور برت زاج بن حسين

что в переводе значит: «Хаджи / Да простит их Аллах. / Сын Берзег. / Сын Хусейна» (или Хасина).

На втором мужском памятнике, который так же украшен орнаментом, высечены аналогичные предыдущему, газыри, мужской пояс с кинжалом и пистолетом (рис. 15). Арабская надпись на нем гласит:

هذا قبر الطالب المرحوم المغفور حجي كري بن شق
سنة ١٣٢٤

«Учившийся религии. / Знающий (религию). / Хаджи-Гирей сын Шика (Шыкъ) / 1324 год».

В самом низу на обоих мужских памятниках изображены четка и принадлежности для омовения. Следует ли «Шыкъ» понимать как отца или как фамилию Хаджи-Гирея пока сказать сложно. Шиковы проживают в Аушигере. В переписи а. Догужокова за 1886 и 1905 гг. Шиков Хаджи-Гирей (или Гирей) не числится. На всех памятниках этого кладбища остались следы краски. Вообще на памятниках конца XVIII и XIX вв. очень часто встречается краска. В основном это красный-синий и зеленый цвета. На том кладбище также есть два маленьких памятника, высота которых 0.5 м. и 0.8 м. На втором из них (рис. 16) написано на арабском :

ح توتسه بنت ابراهيم ابن الحاج قنش

«Цоца дочь Ибрагима / сына Хаджи Каншу (или Хаджи Кунаша)».

Самый маленький намогильный памятник представляет собою грубо обтесанный камень прямоугольной формы без каких-либо надписей и изображений (рис. 17).

На кладбище имеются непонятные каменные курганчики расположенные недалеко друг от друга. Такие, практически уже сравнявшиеся с землей курганчики встречаются на средневековых кабардинских курганных некрополях (например, в самом Аушигере; в устье Гунделена; возле с. Заюково и других местах). Встречаются и кабардинские курганы, сложенные из одних камней.

Следующий старинный намогильный памятник в Аушигере расположен в огороде Жабоева Тебо Абдукоевича по улице Казанокова, 19 (рис. 18; 19). Надпись на нем не сохранилась. Дата и тамга не обнаружены.

А вот в огороде Жилокова Валерия Борисовича, расположенного по ул. Бадракова, 13, стоит хорошо сохранившийся памятник, высотой свыше 2,5 метров (рис. 20). Перевод надписи на нем такой:

المرحوم المغفور صاحب هذا الحجر حاج الحرمين الشريفين
حاج أسلان جري بن قرم طغر في سنة ١١٣٣

«Покинувший этот мир. / Кому принадлежит этот памятник. / Совершивший Хадж. / Хаджи Аслан-Гирей / Сын Кырыма / Сын Тагира (Тыгъыр)».

На нем изображена тамга, сабля и лук в налучьях (рис. 13). Датировано 1133 г. (1721–1722 гг.).

В 1720 г. в связи с междоусобной войной кабардинских князей, в долину Черека переселились Бекмурзины и Кайтукины с подвластным им населением. В 1721 г. Асланбек Кайтукин, основатель так называемой «Кашкатауской партии» становится верховным князем Кабарды. В это время в долине Черека проживали селения подвластные вышеназванным князьям Кайтукиным и Бекмурзиным, которые составляли один род Джамбулатовых. Имена Аслан-Гирей и Къ́рым и сейчас бытуют у кабардинцев. Тыгъыр хотя и редко, но все же встречается у кабардинцев[25]. Исходя из того, что в известных нам вариантах генеалогии кабардинских князей таких имен и в такой последовательности не существует, а также учитывая малую вероятность принадлежности этого памятника человеку низших сословий, мы считаем, что он принадлежит одному из знатных дворян князей Кайтукиных или Бекмурзиных. Распознание тамги внесло бы ясность в этот вопрос.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

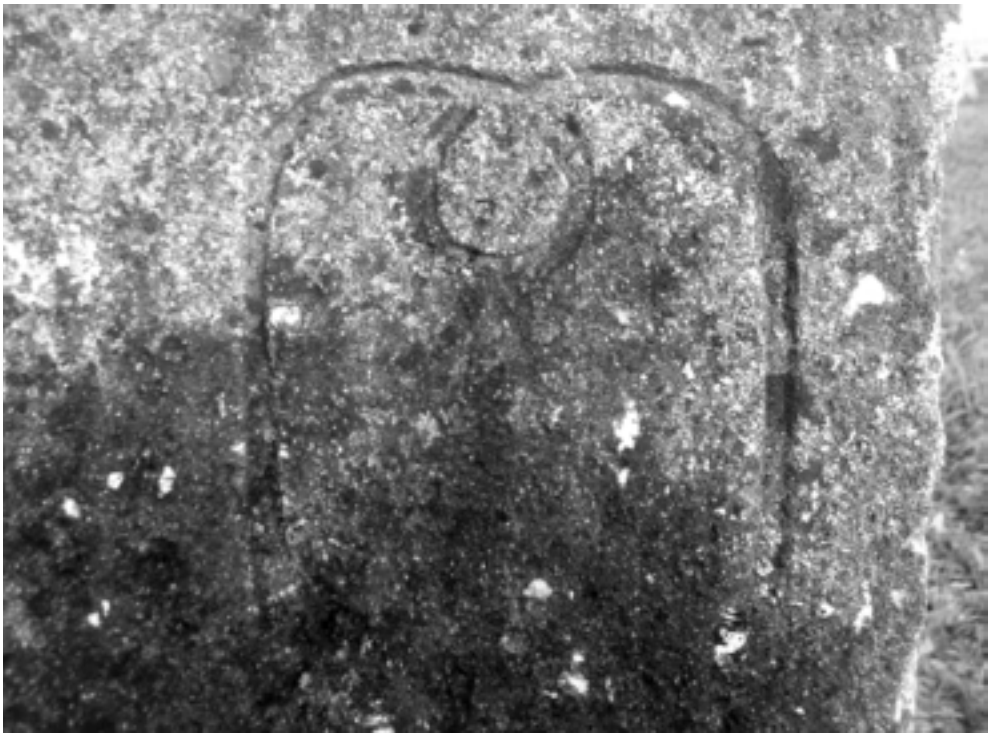


Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бекулов Х.М.* Аул князей Мисостовых и узденя Тогланова. Нальчик, 2008. С. 13.
2. *Там же.* С. 46; ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 4. Т. 2. Л. 146. Об. С. 46.
3. *Паллас П.С.* АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 218–219.
4. *Бекулов Х.М.* Указ. соч. (Сравни орфографию записей этой фамилии на с. 46, 64).
5. Мэчанэ и къуэм и хъыбар. Фоноархив КБИГИИ. Пор. № 271; инв. № 668-ф/2, записи Ципинова А.А. 28.09.1984 г. КБАССР, Псыгансу къэзыIуатэжыр Кущ Мусэ Хьэбыж и къуэ (Кушев Хамид Кубжукович) 1894 г.р.; Мэчанэ и къуэм и таурыхъ. Фоноархив КБИГИИ. пор. № 289; инв. № 687-ф/4, записи Ципинова А.А. 16.11.1985 г. КБАССР, Нарткала, къэзыIуатэжыр Тэхъу ХьэзрэIил Мырзэбэч и къуэ (Тохов Хазраил Мурзабекович) 1908 г.р.; Къэбэрдейр Истэмбыл зэрикIыжар. Фоноархив КБИГИИ. пор. № 548; инв. № 663-ф/48 записи Налоева З.М. 14.10.1984 г. КБАССР, Жэмтхьэлэ. КъэзыIуатэжыр Молэ Мухьэмэд Мусэ и къуэ 1905 г.р.; Мэчанэ и къуэм и хъыбар фоноархив КБИГИИ. пор. № 556; инв.№ 663-ф/56, записи Налоева З.М. 24.10.1984 г. КБАССР, Нальчик, къэзыIуатэжыр Тэхъу ХьэзрэIил Мырзэбэч и къуэ (Тохов Хазраил Мурзабекович) 1908 г.р.
6. Мэчанэхэ я уэрэд. Фоноархив КБИГИИ. пор. № 92; инв. № 460-ф записи Шортанова А.Т. 1949 г. КБАССР, Лескен–2. КъэзыIуатэжыр Гъубжокъуэ Гъузер.
7. Информатор Бадраков Хабала Хамудович, 1932 г.р. житель с. Аушигер.
8. ЦГА КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 209. Л. 156.
9. *Бекулов Х.М.* Указ. соч. С. 76.
10. *Бейтуганов С.Н.* Кабарда – история и фамилии. Нальчик, 2007. С. 239.
11. *Яхтанигов Х.Х.* Северокавказские тамги. Нальчик, 1993; *Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978; *Пшибиев И.Х.* Адыгэ (шэрджэс) унэцIэхэр, цIэхэр, лъэпкъ дамыгъэхэр. Нальчик: Эльбрус, 2003.
12. *Бейтуганов С.Н.* Указ. соч. С. 418–419.
13. АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 277.
14. *Карданов Ч.Э.* Указ. соч. С. 498.
15. ЦГА КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Д. 134. Л. 1. 1848 г.
16. *Бекулов Х.М.* Указ. соч. С. 46.
17. *Бейтуганов С.Н.* Указ. соч. С. 238.
18. *Бекулов Х.М.* Указ. соч. С. 76.
19. *Карданов Ч.Э.* Указ. соч. С. 505.
20. *Бейтуганов С.Н.* Указ. соч. С. 240.
21. *Бекулов Х.М.* Указ. соч. С. 25.
22. Информатор научный сотрудник КБИГИ Мурат Табишев.
23. *Карданов Ч.Э.* Групповой портрет в Аушигере. Годы и судьбы. С. 504.
24. ЦГА КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Ед. хр. 409.
25. *Бейтуганов С.Н.* Указ. соч. С. 345, 348, 350, 421, 488; *Аствацатурян Э.* Оружие народов Кавказа. Москва–Нальчик, 1995. С. 41.

Кунижева Л.З. (г. Черкесск)

СИМВОЛИКА СОЛНЦА И ЛУНЫ В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ АБАЗИН

В традиционной календарной обрядности абазин символика солнца и луны представлены в самом широком аспекте. Наша попытка рассказать – пусть коротко, выборочно – о таком неординарном, интересном, вобравшем в себя все элементы народной жизни явлении, как календарная земледельческая обрядность, призвана разбудить нашу историческую память и обогатить наши представления о жизни и труде наших предков, о религиозных, культурных, нравственно-этических основах их бытия. Кроме того, знакомство с традиционными календарными праздниками, где символика солнца и луны занимают особую нишу, ведет нас к истокам веры, национального самосознания, к первоосновам нравственности народа. Ритмика календарных праздников и будней были строго подчинены смене времен года, которые обуславливали занятия земледельца. Процесс этого постижения был сложным по времени. Он нашел отражение в праздниках традиционной календарной обрядности абазин, особенно в земледельческой. Ниже мы сосредоточим внимание именно на этой стороне, так как в настоящее время с пугающей быстротой уходят из жизни живые носители народных обычаев и обрядов, многие народные праздники помнятся не в полном объеме. Народный (традиционный) календарь в процессе исторической эволюции во многом «очистился от темных предрассудков» в определенный период нашей исторической действительности, хотя некоторые их элементы сохранились до сих пор.

Прежде всего, для абазинского земледельца было важно в строго определенные сроки вспахать и засеять поле, т.к. преждевременная вспашка и сев были чреваты последствиями для урожая так же, как и упущение этих сроков.

Подобно многим народам, абазины с благоговением относились к небу, полагая там вечное царство: оттуда светит луна, проливается благотворящий дождь. В мифологическом сознании абазин солнце и луна обожествлялись[1]. В народе широко распространены такие молитвенные клятвы: «Ари змара хайыру» – досл.: «Это благословенное/доброе солнце»; «Амара анысла» – досл.: «Клянусь именем солнца»; «Амыз анысла» – досл.: «Клянусь именем луны».

Обратимся к конкретным примерам, где символика солнца и луны наиболее ярко представлены.

Завершив пахоту и сев, все участники весенне-полевых работ собирались вместе. Сюда же приглашали представителя сельского духовенства, который возносил хвалу всевышнему, испрашивая у него благополучия на весь урожай. Затем один из опытных пахарей снимал колесо с плуга и, став на край одного участка, со всей силы прокатывал его по вспаханному и засеянному полю. В этом ритуальном действии нельзя отрицать того, что колесо, выражающее идею солнца, в данном действе прокатывания его через все поле, означало желаемое солнце на посевы.

Обычай этот, по-видимому, восходит к древнейшим представлениям о могущественной силе солнца, оказывающей непосредственное воздействие

на жизнь растений. Не случайно именно желтый цвет – цвет солнца стал маркирующим для важного атрибута абазинских земледельцев, которые ежегодно объединялись в отдельные группы для своевременного проведения весенних сельскохозяйственных работ. В начале эти объединения строились на родственных началах. Каждая такая группа имела свой флаг[2], который в более архаическое время имел форму треугольника желтого цвета с изображением кисти правой руки – символ рабочей чистой руки, а желтый цвет – это цвет солнца, цвет созревших колосьев. Этот флаг в производственной деятельности пахарей служил регулятором распорядка дня: поднятый флаг над шалашом руководителя рабочей группы служил сигналом начала рабочего дня, флаг в наклонном положении – команда к короткой передышке до обеда и в послеобеденное время, а спущенный флаг – это приглашение к обеду или сигнал к окончанию рабочего дня.

После окончания пахоты и сева все организованно возвращались в селение и, если погода благоприятствовала тому, группы останавливались на краю селения для проведения торжеств в честь завершения первых сельскохозяйственных работ.

В ритуале проведения праздника по поводу окончания пахоты и сева тесно переплелись магико-символическая и игровая/смеховая части. Развлекательная сторона преобладала во второй части праздника, посвященной увеселению собравшихся на этот праздник. Программа соревнований была разнообразной: в нее входили, в первую очередь, скачки на лошадях, стрельба по мишени, лазание по канату/столбу, различные виды борьбы молодых людей как то: поднятие тяжести, толкание камня определенного веса, перетягивание каната и т.д. Из этой группы спортивно-игровых действий мы сосредоточим внимание на лазании по столбу. Для испытания ловкости и силы участников игровых соревнований в землю вкапывали столб высотой до 4–5-и метров, с которого предварительно сдирали кору, а ствол смазывали животным жиром. На верху этого столба водружали старое колесо, по окружности которого развешивались разные мелкие поделки: вышитые кисеты для табака, футляры для ножей, обшитые разноцветными нитками яйца, а также разные фигурки птиц (удода, жаворонка), домашних животных (овечек, козочек и пр.), и просто круглых лепешек, выпеченных из теста. Все эти фигурки предназначались в качестве призов победителю, сумевшему добраться по скользкому столбу до верха. Такой ловкий участник имел право по своему усмотрению выбрать одну из подвешенных фигурок. Здесь также выступает символика солнца в виде стилизованной круглой лепешки. Все это в представлении народа стоит в одном ряду со всеми обрядами богатыми символикой воды, солнца, плодов земных и направленными на магическое воздействие на производящие силы природы.

Довольно любопытны те представления, какие абазинский земледелец соединял с днем летнего солнцестояния – это день летнего солнцеворота, когда солнце достигало своего апогея: самый длинный день в году и самая короткая ночь. День летнего солнцестояния абазины связывали со стихийными силами природы, главным образом, – магической силой воды. Наделение воды чудодейственной силой в день летнего солнцестояния само по себе говорит о значительной зависимости человека, его трудовой деятельности от могущественной силы воды, способной играть в жизни человека как положительную, так и отрицательную роль. В представлениях абазин в день / ночь летнего солнцестояния (в полночь /полдень) вода во всех реках, якобы застывала, приостанавливая свое течение. Испытывая суеверный страх перед всесильной силой воды, абазины боялись в этот момент оказаться у реки, в то же самое время считали самым счастливым человеком того, кто заставал этот миг на природе. По существовавшему понятию, такой человек должен был попросить у всевышнего одно, но самое

сокровенное / заветное желание, которое, якобы, обязательно должно было исполниться. Считалось, что желание нужно было успеть высказать мгновенно, чтобы оно уложилось в тот короткий миг застывания /приостановки течения воды, ибо желание, высказанное после возобновления течения воды, или же высказывание нескольких желаний не исполнялось. У абхазов, например, «Согласно старинным верованиям, любое желание человека, высказанное при виде «спящей воды», т.е. неподвижной реки, тот час же сбывается[3].

Каких-либо жертвоприношений абазины в день летнего солнцестояния не совершали. Более того, они в этот день (особенно в ночь летнего солнцестояния) старались быть дома, т.к. в эту ночь, якобы, наблюдался разгул всякой нечистой силы. Сходное поверье у русских отмечал М. Никифоровский. Так, он писал, что «... в воде в это время по сохранившемуся доселе поверью, делается что-то особенное. Рыбаки уверяют, что среди этой ночи вода покрывается каким-то серебристым блеском»[4]. «Во многих случаях, – писал Ж. Дюмезиль, – обряды в дни равноденствия и солнцестояния, в которых участвует горящее колесо – это праздник солнца, а само колесо – символ солнца»[5].

Ко дню летнего солнцестояния абазины приурочивали сбор целебных трав, находивших широкое применение в практике народной медицины. Природа в день летнего солнцестояния достигала наивысшего расцвета: начиналось созревание плодов, для земледельца наступал самый важный момент в производственной деятельности. Травы, собранные в дни летнего солнцестояния применялись в виде отваров, настоев, были испытанным средством от простуды и других заболеваний, применялись они также в качестве оберега. В день летнего солнцестояния абазины еще до рассвета выходили на луга / поля и старались умыться свежей утренней росой.

Иногда с собой брали новую одежду или же новое полотно, накрывали ими траву обильно орошенную росой и, тщательно пропитав последней, приносили домой. Если в это время в доме был кто-нибудь больной, на него одевали эту одежду, пропитанную росой, полагая, что данная процедура поможет избавиться от разных недугов. Женщин, страдающих бесплодием, заставляли кататься по росистой траве в день летнего солнцестояния. Полагали, что в это время роса теплая и потому как она обеспечивает земное плодородие, так и окажет благотворное влияние на страждущих.

В день летнего солнцестояния в течение трех дней хозяйки где-нибудь в укромном месте усадьбы ставили «еду» – миску молока, кусочек хлеба / пирога, немного воды для покровителя дома – «аунагІва айгва». Это угощение оставалось там в течение всех дней летнего солнцестояния. Затем, если собаки не съели или же птицы не расклевали «еду», хозяйка вознеся хвалу всевышнему, испросив у него благополучия для всей семьи, зарывала все это в землю там же.

В последний день летнего солнцестояния хозяйки специально пекли круглый хлеб. Его делили на три части: первый кусок – пращурам, второй – домашней скотине, третий – самым младшим в семье. День летнего солнцестояния абазины символически считали преддверием осени.

Земледелец следил за эволюцией лунного диска в ночи. Как известно, луна растет и убывает, затем совсем исчезает, а потом вновь возрождается.

У многих народов издавна существовал лунный год – мера времени, предназначена для установления религиозных праздников. При определении сроков религиозных праздников лунным календарем, например, руководствуются и магометане, которые определяют по нему наступление сроков поста «урычра» с последующим разговением – «гІид», христиане также устанавливают срок поста и празднования Пасхи. Совпадение фаз луны с различными явлениями в природе – понижением температуры и обильными росами, которые обычно выпадают в ясную лунную ночь,

усилением роста некоторых растений и лунной периодичностью жизненно важных функций человеческого организма, все это волновало человека с древнейших времен. Луна воспринималась носительницей идей вечного вселенского круговорота, подчиняясь которому, с наступлением осени все в природе погибает и вновь возрождается, когда приходит на землю весна. Недаром в народе с прибавлением месяца в новолуние связывают не только произрастание злаков, но и благополучие семьи. Так, при нарождении нового месяца абазины просят всевышнего о ниспослании здоровья для всех членов семьи, о приросте скота и вообще об удаче во всех жизненных ситуациях. До настоящего времени хозяйки в аулах все весенние посевы огородных культур, посадки новых фруктовых деревьев приурочивают к появлению новой луны.

Довольно любопытны те представления, какие абазинские земледельцы соединяли с обычными изменениями лунных фаз: период новолуния: в первую четверть народившийся месяц назывался «молодым» – досл.: «мыз шІыц»; в следующей фазе, когда месяц идет в рост, – «амыз йалахІитІ» – досл.: «месяц растет»; затем наступает новолуние и третья четверть – «мзы» – собственно луна; и последняя фаза – «амыз накъвитІ / амыз йалдзгІитІ» досл.: «месяц наклонился / уменьшился».

По древнейшему воззрению, закрепленному в сознании народа, луна рождается, растет / полнолуние /, стареет и умирает, а затем возрождается снова. Время возрастания луны считалось наиболее удачным для начала работ, а время ущерба – менее или совсем неблагоприятным. При стареющей / убывающей луне, а также в период полнолуния, лунного или солнечного затмения лучше вообще не предпринимать никаких важных дел, например, постройку нового дома не советовали начинать во время ущерба луны. Рубить лес, заготавливать строевой материал полагали лучше всего начинать в новолуние; тогда червь не будет точить дерево, и оно не будет гнить. Раздел семьи /выдел сыновей в самостоятельную семью совершали также в новолуние, полагая, что имущество новой семьи будет увеличиваться соразмерно тому, как будет расти новый молодой месяц. Крестьянин безошибочно, на основе мгновенного наблюдения за небесными светилами, узнавал время ночи по их расположению на небе, создавая себе много различных примет о погоде и урожаях по их сиянию. К примеру, «если в новолуние на рожки месяца можно навесить ведро – к дождливой погоде, если же нельзя – то к засушливой погоде» – досл.: «АмызшІа ангІагылуа апщырхІа амгІа хъарышв ауазтын – жвгІваквмызхитІ, – рхІвитІ, – йамуазтын – жвгІвамызхитІ, – рхІвитІ». Если же замечали, что новый нарождающийся месяц светит до трех дней при ясном небе, то полагали, что все время до следующего нарождения этого светила будет стоять ясная погода, если же на новый месяц польет дождь / пойдет снег или же пасмурная погода помешает ему светить, то в продолжение всего месяца, якобы, погода будет или дождливой, или же на все время ожидается пасмурная. Если в период полнолуния вокруг луны наблюдается большое радужное сияние – к ненастной погоде в ближайшие дни. Ненастную погоду предвещал также закат солнца при ярком розовом / красном горизонте.

В мифологическом сознании абазин солнце и луна были представлены в качестве божеств, к которым в разных критических ситуациях обращались с мольбами. Об этом говорилось выше.

Памятники устного народного творчества донесли до наших дней богатейший материал о народных представлениях абазин о солнце и луне, где они представлены в антропомофизированном виде. В одних сюжетах они находятся в родственной связи как брат и сестра: – солнце – сестра, луна – брат, или же как супруги[6]. В последнем случае, солнце – жена, луна – брат. В абазинском фольклоре есть сюжет, где солнце пылкая супруга, месяц – ленивый муж. Это, якобы, раздражало жену. Однажды они побились об

заклад; кто из них проснется раньше, тому достанется право светить днем, а ленивому должна принадлежать ночь. Рано утром солнце зажглось и разбудило проспавшего мужа (месяц). С той поры, якобы они разлучились и светят порознь: солнце – днем, месяц – ночью. Оба стараются сблизиться, но сходясь во время солнечного затмения, они упрекают друг друга: ни тот, ни другая не соглашаются на уступки и снова расстаются. Месяц, якобы, от тоски иссыхает, уменьшается в своем объеме до тех пор, пока снова не оживет надежда на примирение – тогда он опять начинает вырастать и потом снова уменьшается.

По другому сюжету солнце и луна – брат и сестра, которые постоянно оспаривали кто из них самый красивый. В момент очередного спора сестра в сердцах бросила в «лицо» брату-месяцу коровью лепешку. Вот, говорят, почему на луне появились зримые пятна.

Подобное отношение к солнцу и луне отмечено в мифологии всего мира. «В первобытной философии всего мира, – писал Э. Тайлор, – солнце и луна одарены жизнью и по природе своей принадлежат как бы к существам человеческим. Обыкновенно противополагаемые друг другу как мужчина и женщина, они, однако, различаются относительно пола, приписываемого тому или другому, так же как в своих отношениях между собой»[7].

В абазинских народных сказках главный герой часто обращается за помощью в сложной для себя ситуации к солнцу / луне. И всегда они приходят ему на выручку.

Затмение солнца или луны воспринимались как величайшее несчастье: народ трубил тревогу, били во все железные предметы, во двор выбрасывали все железные орудия труда, связанные с сельскохозяйственной/земледельческой деятельностью. В иные критические периоды совершали даже кровавые жертвоприношения.

Про солнечное или лунное затмение говорили, что «Амара акIытI / Амыз акIытI» – досл.: Некто/нечто держит солнце/луну», или же чаще говорили: «Амара аткъва йакIытI» /Амыз аткъва йакIытI» – т.е. «Солнце в плену у дракона» / «Луна в плену у дракона».

На первый взгляд, все, что касается народных примет за «поведением» солнца и луны может показаться примитивным. Однако все они имеют и более глубокие рациональные корни. Эти приметы не случайны, не произвольны, а сложились в результате многовековой эволюции, под влиянием природных, социально-экономических факторов. Они отражают коллективный опыт труда многих поколений. Этот опыт передавался из поколения в поколение в результате трудового процесса. В системе воспитания подрастающего поколения большое внимание уделялось передаче знаний по народной метеорологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абазинские народные сказки (на абаз. яз.). Сост. Меремкулов В.Н. Черкесск, 1986. С. 260; *Тугов В.Б., Хуранов Ш.Ш.* Заметки об абазинской космонимии // Проблемы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1986. С. 96; *Тугов В.Б.* Память и мудрость веков. Карачаевск, 2002. С. 257.

2. *Табулов Т.З.* Об абазинских диалектах // Труды Черкесского НИИ. Черкесск, 1954. Вып. II. С. 72.

3. *Инал-ипа Ш.Д.* Из скотоводческой культуры абхазов (алашкинтыр) // Известия Абхазского НИИ. Тбилиси, 1983. Т. XII. С. 97.

4. *Никифоровский М.* Русское язычество. СПб., 1875. С. 87.

5. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М., 1990. С. 77.

6. Абазинские народные сказки ... С. 73, 91; *Тугов В.Б., Хуранов Ш.Ш.* Указ. соч. С. 67.

7. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М., 1989. С. 131.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СБОРНИКА

Бгажноков Барасби Хачимович – директор КБИГИ, доктор исторических наук (Нальчик).

Бурков Сергей Борисович – старший научный сотрудник Центра археологических исследований Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ).

Гадиев Умалат Бесланович – заместитель директора ГКУ «Археологический центр им. Е.И. Крупнова» (Магас).

Дружинина Инга Александровна – помощник ученого секретаря Института археологии РАН (Москва).

Загазежев Тимур Русланович – стажер-исследователь сектора археологии КБИГИ (Нальчик).

Красильников Канстантин Иванович – доцент Луганского национального университета им. Т. Шевченко (Луганск, Украина).

Кузнецов Владимир Александрович – ведущий научный сотрудник сектора археологии КБИГИ, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Северной Осетии и РФ (Нальчик).

Кунижева Леля Замахшириевна – ведущий научный сотрудник сектора этнологии Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, кандидат исторических наук (Черкесск).

Маслов Владимир Евгеньевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник скифо-сарматского отдела Института археологии РАН (Москва).

Озова Фатима Анатольевна – ведущий научный сотрудник сектора истории Карачаево-Черкесского института гуманитарный исследований, кандидат исторических наук, доцент (Нальчик).

Прокопенко Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории XX в. Ставропольского государственного университета (Ставрополь).

Пятых Генадий Григориевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела бронзового века Института археологии РАН (Москва).

Фоменко Владимир Александрович – заведующий сектором археологии КБИГИ, кандидат исторических наук, доцент (Нальчик).

Чеченов Исмаил Магомедович – ведущий научный сотрудник сектора археологии КБИГИ, кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки КБР (Нальчик).

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов 3

Чеченов И.М. (г. Нальчик). Краткий очерк первобытной археологии Северо-Западного и Центрального Кавказа (каменный век и энеолит)..... 5

Бгажноков Б.Х. (г. Нальчик). Кавказские дольмены: планетарные свойства и местные традиции..... 41

Прокопенко Ю.А. (г. Ставрополь). Орнаменты и плоскостные антропоморфные и зооморфные изображения в художественной культуре населения Центрального Предкавказья второй половины I тыс. до н.э. 53

Маслов В.Е., Красильников К.И., Пятых Г.Г. (г. Москва, г. Луганск). Погребение с мечом из могильника Львовский–VII (Республика Дагестан)..... 68

Бурков С.Б. (г. Владикавказ). Из истории изучения бытовых памятников эпохи раннего железного века с территории Чечни 74

Гадиев У.Б. (г. Магас). Тхаба-Ерды. Христианский храм VIII–IX вв. 89

Кузнецов В.А. (г. Нальчик). Археологические данные о происхождении дигорских Баделят 99

Дружинина И.А. (г. Москва). Отражение эволюции религиозных представлений в погребальном обряде адыгов XIV–XVIII вв. 110

Фоменко В.А. (г. Нальчик). Адыги в верховьях реки Кубань в XIV–XVIII вв. (по данным археологии) 123

Озова Ф.А. (г. Черкесск). К вопросу о происхождении княжеской династии Черкесии 134

Загазежев Т.Р. (г. Нальчик). Старинные намогильные памятники с. Аушигер 159

Кунижева Л.З. (г. Черкесск). Символика солнца и луны в земледельческой календарной обрядности абазин 171

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Заведующий издательским отделом
К.М. Хахова

Художественное оформление
Б.Х. Бгажнокова

Корректор
Л.Б. Кучмезова

Оригинал макет и техническое редактирование
И.Х. Кушховой

Подписано в печать 12.05.20012
Формат заказной. Гарнитура Garamond.
Усл. печ. л. 14,3. Тираж 500 экз. (1-й завод – 200). Заказ №

Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт гуманитарных исследований
Правительства КБР и КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, Пушкина, 18